

Протоиерей Валентин Амфитеатров

*О Кресте
Твоем
веселящаяся*

Проповеди

От издателей

Эта книга представляет собой новое издание проповедей глубоко почитаемого пастыря и чудотворца протоиерея Валентина Амфитеатрова (1836—1908 гг.), прославление которого в лике святых готовится ныне. В первую часть вошли великопостные поучения пастыря разных лет, опубликованные его дочерьми в 1910 году под названием «Великий пост». Эти проповеди были изданы по рукописям самого отца Валентина. В эту же часть вошли публикуемые впервые проповеди, которые были записаны духовной дочерью пастыря, Анной Ивановой Зерцаловой, в 1937 году расстрелянной на Бутовском полигоне и ныне прославленной в лике Новомучеников и Исповедников Российских.

Вторая часть настоящей книги воспроизводит сборник «Духовные беседы» (1909 г.), в который вошли великопостные воскресные беседы, произносившиеся прот. Валентином в Архангельском соборе с 1896 по 1902 гг. Эти беседы были устроены благочинным придворных церквей прот. В. Н. Благодарным и говорились поочередно соборными и придворными священниками. Последняя из них является последним словом, произнесенным батюшкой в храме. Сюда же вошли поучения о Животворящем Кресте, которые пастырь произносил в 1897 г. десять воскресных дней подряд. Эти беседы отец Валентин сам намеревался выпустить в свет.

Поскольку большинство проповедей были записаны о. Валентином для себя, он не снабдил их ссылками на Святых Отцов, духовных писателей и философов, которых он обильно цитирует. По причине трудности установления всех этих источников, в настоящем издании были указаны только стихи Священного Писания.

Отец Валентин по праву считается одним из лучших российских проповедников, и его поучения представляют большой интерес и назидание.

Текст печатается по изданиям: Великий пост. Духовные поучения протоиерея Валентина Амфитеатрова. М. 1997. Духовные беседы произнесенные в Московском Архангельском Соборе прот. В. Н. Амфитеатровым. М. 1909.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

ПОУЧЕНИЕ В НЕДЕЛЮ ПО ПРОСВЕЩЕНИИ*

Покайтесь!
(Мф. 3; 2)

Покайтесь! — первое слово новозаветной проповеди.

Первый урок людям всех стран и народов, произнесенный Господом нашим Иисусом Христом.

Первое благовестие наступившего нового года о спасении нас, ввиду приближающегося Великого поста, святая мать наша Церковь извлекает из евангельской истории рассказ о том, что Спаситель, благоволивши принять для нас Крещение от Своего Предтечи, потом для нас подвергший Себя сорокодневному посту и искушениям в пустыне, явился с проповедью спасения, призывая всех в Божие Царство. “Покайтесь! — говорил Он, — и спасайтесь! Покайтесь, и будете чадами царствия Божия! Покайтесь, ибо приблизилось царствие Божие!” (Мф. 3; 2).

Сам Господь призывает нас в Свое Царство, с Ним вместе сошедшее с небес на землю. Послуша-

* Звездочками отмечены проповеди, записанные духовной дочерью о. Валентина св. мц. Анной (Зерцаловой) и ранее не публиковавшиеся. Анна Ивановна Зерцалова прославлена в лике Новомучеников и Исповедников Российских Архиерейским Собором 2000 г.

ются ли люди этого отечески любящего голоса, отзовутся ли на него усердием своим, преданностью своей, мыслью, волей, чувствами своими, или же он заглохнет безвозвратно, подобно тому, как умирают в воздухе чудные звуки музыки, звук сильного, красивого голоса или даже звуки грома и бурь!

Покайтесь, ибо приблизилось царствие Божие. Эти слова были произнесены Спасителем в полной надежде, что будут услышаны бедными грешниками. Евангельская история в свои страницы заключила уже множество примеров благостной отзывчивости человеческих сердец.

Примеры трогательны, назидательны, умилительны в такой степени, что св. Церковь их как зеркало ставит перед нашим лицом. С настоящего дня она не отставит от нас этого зеркала на многие недели. В наступающие недели да будут эти примеры предметом нашего внимания, потому что в них найдем все главнейшие виды грешников и их обращение — следовательно, истинные образцы покаяния.

1. Кому не известно, что многих от спасения удаляет страсть корыстолюбия. На пути к царству Божьему это — первая преграда. На ком насела ржавчина этого жестокого порока, тому очень трудно от нее освободиться! У корыстолюбивых исчезает любовь к добру, влечение к Святыне. Скупец начинает с отречения от всего, что зовет душу к чистому, душевному и живому, а кончает безумным рабством наживе, мертвому металлу. Но вот голос Спасителя достиг, говорит Евангелие, даже непросветной темной души корыстолюбца. Это был Закхей, грешный перед Господом незаконным приобретением имущества. Услышав слово Господа, он

немедленно отвергнул идола души своей. Он сказал: *Господи! половину имущества моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо* (Лк. 19; 8). Таково должно быть покаяние всех корыстолюбцев, щедрою милостынею они должны удовлетворить, загладить грехи своекорыстия и приобрести право на царствие Божие, на милость Божию.

2. У большей части людей главный душевный недуг — гордость. На примере мытаря и фарисея познаем, как спасительно смирение, и как пагубны тщеславие, высокомерие, надменность. Представим же и мы внутреннего нашего фарисея перед очи Всевидящего Господа не с тем, чтобы исчислить свои мнимые достоинства и добродетели, а для того, чтобы сокрушить нашу горделивость смирением мытаря и его столь отрадной, тихой, спокойной молитвой: *Боже! будь милостив ко мне, грешнику!* (Лк. 18; 13). На этот наш стон подвигнется Божие милосердие, подобно тому, как плач бессильного, страдающего младенца пробуждает любящую его мать. Забывая себя, она отказывается от сна, покоя и пищи, стремится успокоить дорогое ее сердцу дитя.

3. Плотоугодие и сладострастие — пороки, не дремлющие в нашем обществе. Они те страшные звери, ищущие добычи, чтобы поглотить живое и целое, о котором упоминает Евангелие. Плотоугодники — страстные люди. На них дух нравственной сдержанности, чистоты и умеренности, не производит влияния, как на утративших обоняние не производит влияния аромат. Страстные люди — бедные люди. Они не замечают своей нечистоплотности, животности, опасностей. Они — блудные дети. Но Евангелие представляет пример покаяния и для

них в истории блудного сына, вернувшегося к отцу, чтобы повергнуться с раскаянием в его объятия. Ни перед кем из нас не заперта дверь в жилище Отца Небесного. Из всех, кто со страхом благочестия подходит к этим святым вратам, никто не будет отвергнут. Напротив, каждый из вас знает, что отходит утешенным, убежденным, что у Отца его Небесного *обителей много* (Ин. 14; 2) есть для каждого сына и дочери, место избранное, прекрасное, одежда новая, вечерняя, сладкая жизнь — день беззакатных лучей, теплых и живительных.

Покаемся же, братия! Горе нам, если по малодушию презрим голос Божий, призывающий к покаянию. Тогда мы, грешные, услышим над собой приговор вечной Правды: *Я звала, и вы не послушались Меня, и отвергли все Мои советы и обличений Моих не приняли; когда придет на вас беда, тогда будут звать Меня, и Я не услышу* (Прит. 1; 24–28).

О, Господи Милостивый! Да не будет такого горя и такого несчастья ни с одним из нас, здесь собравшихся! Аминь.

8 января 1895 г.

ПОУЧЕНИЕ В НЕДЕЛЮ О СТРАШНОМ СУДЕ*

Сегодня память Страшного Суда. Церковь напоминает об этом событии, желая возбудить в грешнике чувство раскаяния. Есть много на свете людей, которые, злоупотребляя Словом Божиим, думают и говорят: “Ведь Бог милосерд, беско-

нечно милосерд, станет ли Он со всей строгостью судить о наших слабостях человеческих?” И, рассуждая таким образом, продолжают жить во грехах. Вот и мы, *малое стадо* Христово (Лк. 12; 32), здесь ныне собравшиеся, все мы боимся Страшного Суда! Но боится кто или не боится, думает ли кто о Страшном Суде или позабывает, — а Страшный Суд будет!

Знаете ли, чем и как он начнется? Небеса пройдут с шумом. *Солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба* (Мк. 13; 24–25, Мф. 24; 28). И тогда узрят Господа с сонмом святых Ангелов “не в смиренном и уничижительном образе раба и посланника Божия, но во всей Своей силе и славе” (см. Мф. 16; 27, Мк. 8; 38, Лк. 9; 26), и предстанет пред Ним все человечество, предстанем, следовательно, и мы, братья и сестры.

Воображение отказывается представить себе этот страшный переворот на земле, на небе и в целой вселенной. “Зачем это?” — говорят. Затем, что природа создана для человека и всегда, подобно рабу, следует за ним, сообразуясь с его судьбой. Переворот ужасный.

Нам известно, что даже незначительные и нередко повторяющиеся уклонения природы производят на нас впечатление. Известно, например, что землетрясение, минутное затмение солнечного света, даже сильная гроза производят нервное возбуждение не только в людях, но даже в неразумных животных. Замечаем, что во время землетрясения животные дрожат, сильная гроза производит ощутительную тревогу между птицами, животные стараются со-

мкнуться в стайный круг; во время солнечного затмения нападает на людей нервное расслабление, упадок сил, тягостная и безотчетная скорбь.

Представьте же себе состояние грешника, когда вдруг неожиданно небеса с шумом прейдут (2 Пет. 3; 10), земля будет терпеть борьбу стихий, и затем среди измененных небес бедный грешник увидит знамение Сына Божия, т. е. Его Крест, и наконец, лицом к лицу увидит и Сына Божия, Таинства Которого и веру святую он так легкомысленно попирает! Ужасные минуты! Невыразимо тяжкое, безысходное, безутешное состояние!

Это начало Суда. Теперь послушайте, как будет он совершаться.

Нелицемерный Судья, Господь Иисус Христос, сядет на Престол славы Своея. Тогда отвернется книга жизни (Апок. 20; 12), та самая книга, какую каждый из нас теперь незримо пишет на своей совести, когда он что-либо делает, думает, желает или замышляет; эта книга лежит теперь в сердце каждого из нас до самого Страшного Судного дня, но тогда раскроется перед Всевидящим Господом, перед собором Ангелов и святых наша совесть, и будет явна и обнажена вся проведенная нами жизнь.

За откровением каждого из нас последует окончательная участь наша, и после этого праведные будут навеки отлучены от грешников. Теперь и плевелы, и пшеница (см. Мф. 13; 25—29), и порок живет на счет добродетели, являясь под ее покровом, как сорная трава, появившаяся между цветами, заглушает их. Но во время жатвы (Мф. 13; 30) при кончине века настанет разлука вечная грешных с праведными. Между теми и другими утвердится

навек неизмеримо — глубочайшая и великая пропасть. И тогда праведники воспримут от Господа своего Спасителя и Искупителя награду за свои добрые дела. Приидите, благословенные Отца Моего (Мф. 25; 34), — скажет Он им, — “вы плакали, вам тяжело жилось, вас не ласкала жизнь — теперь торжествуйте победу над злом: возрадуйтесь! А вы? Вы были кротки и смиренны, вас позорила клевета, вы молчали, вас мучила ложь и неправда, вас одолевала тоска, соблазн, вас распяляли страсти, а вы боролись и искали только царствия Божия. А вы? Вы не могли без сострадания пройти мимо раздетого, безмолвного, вы были жалостливы к должнику, сострадательны к заключенным в темнице, вы не обидели и не обсчитали ни вдовы, ни сироты, вы были милостивы.

Приидите же ныне, Я вам дам блага, которых не видало человеческое око, о которых не слыхало человеческое ухо и до которых не простиралось человеческое воображение (1 Кор. 2; 9). А вы? О, это чистые сердцем, вы всю жизнь горели любовью к Богу и ближним; вы все искали чистой, бескорыстной любви, которая уносит человека на крыльях бессмертия в небо и вечность; вам не удалось испытать на земле это чувство, вам было трудно не запачкать чувства грязной чувственностью и плотской страстностью, однако сердце ваше устояло: вы не ходили в “похоти сердца” (см. Рим. 1; 24), вы не глядели на то, что делали другие, что делают все, но горели, как яркий и чистый светоч, постоянным огнем любви к Богу, ко всему истинному и прекрасному. Приидите же ныне, войдите, труже-

ники и труженицы, и все обремененные, и Я успокою вас (Мф. 11; 28).

Участь одних решена; И идут праведники в жизнь вечную и воссияют, как солнце, в Царстве Отца Небесного (Мф. 25; 46, 13; 43).

Но вот еще безучастные массы, трясущиеся, как древесный лист. Какая этих людей ждет награда? Какие еще отрадные и блаженнотворные слова изнесут уста Спасителя Господа нашего Иисуса Христа? К ужасу, эти слова будут решительным и страшным приговором, присуждающим несчастные души к вечному мучению. *Отойдите от Меня, все делатели неправды (Лк. 13; 27)*, — скажет им Правосудный Судия. И отойдут в муку вечную, там будет плач и скрежет зубов (Мф. 25; 46, 30), и начнется для них безрассветная ночь.

Но прекратим здесь свое слово. Страшен Суд Божий, страшен потому, что им навеки решится судьба нашей души. Но щедр и милостив Господь, долготерпим и многомилостив (Пс. 102; 8); дивны и страшны дела Твои, Господи!

5 февраля 1985 г.

ПОУЧЕНИЯ ПЕРЕД НАЧАЛОМ ВЕЛИКОГО ПОСТА

ПОУЧЕНИЕ ПЕРВОЕ

Наступает Великий пост. Семь недель св. Поста, стоящие преддверием великого праздника во славу Христа Спасителя, по выражению св. учителей Церкви, — лестница, по которой хрис-

тиане должны восходить к духовным совершенствам. Сумевший и успевший пройти твердой стопой по этой лестнице способен принять в себя дары Святого Духа и созерцать величайшее таинство Христова Воскресения.

Каков же должен быть наш пост, чтобы он был угоден Богу и спасителен для нашей души? Над решением этого вопроса человеку нет необходимости мудрствовать. Необходимые качества поста указаны в нынешнем Евангелии.

1. Первое условие нашего говения и христианского поста — незлобие души. Человеку гордому, человеку немиролюбивому, строптивому недоступны утешения истинного поста. Когда душу нашу обуревают злые воспоминания и неблагожелательность, когда наше сердце беспокойно волнуется чувством гнева, мести и ненависти, то мы не постимся и не говеем. В этом состоянии человек, хотя бы уста его и повторяли слова молитв, а слух внимал церковным песнопениям, не замаливает свой грех, но усугубляет его. В этом состоянии человек — раб страсти.

Истинный же пост возбуждает в душе чистейшие, благороднейшие чувства любви. Трезво и разумно проходит пред сознанием человека великость той цели, к какой он направил свою душу. Достижение этой цели обставлено величайшими качествами любви. На пути к этой цели желающему должным образом провести Великий пост нужно ни на минуту не забывать обязанности — быть кротким. Кротость и уступчивость — это первые одеяния христианского поста. Умение сдержат гневный порыв, умение удалить от себя зависть и соперничество, навык поступиться великодушно своими правами —

это есть первое богоугодное начало поста христианского.

Продолжая идти в том же направлении, человек-христианин во дни поста должен выработать в себе еще ценное добродетельное качество — снисходительность. В забывчивости о своих личных недостатках мы часто являемся грозными и страшными по отношению к человеческим ошибкам и проступкам. Горьким словом, презрительным взглядом мы унижаем личность другого человека. Это есть тот грех, который губит любовь нашей души. Благо тому, кто во дни поста успеет сломать и сокрушить в себе этот грех и на его место водворить в душе благожелательность, дружескую услужливость и другие чистые и честные свойства Божественной любви. Таким образом, главное и первое условие поста — приобретение человеком любви к человеку. Любящая душа, озаренная светом благодати, украсится дарами Святого Духа.

2. Второе условие христианского поста изображено в следующих словах Самого Иисуса Христа: *Когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися* (Мф. 6; 16). Лицемеры соблюдают правила поста и говения только напоказ людям, а не для Бога постятся. Они хотят, чтобы другие их считали постниками, а не того, чтобы постом расположить свою душу к добрым делам и угодить Богу. Лицемерный пост оскорбляет Бога, отвращает Его любящее и правосудное око от человека.

Истинный пост должен быть предпринимаем для Бога, то есть для того, чтобы возможными душев-

ными и телесными подвигами очистить душу от грехов, расположить ее к добру. Очевидно, такая душевная деятельность труднее, нежели лицемерное телесное пощение. Здесь человек находится в ежеминутном соприкосновении со своей совестью. Совесть постоянно напоминает человеку о смирении, о сокрушении сердца. Она постоянно показывает нашему сознанию душу в ее неприглядных положениях.

Когда больной человек видит осязательно язвы на своем теле, очевидно, он переживает глубокое горе. Он скроет эту язву и не будет ее выставлять напоказ как услаждение своего самолюбия. Так и сознание духовного несовершенства есть первый шаг в стремлении его исправить.

3. Третье условие христианского поста, по учению Евангелия, — это постоянное мысленное обращение человека к небесному счастью, приобретенному для нас Иисусом Христом. По наставлению Св. Церкви мы должны постоянно молиться и думать о том, как бы получить небесное царство. Нас крестили младенцами в купели затем, чтобы мы попали в это царство. Нас подводили к Чаше Христовой только за этим. Словом, молитва наша — и общественная, и частная, одинокая — есть просьба этого царства.

Но чаще всего наша жизнь явно отрицает это стремление. У человека является в данном случае странное и непостижимое несогласие с самим собой. Это зависит от простой причины — от того, что многие из нас неясно, слабо и неопределенно представляют себе небесные блага и вообще душевные наслаждения. А между тем это представление не-

бесного и чистого и составляет для человека истинное блаженство, истинный источник воды живой, про который беседовал Иисус Христос однажды с женой самарянской (Ин. 4; 7–15).

Мы, привыкшие вести расчеты только с настоящей действительностью, похожи на людей, которые утоляют жажду мутной и гнилой водой. Но это удовлетворение незаметно несет за собой ослабление и расстройство сил. Душа человеческая не может быть довольна настоящим, ограниченным, чувственным. Ей необходимо блаженство не на время, но навсегда. Когда мы истинно любим, нам хочется любить не на срок, но вечно, вечно-бесконечно. Временное обладание — это эгоизм, чувство, недостойное человека, и есть не что иное, как животное наслаждение чувств.

Когда мы смотрим на небо, на полные текущие весенние воды, на прекрасный луг, на шумящий лес, то всегда в душе является не столько радости, сколько томления. Душа чего-то ищет, куда-то стремится, облекается в думы и воспоминания, скорбит и изнемогает. Мы слушаем вой бури, гром тучи, пение, музыку и испытываем то же самое — вместе и радость, и печаль. Мало ли примеров, что люди плачут от самого прекрасного, усладительного пения?

Что же все это значит? Это значит, что бессмертный дух наш, прикованный к страстной плоти, заключенный в беспорядок, суету и безобразие, слышит тогда стройный голос своей отчизны, видит, хотя неясно, неописанную красоту небесного блаженства, вспоминает свой нетленный, вечный рай. Итак, самое лучшее и высшее наслаждение наших чувств есть явное указание на небесное наслажде-

ние. Так нужно смотреть на все чувственные наслаждения. Это суть подобия вечного блаженства и непреходящей радости; они — прямые или косвенные напоминания о нем и призывания к нашему возделенному Отечеству.

Пусть каждый из нас поставит за необходимость стремление к высшим духовным наслаждениям. В них, только в них — и небо, и вечность, и рай, и самые люди как ангелы. Эти наслаждения чистые и святые. Они успокоительно ведут человека посреди сени смертной: они “возделенное Отечество подают нам, рая паки жителей нас сотворяя”. Поэтому-то Спаситель в Евангелии, которое вы слышали, предупреждает: *Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкопывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкопывают и не крадут* (Мф. 6; 19–20).

Вот урок нашей Матери Церкви в день прощания нашего с грехами и суетой. Не будем учениками рассеянными и ленивыми. Этот урок весьма важен для тех, кто хочет говеть и кто хочет поститься. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ВТОРОЕ

Святая Церковь почти ввела нас в пречестные дни святой Четыредесятницы, “к очищению души и тела, к воздержанию страстей, к надежде Воскресения”. Дни начинаются великие, и богослужение Церкви изменяет свой обычный характер.

1. На первой неделе поста Церковь устраняет обыкновенную светлую и боголепную торжественность своих обрядов, для того чтобы ощутительнее показать нам необходимость смиренномудренного покаяния в духовном сокрушении и в мысленной думе о потерянном рае, об утраченной каждым из нас сердечной невинности.

2. В первую седмицу Великого поста сладкогласные песнопения умолкают. Взамен их чаще слышатся покаянные псалмы Давида и молитва святого Ефрема о том, чтобы Господь отъял от нас дух праздности, дух гордости и празднословия и дал нам дух чистоты, смиренномудрия, терпения и любви.

3. В древние времена в этот день собирались египетские пустыnnики для последней общей молитвы и, испросив друг у друга прощения и благословения, расходились по окончании вечерни по пустыням и кельям для уединенных подвигов в продолжение св. Четырехдесятницы. Монастырские ворота запирались до Вербного воскресения, когда пустынножители возвращались в церковь, проведши, подобно Спасителю, сорок дней в пустыне в посте и молитвах.

4. Всегда Церковь повелевает благоговейное стояние в храме, но преимущественно в наступающую неделю. Знайте, что она положительно запрещает во время богослужения в эту неделю всякие разговоры. Чтобы не развлекалось внимание, Церковь советует думать в это время о своих грехах, вспоминать про неминуемую для каждого смерть, вспоминать будущие радости для праведников и тяжелые муки для грешников.

5. Посещая богослужение первой недели, вникайте в особенность его. Чтения и песнопения направлены к тому, чтобы человек сознал свой грех и обратился к Богу. В первые пять дней поста сообщается история человеческого грехопадения. Грешит же человек всегда невоздержанием. Невоздержные Адам и Ева не могли вкушать плодов древа жизни; невоздержным христианам не послужит на пользу Причащение Тела и Крови Господа.

В первые пять дней поста услышим мы грозный голос пророка Исаии против лицемерных постов и суеверного раскаяния. Именем Бога говорит пророк: “Ненавидит душа Моя ваш пост и вашу праздность. Когда прострете руки ваши ко Мне, отвращу глаза Мои от вас; если умножите моление, не услышу вас, потому что руки ваши хищнические. Отымите лукавство от душ ваших, перестаньте лицемерить, научитесь делать добро, избавьте обидимого, приютите сироту, утешьте вдовицу” (ср. Ис. 1; 11–18).

Вот в чем заключается истинный пост. “Постящися, братие, телесне постимся и духовне. Разрешим всякий союз неправды, всякое списание неправедное раздерем; дадим алчущим хлеб и нищия бескровныя введем в дома. И приступим ко Христу в покаянии, вопиюще: «Боже наш, помилуй нас»”. И еще: *Не замышляй против ближнего твоего зла. Не ссорься с человеком без причины. Господь гордым противится, смиренным дает благодать* (Прит. 3; 29, 30, 34).

Но особенное умиление и благочестивую настроенность в душе возбуждает канон покаяния, читаемый на повечерии. Весь он есть не что иное, как

разговор человека со своей душой, со своей совестью.

Итак, братья, по милости Божией, начнем пост. Но будем поститься не телесно только, а главным образом, духовно. Очистим свой ум бесстрашием, сердце чистотой и волю неуклонным исполнением своих христианских и человечески потребных обязанностей. Да послужит всем нам пост — о чем и молится Церковь — “в освящение и просвещение, в крепость и здравие души и тела, в погубление лукавых помыслов, помышлений и предприятий”. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ В СРЕДУ ПЕРВОЙ СЕДМИЦЫ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Благодарение Господу, дождалась мы поста, и нам всем указано поститься. Но что значит поститься? Церковь сама взяла на себя преподать нам этот урок. Она призывает нас к воспоминанию одного из самых трогательных событий своей истории.

На земле находился земной рай. У ворот его стоял Херувим с пламенным мечом. Вокруг рая — бесплодная пустыня, и в ней два человека. Эти два лица, мужчина и женщина, плачут и болезненно стонут: “О рай, увы мне! Твоей сладости не наслажуся! Не узрю Господа Моего и Создателя. В землю пойду, от нея же взят бых. Милостивый, Щедрый, вопию Ти: помилуй мя, падшаго”.

Знаете ли, чей это голос сегодня повторяет Церковь? Это скорбный голос наших несчастных прародителей, изгнанных из рая. Но эта скорбь должна быть внятна и нам. Под этой грустью проходит вся наша жизнь. Адам и Ева скорбят у дверей рая, а мы тужим всю жизнь, пока не проводят нас также в лоно земли, от которой мы взяты, пока не успокоит нас земная могила.

Так вот где — в пустыне, у дверей рая, началась вся эта суетная жизнь со всеми ее скорбями, нуждами, страстями и надеждами, невоздержанием и постом, грехом и покаянием, верой и молитвой.

О чем же плакали наши прародители? Их занимали два предмета: настоящее бедствие и прошедшее блаженство. Первое производило у них сокрушение, а второе — обращение к раю.

Эти два состояния духа завещаны и нам. Если вы хотите путем поста достигнуть спасения, то предлагается Церковью вам два средства: первое — сокрушение во грехах и второе — молитва.

Без этих средств нет истинного покаяния. Оба средства делают нас способными принять участие в небесном рае, делают нас причастниками Святых Таин Христовых, радостно проводят христианина среди сени смертной “и вожделенное Отечество подают нам, рая паки жителей нас сотворяя”.

Итак, вот урок для начавших пост: сокрушение о грехах и молитва. Они низводят любовь Божию к грешному человеку; они возвращают потерянную чистоту и ведут на небо и блудницу, и грешника. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ О ЗНАЧЕНИИ ЕФИМОНОВ

Настоящим днем закончились ефимоны* этого года. Что такое за часть службы, называемая ефимонами, и в чем ее содержание?

“Ефимоны” — название греческое, в переводе на русский язык означает “с нами Бог”. Все содержание девяти покаянных песен однообразно: христианин-грешник обзревает свою жизнь, видит в ней пятна, которыми она опорочена, и старается уничтожить эти пятна раскаянием и упованием на милосердие Божие. Кающийся грешник с лицом, обращенным к алтарю, закрытому занавесью, как к раю, закрытому для грешника, устами старшего представителя Церкви, своего духовного отца, выражает вслух те мысли и чувства, какие наполняют душу, готовую раскаянием вернуть чистоту, невинность и непорочность своей совести.

Церковь представляет человеку все доводы, что совесть есть чистое зеркало души, в котором она видит ясно себя и даже Бога; но в тусклом зеркале трудно заметить истинный свет.

В ефимонах Церковь убеждает человека в том, что незазорная совесть всегда хранит непорочность: в устах человека — истина, а в делах — честность. Во всех наших действиях совесть, как яркая лампа, освещает нас всесторонне. В ефимонах Церковь говорит: “Что пользы человеку, если его хвалят, а обвиняет собственная совесть? Напротив, что может

* Здесь ефимонами называются великие повечерия, на которых читается Великий канон св. Андрея Критского.

вредить человеку, если бы все напали на него, но обороняла бы только собственная совесть? Совесть — это великий наш судья: он не приклонится ни просьбами, ни дарами”.

Где бы мы ни оказались, где бы мы ни были, совесть всегда с нами. Она носит в себе все, что в нее ни положим, — как доброе, так и злое. Пока живет человек, совесть все за ним записывает на свои скрижали и в записанном отдает отчет умершему, то есть когда по смерти явится человек перед судом Божиим.

В ефимонах говорится, что источник человеческого благополучия и его бедствий находится в самом человеке. Что пользы больному смертельным недугом от того, что он лежит на золоченой и мягкой постели? Что за радость и удовольствие тому, кого совесть жжет и грызет, хотя бы он и гордился наружным благополучием и изобилием?

В ефимонах говорится, что существуют три судилища: суд людей, суд совести и суд Божий. Суда Божия и суда совести избежать нельзя. Этим свидетелям не препятствуют ни стены и никакие ограды. Бог и совесть видят все наши помышления и все дела.

В ефимонах еще говорится, что собственное сознание уничтожает нас в то время, когда другие нас хвалят. Мы, сознавая за собой грех, презираем себя самих в то время, когда другие воздают нам знаки почтения; мы притворяемся довольными в то самое время, когда уныние и тоска мучат сердце. На смертном одре всего сильнее сказываются последствия доброй и злой совести. Так, если умирающий был добр, совесть возобновляет всю свою успокаивающую и утешающую силу. А если умирающий был

человек нечестный, то совесть пробуждается со всем своим мучением и пытается душу за то, что человек презирал ее убеждения в продолжение своей легкомысленной и беспутной жизни.

В ефимонах еще говорится, что нет на свете больше счастья, как чистая совесть. Где она находится, там есть истинное спокойствие, святое удовольствие, небесная радость, неустранимость во всякой опасности и постоянное мужество под тяжестью неудач и бедствий. Совесть безвинному страдальцу говорит: “не имею в чем укорить тебя” — и распростирает над ним во все дни его жизни радость и удовольствие.

Еще говорится в ефимонах, что христианская душа, утратившая дары совести, должна поспешить через покаяние и исправление вернуть их. Только при свете доброй совести воцаряется в душе благое спокойствие.

А спокойствие совести есть начало вечной жизни. С ним — радость в бедности, без него — ужас в изобилии. На Страшном Суде ровно ничего не значит ложная похвала людская. Там не может причинить нам никакого вреда и клевета людская. Не люди на последнем суде нас оправдают или обвинят, но Сам Бог и наша совесть.

В ефимонах говорится, что наша совесть бессмертна, как и душа наша бессмертна. Мучения души будут столь же продолжительны, как будет жива совесть, то есть вечны. Мучения совести — это внутренний пламень, жгущий душу.

Но пока мы живы, есть средство успокоить совесть, есть средство зачеркнуть в ней греховную страницу наших дел и чувств. Средства эти: добровольный пост, благоговейная молитва, чистосердеч-

ное раскаяние, которое пророк Иеремия называет “слезами, погашающими пожар”.

Мы взяли из содержания прочитанных ефимонов только одну мысль: о средствах приблизиться к Богу через очищение и освящение своей совести. Помолимся же, чтобы Господь нам помог управлять свою жизнь, привести свою совесть в доброе настроение и от Господа, Праведного Судьи, принять венец истины. Чтобы нам наша совесть могла сказать: *Добрый и верный раб! В малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего* (Мф. 25; 21). И все мы, спокойные духом и чистые сердцем, приступим к св. Чаше Спасителя, веруя, что Он даст нам узреть Себя и приобщить, то есть присоединить нас Себе во веки веков. Аминь!

ПОУЧЕНИЯ В НЕДЕЛЮ ТОРЖЕСТВА ПРАВОСЛАВИЯ (в первое воскресенье Великого поста)

ПОУЧЕНИЕ ПЕРВОЕ

Вера для человека составляет величайшее, ни с чем не сравнимое сокровище. Она — дар живой и небесный. Тысячекратно счастлив тот, кто сохранил веру; жалок и беден тот, кто ее расточил, потерял или легкомысленно уничтожил. Чтобы не потерять веру, — для этого требуется от человека зоркая осторожность.

Люди, у которых есть сокровища и драгоценности земные, обыкновенно, прячут их от похищения в безопасном месте, берегут за надежными замками.

Запорами и оградой веры служат разнообразные христианские установления, правила и обычаи. Отцы и деды наши соблюдали веру; они берегли и набожно хранили православные установления. Мы же, их потомки, на разные христианские обычаи или смотрим холодно до пренебрежительности, или же совсем их зачеркиваем, как необязательные, вовсе бесполезные для нашей нравственной цели.

Укажем на некоторые довольно поразительные в этом случае явления.

1. Прежде всего укажем на общественное богослужение в дни воскресные и праздничные. В не очень далекие времена, на нашей памяти, не быть за обедней в воскресный и праздничный день считалось не только грехом, но стыдом и позором. В праздник все шли в церковь; не только взрослые, но и немощные старцы; младенцев несли на руках туда.

Присутствие в храме Божиим для наших предков составляло обязательнейшее из дел. Но теперь совсем иное. Немногие семьи могут заявить, что они безопустительно присутствуют на воскресных и праздничных богослужениях. Напротив, множество семейств может признаться в том, что под воскресенья и накануне праздников их члены совершенно свободно посещают целонощные зрелища, игры и забавы, после которых, разумеется, физическая усталость не позволяет даже и мысли об участии в общественной молитве. Да и что пользы такому богомольцу, который, не освободившись от груза всякого рода чувственных наслаждений, явился бы в церковь, где молитвы и песнопения полны задушевно умильными просьбами о помиловании,

о спасении души, об исцелении душ, озлобленных, бедствующих и нуждающихся в Божией милости и Божией помощи?

В храме Божиим идет воскресная служба, к которой зовет громкий призыв колоколов, но этот призыв глухо отзывается в сердце беззаботных. Обычай пропускать воскресные и праздничные службы вошел в такую силу, что наше молодое поколение к нему привыкло. В глазах большинства это не кажется преступным, а между тем на самом деле с этим обычаем сломалась значительная ограда нашей веры. Не в диковинку встретить у нас так называемых “ученых” людей, которые позабыли уже главный состав наших общественных богослужений. Они путают молитвы литургийные с молитвами всенощной, путают числа праздников, забывают значение праздников.

Таким образом, в делах православной веры и некоторые бояре стали на одну линию с неграмотными простецами: и тот, и другой в области православия — как в темном безвестном лесу.

2. Другое учреждение церковное — посты. Тягостно даже говорить, во что они обратились во многих православных христианских семьях. Образовалось разделение столов и трапез: обеды скромные, обеды рыбные, безрыбные. Это разделение само по себе уже есть раздробление взглядов и убеждений на установление поста.

В суждениях об установлении поста слышится то явное, нескрываемое негодование на пост, который будто бы несовместим с духом свободы христианства; то какое-то снисходительное отношение к посту: одни не признают поста, другие измышляют

свое деление поста, дают ему свой устав; третьи, желая не оскоромиться, пускаются в истинное сластолюбие, множеством разнообразных блюд стараются облегчить немощи свои. Трудно даже сказать, много ли найдем лиц, которые твердо держатся убеждения православно-христианского, что *не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих* (Мф. 4; 4).

Легкомысленные воззрения на пост расшатывают его установление в православном обществе. Расшатывая пост, ослабляют самую веру. Известно, что если неприятель, осаждая крепость, заметит в ней хоть маленькую брешь, он усилит все свои средства, чтобы нанести через это слабое место возможно больший вред всей крепости. Так и в делах веры: враг нашего спасения чрез ослабление поста в христианском обществе не преминет сделать более успешные нападения. После ослабления и нарушения нами поста что может препятствовать нам нарушить и евангельские заповеди и т. д.? Ведь все преступления начинаются с малого, и уже потом опытностью доходят до большого и ужасного: в морозный холодный день в несколько часов через открытое малое отверстие можно остудить самое теплое помещение. Так, в тяжелое, смутное время постепенно совершается утрата религиозных начал: сперва отрицается малое, а потом больше, а потом уже все святое, благочестивое и священное.

3. Говорят, что хотя в наше время народ мало ходит в церковь, хотя мало или совсем не постится, зато в нашем обществе более, чем прежде, развит дух христианства; евангельские заповеди, проповедуемые Церковью отвлеченно, вошли в дух, цели

и деятельность общества. Где же и в чем состоят плоды этой веры? Мы видим, что общественные и частные силы погружены в заботы о жизненных удобствах: всюду широкое требование, широкие и безграничные потребности, а отсюда — ненасытная жажда корысти, прибыли, барыша; всюду погоня за богатством, за добычей. Между тем заповедь евангельская ясна и проста: *Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мк. 8; 36) — душе, которую ему ничем не выкупить из вечных мук адских?

Далее: всюду нынче проповедают гражданскую честность, а между тем то и дело слышится про лихоимство, про кражу общественных, государственных и казенных сумм. Христианство проповедует общую честь человеческую. Оно просто говорит: *“Живи своим, не бери чужого, не завидуй имущему, будь доволен тем, что имеешь по закону Божию и человеческому”*.

Далее: кому же неизвестны у нас расточительность и мотовство? С каждым ветром меняются моды платьев, уборов и нарядов. Кому неизвестно у нас искажение вкуса в забавах и развлечениях? Это, разумеется, не признак усвоения нами веры, а те тусклые факелы, видя которые, мы знаем, что сзади их шествует погребальная, печальная процессия.

Как бы ни было, а нам, православным христианам, не следует забывать и оставлять благочестивых обычаев своих отцов. Для этой цели теперь время самое благоприятное. Пост св. Четыредесятницы только что начался — можно попривыкнуть к добрым делам, если захотим. Пост — дело святое; в это время Церковь все свои меры употребляет для

того, чтобы оживотворить нас верою и возбудить в нас чувство раскаяния и исправления. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ВТОРОЕ*

*Бодрствуйте!
Вам говорю всем: бодрствуйте!
(Мк. 13; 37)*

Такими словами Господь наш Иисус Христос указал на великое значение человеческой жизни. Жизнь — дар небесный и прекрасный, и с тем вместе тайна великая. Она требует от всякого разумного существа осмотрительности и внимательности.

Боголюбивые Отцы Церкви, чтобы уяснить великое назначение человеческой жизни, сравнивали ее с морем, воздвигаемым бурей напастей. Всякому известно, сколько нужно внимания и осмотрительности, чтобы корабль не разбился о подводные камни и не погиб, пока не достигнет, после благополучного плавания, безопасного берега. “Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурей, к тихому пристанищу Твоему притек вопию Ти: возведи от тли живот мой, Многомилостиве”.

Другие боголюбивые Отцы и учителя сравнивали человеческую жизнь с полем брани, на котором человек ведет беспрестанную борьбу с сильными и хитрыми неприятелями. О, сколько нужно на войне зоркости, чтобы иметь успех, сколько надо забот, труда, чтобы не уступить врагу господства на собой!

Третьи из богоносных Отцов и учителей сравнивали жизнь человеческую с богатым домом, бла-

госостояние которого подвергается опасности быть огражденным злыми людьми. Такой дом требует бдительной охраны, трезвой и надежной стражи днем и ночью. Но внушительнее всего изрек отеческое завещание нам наш Спаситель: *Бодрствуйте, вам говорю всем: бодрствуйте! Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Мк. 13; 37, 14; 38) греха и смерти. От невнимательности нашей к Богу, ко всему, нас окружающему, усиливается грех. Он ослабляет последние наши душевные и телесные силы. Взяв нас в плен, грех мучит нас страстями, ужасает нас, как лютейший тиран издевается над нами, берет у нас дорогое, любимое, разбивает скрижали добра в нашем уме, чувстве и сердце.

А за грехом идет смерть. Если бы она явилась доброй светлой сестрой, закрывающей глаза наши своей любящей рукой, если бы она явилась заботливой матерью, старающейся дать своему чаду спокойный отдых, если бы она явилась блаженным сновидением, которое столь часто улаживает душу бедняка страдальца, делая его обладателем во время сна того, чего он не имеет в действительности, но чего так настойчиво желает! Увы, нет! *Смерть грешников бедственна* (Пс. 33; 22), по словам псалмопевца. Она, отнимая у грешника жизнь с ее надеждами и любовью, отнимает безвозвратно на целую вечность. Не пугать нас хочет Господь, враждуя нас и говоря о необходимости самовнимания и самопознания, но — чтобы нас спасти. Настоящее время поста опытными в благочестии людьми считается благоприятным временем для самонаблюдения, для самоизучения. *Бодрствуйте. Вам говорю*

всем: бодрствуйте! — вещает Спаситель. Не попускайте входить в разум хульных, преступных помыслов для нарушения нашей святой веры.

Бодрствуйте. Вам говорю всем: бодрствуйте! — на страже своей воли. Не позволяйте рождаться в ней преступным желанием. Десятая заповедь: *Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ничего, что у ближнего твоего* (Исх. 20; 17). *Бодрствуйте. Всем говорю: бодрствуйте* на страже своего сердца. Оно, наше сердце, может быть храмом Святого Духа, но сердце преступное, страстное может быть притоном разбойнических зол, жилищем неопрятности, нечистоты, сладострастия, сокращающего и убивающего человеческую жизнь.

Бодрствуйте. Вам говорю всем: бодрствуйте! — на страже своего воображения. Не допускайте ему выступить из среды благочестия, не запятнайте его сумраком, затемняющим образ и подобие Божие, нам всем прирожденные. *Бодрствуйте. Вам говорю всем: бодрствуйте!* — на страже своей памяти. Все, что каждому из нас внушали наши матери, хорошие учителя, бескорыстные и любящие не словами, но и делом, духовные отцы, — да сохранится в ней. Все, чему нас учило и учит Евангелие и святые Апостолы, Св. Библия, Св. Отцы Церкви, — да напечатлется в ней. Все, что мы знаем благородного, величественного, высокого, поднимающего душу, и все, что должны знать, пусть входит в двери памяти подобно кадильному фимиаму жертвы Святой, подобно утренней заре, выводящей нас восходом солнечного света из тьмы ночи!

Бодрствуйте. Вам говорю всем: бодрствуйте! — на страже своего тела. Не попустите, чтобы оно властвовало над духом. Пусть оно будет верным слугой, приятным учеником нашей души. А если оно станет своенравным, смирить его — как оно ни близко нам, как оно нам ни дорого; смирить свое тело молитвой, постом и трудами.

Итак, еще раз откроем свои сердца и примем в них незабвенные слова нашего Человеколюбца Христа: *Бодрствуйте. Вам говорю всем: бодрствуйте!* Аминь.

18 февраля 1895 г.

ПОУЧЕНИЯ ВО ВТОРУЮ НЕДЕЛЮ ВЕЛИКОГО ПОСТА

ПОУЧЕНИЕ ПЕРВОЕ

Прошло две недели Великого поста, в которые Православная Церковь призывала нас к исправлению, раскаянию. Она, как нежная и любящая мать, предлагала нам пройти святую Четыредесятницу под ее руководством. Предлагала и предлагает она нам правила жизни, поучая одних, кротко обличая других, поддерживая и укрепляя на истинном пути третьих.

Но многие из нас ее совета не слыхали или же не обращали внимания на эти призывы. Для многих из нас время несется вперед, как бурный вихрь, увлекающая нас за собой, как бездушные, лишённые самостоятельных сил предметы. И мы, влекомые все дальше и дальше, находимся в странном положении

людей, имеющих глаза, но не видящих; имеющих уши, но не слышащих. Гроза гнева Божьего гремит над нами, а мы и под ее молотом приходим все в большее и большее умоисступление. Люди из себя представляют истуканов, не чувствующих знамения времени, не вразумляющихся наставлениями Церкви, глухих к голосу разума, холодных к мольбам чувства и укорам совести.

Время безостановочно свершает свой ход, и мы только считаем число дней и страшных бед, испытываемых нами, не вдумываясь в их внутреннее значение. Между тем страшные дни заключают в себе грозное назидание и поучение. Мы должны видеть причину случающихся несчастий в себе самих. Губит себя отдельный человек, губит себя и целый народ грехами. Умножение грехов умножает болезни и виды болезней, сокращающих нашу жизнь.

Видимый и явный грех нашего времени — самолюбие, презирающее закон Божий, закон государственный, закон природы. Человек не хочет сдерживать своих похотей, не считает необходимым воздержаться. Кому неизвестно, что масса людей гибнет от объядения и пьянства? Начало этих двух грехов лежит в том, что люди презирают требования Церкви, заповедующие воздержание и трезвость. Если человек нарушил эти требования, то он нарушит требования и те, которые предлагает ему общество. В дни установленного поста люди ведут жизнь зазорную, не отличая пост от других дней. Когда людям не совестно нарушать пост перед обществом, тогда они идут еще дальше: они пресыщаются и упиваются. И таким образом нарушают третий закон — закон природы.

Наказание за нарушение этих требований не опаздывает: мы видим целую массу несчастий, происшедших от невоздержания. Явно и душевные пороки ведут за собой неисчислимыя несчастия. Церковь, как нежная мать, учит смирению; государство — самоуважению; природа — поддержанию в себе человеческого достоинства. И опять мы свободно нарушаем эти законы, а за нарушением, как тень за телом, следуют горе и бедствие. Где причина всех наших внутренних и внешних затруднений? В нежелании исполнять закон Божий. Где причина наших безрассудных предприятий и несчастных неудач в предприятиях? В том, что мы беремся не за свое дело; беремся горделиво провести корабль через бурные пучины океана, когда еще неопытны в плаваньи на реке в лодке.

Где причина отсутствия в нас характера, воли? В том, что мы слишком своеобразно и своевольно живем; не ставим для себя ни меры, ни цели. Оттого-то живем долго, а жизнь проходит без удовольствия и наслаждений, Богом назначенных человеку на земле. Человек не бывает в храме, не знает наслаждений, какие дает ему Божье слово, Божественные службы. Человек вольно живет в семье, любит лишь себя самого, оттого он не понимает семейной радости, не ощущает в себе самом чувств великодушия, преданности, любви. Привычки жить для себя и в себе, он не понимает народного горя, не понимает народных печалей и делается похожим на истукана, которого где ни поставь, он будет безгласен и бесчувствен.

Но Церковь опять неумолчно зовет к исправлению. Спаситель зовет нас к вере. Уверуем и ис-

целимся, и тогда Он нам скажет, как сказал исцеленному расслабленному ныне в Евангелии: *чадо! прощаются тебе грехи твои* (Мк. 2; 5). Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ВТОРОЕ

О значении покаяния в жизни христианина

Время Великого поста день ото дня сокращается для христиан. Дни идут своей очередью, приближая нас к неделям праздников Воскресения Христова. Радость ожидания возбуждает наши чувства, и, с другой стороны, грусть охватывает душу, когда совесть говорит сердцу, что мы проводили время поста не так, как следовало бы истинным христианам.

Однако время еще не все миновало в вечность. Евангелие и Церковь не умолкают проповедовать покаяние и призывать к покаянию: *покайтесь, ибо приблизилось царство небесное* (Мф. 4; 17). Это были первые слова, которыми началась проповедь Иисуса Христа. Следовательно, спасение души и покаяние — две истины, одна от другой не отделимые, одна без другой немислимые. Без покаяния нет спасения.

1. Первый приступ к покаянию со стороны человека состоит в том, чтобы он обратил свои мысли и желания к возвещаемому Евангелием царствию Божию. Нет особенного затруднения человеку оглядеть свою душу. Во время этого осмотра совесть и память покажут человеку его мысли, чувствования, желания и действия. Человеку остается работа устроить свой душевный мир таким образом, чтобы на место злых мыслей и грубых намерений поста-

вить добрые; взамен порочных, мрачных желаний поставить добрые; злую, жестокую, упорную свою деятельность изменить на труд добродетели, святости и чистоты.

В этом состоит начало и потребность покаяния. Следовательно, весь труд человека заключается в одном — устроить себя согласно с требованиями человеческого достоинства. Победим узкое себялюбие, любовью преодолеем эгоизм, растлевающий душу, — вот условия истинного покаяния.

2. Мы так привыкли слышать жалобы на то, что жизнь скучна, и сами мы нередко жалуемся, что жизнь тяжела. Скука и тяжесть жизни — это два давления, которыми принижается радость существования. Нет дня в нашей жизни, на который мы могли бы указать как на светлый и незапятнанный. Нет такого дела, которое мы успели кончить без тревожной мысли о его несовершенстве.

На всем предпринимаемом нами отражается видимая немощность, влекущая за собой недовольство. Чем человек дольше живет, тем жизнь делается все труднее и скучнее. На душе лежит бремя; сердце болит, ноет. Снять эти оковы с человека все-сила одна благодать Божия. Эта благодать подается в покаянии. Эта благодать очищает и исцеляет душу. Только в разумной исповеди слагается с души бремя, ибо это бремя есть не что иное, как сумма наших же грехов. Ни от чего иного не получится оздоровление душевных сил, как от покаяния. Здесь действуют силы благодатные, всемогущие, врачующие, успокаивающие и просвещающие человека. Без этого средства жизнь человеческая, хотя бы она была обставлена роскошью богатства,

почестями славы, красотой молодости, — бремя не-легкое и полное душевной муки.

3. Благодать Божия не забывает ни одного человека в мире. В списках человечества пред очами Всемогущей Правды бездольных, несчастных нет. Бедные и богатые, убогие и славные, старые и молодые, красивые и некрасивые — все равные дети Небесного Отца. Всем до единого выносятся одна Чаша Тела и Крови Христовых, всем до единого предлагается быть участниками жизни вечной. Приступить к этому равенству, к этому союзу во Христе, принять благодать Божию в себя доступно только “чистому сердцем” (см. Мф. 5; 2). Без внутренней чистоты человека не озарит благодать Божия. Принять благодать Божию значит, другими словами, принять в себя Господа.

Господь же только той душе сообщается, которая полна чистыми мыслями и благими намерениями, а ни мысли добрые, ни намерения благие невозможны без раскаяния, без очищения себя душевным само-сознанием. Христос осенил благодатным успокоением души мытарей и блудниц за то одно, что они, слушая учение Его, каялись и исправлялись.

4. Раскаяние — одно из тех спасительных для человека средств, которым возможно воцарить в душе успокоение и утешение. Сам Спаситель обещал успокоить и обрадовать “всех труждающихся и обремененных” (Мф. 11; 28). Он же как милосердный Отец обещал позабыть все наши беззакония: *И беззаконник, если обратится от всех грехов своих, какие делал, и будет соблюдать все уставы Мои и поступать законно и праведно, жив будет, не умрет. Все преступления его,*

какие делал он, не припомнятся ему (Иез. 18; 21–22). Примеры спасительного раскаяния, выставляемые Священным Писанием и историей Церкви, трогательны. Царь Давид загладил свое тяжелое преступление покаянием. Апостол Петр очистил свое троекратное отвержение горькими слезами. Какое важное дело сделал разбойник, что получил рай в несколько минут? Принес покаяние. Мария Магдалина заслужила любовь Христа тем, что омыла Его ноги слезами покаяния.

5. Эти примеры и приведенные убеждения в необходимости покаяния указывают сами собой обязанность христианину исполнить этот спасительный долг. Нам это нужнее, нежели было нужно нашим отцам. Наше время до того исполнено разными злоупотреблениями, что человек поневоле вынуждается задавать себе вопрос о свободном выходе из уз греховных. У кого из нас не болела душа и кому не нужно духовное врачевство?

А между тем вместо того, чтобы искать исцеления, мы позволяем привычкам и наклонностям делать свое злое дело. С каждым днем подрастает себялюбие, житейский расчет; подрастает и увеличивается разъединение, недовольство. Над душами стоит словно диавол с отравой уныния и отчаяния и готов их затуманить и опьянить. В данном положении благоразумный христианин должен опомниться. Он не должен пренебрегать тем, что душе его сообщит свет и радость. Он не должен отлагать покаяния. Отлагать покаяние значит умножать тоску жизни, умножать число грехов. Если же один грех, по слову апостола Иакова, *рождает смерть* (Иак. 1; 15),

то сколько смертей рождается с появлением многих грехов!

Нельзя пропустить без замечания одного признака наших нравов. Мы одушевлены добрыми намерениями, планы нашей жизни начертаны искусной рукой. Нынче один говорит много о хороших чувствованиях, завтра иной много рассуждает о добре, об истине и красоте. Все это могло бы быть очень похвально, если бы не имело в себе характер легкомыслия. Приходится встречаться со многими, весьма многими благими намерениями и чувствованиями; но они подобны нежным прекрасным цветам, которые вянут от зноя, зябнут от холода и ломаются от ветра.

Сегодня примечается такой горячий порыв души, который способен разогнуть железо, а завтра уже он остыл, его нет ни в мыслях, ни в чувствованиях. Сегодня тяжелый вздох о спасении, слезы, как ручьи благодатной, целебной воды, льются из глаз стремящихся узреть благочестие и спасение, а назавтра видим иное — как бы в подтверждение того при словия, что слова и слезы так же коварны, как вода. Оказывается, это были не слезы умиления, а слезы возбужденного состояния. Что нынче принимаем, то завтра отвергаем. Легкомыслие — вот камень преткновения на пути правильной жизни. Оно может быть устранено только покаянием.

Будем же внимательны к Христовой заповеди о покаянии. *Покайтесь, ибо приблизилось царствие Божие* — зовет Спаситель. “Покаяние отверзи мне двери, Жизнодавче”, — не перестает, рыдая, воспевать наша нежная Мать, Православная Христова Церковь. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ТРЕТЬЕ*

Бодрствуйте.

Вам говорю всем: бодрствуйте!

(Мк. 13; 37)

В прошлое воскресенье с этого священного места многие из вас уже слышали эти назидательнейшие слова Господа нашего Иисуса Христа. По милости Божией, мы старались вникнуть в это заветное Человеколюбца. Размышляя, мы пришли к убеждению, что каждому из нас как христианину необходимо стоять на страже всех сил и способностей своей души и своего тела. Только неослабным самовниманием мы можем держать свое тело в подчинении духу.

Ныне снова продолжаем свою проповедь о духовном бодрствовании. *Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна* (Мк. 14; 38), — поучает Спаситель. В истине того, что дух действительно бодр, мы убеждаемся из своей решимости держать пост, лишая себя многих удовольствий, лстящих чувственности в пище, одежде, зрелищах, принуждая себя к напряженному молитвостоянию и т. д. Дух бодр. С другой стороны, мы постимся меньше и хуже, чем должны, проводим св. Четыредесятницу не так, как хотели — не в святости и чистоте духа. Этому причиной служит немощь тела.

Что же нам делать, чтобы наши прекрасные христианские желания получали святое исполнение? Для поддержания постоянной бодрости духа Спаситель заповедует всем нам молитву: *Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Мк. 14; 38). Только молитва сильна удержать нас от видимой

опасности сделаться добычей соблазна и падения. Убеждение в том, что мы делаем какой бы то ни было подвиг для Бога, укрепляет в нас решимость исполнить его до конца. С молитвой незримо присутствует сознание о добре, правде и красоте всякого доброго дела. Без молитвы всякое хорошее по мысли дело не имеет в себе ясности и отчетливого представления. Известно, что апостол Павел возбуждал своих слушателей и учеников, когда они боялись упасть под бременем уныния и отчаяния, словами: “Помните, что Бог за вас”; *Если Бог за нас, кто против нас* (Рим. 8; 31). Но всегда, когда мы делаем доброе дело, начинаем, продолжаем и оканчиваем его молитвой, с нами присутствует Божия сила. *Все возможно верующему* (Мк. 9; 23): зло побеждается там, где оно по-видимому, укрепило себя на несокрушимой основе.

Примеры, укрепляющие душу силою молитвы в опасностях жизни, неисчислимы. Откройте Св. Писание: оно, точно светозарными лучами, освещено примерами значения молитвы. Вот апостол Петр, шедший к Спасителю по водам. От сильного волнения вод он слабел в вере. Опасность была пред глазами. Видевший ее апостол Петр тотчас воззвал к Спасителю: *Господи, погибаю, спаси меня* (Мф. 14; 30). Волны обессилели. Их сменило чудо торжества молитвы. Кто читал житие св. мученицы Иустины (2 октября), тот решительно убедился в значении и силе молитвы. Эта благородная девица в продолжение отрочества, юности и возраста женственной телесной красоты была притесняема и гонима за свое целомудрие. Каких бед, несчастий ни испытала

она, сколько горьких слез ни пролила она в своей жизни!

Опасности ей предстояли отовсюду: и от молодых, и от старых, и от друзей внешних, и от чужих в дому и на улице; но самый ад был бессилен одолеть ее святую чистую решимость. Она, исключительно благодаря молитве, сохранила навсегда свое целомудрие, окончив дни жизни в святой непорочности, увенчанной сиянием девства.

Кому не известны опасности, пережитые Моисеем, вождем израильского народа, Давида Царя и псалмопевца, скорби Божией Матери? Они молча изливали перед Богом свою душу в молитве. Бог всегда отвечал чудом избавления. Я убежден, что многие из здесь присутствующих знают по личному опыту спасительную силу молитвы на себе самих и на других лицах, которые живут и благоденствуют только благодаря своей молитве.

Если вы согласны с тем, что молитва устраняет опасности жизни, то знайте, что молитва должна быть с всецелою преданностью, чуждой всякой самонадеянности. Не в том состоит молебен, чтобы отслужить его только по прекрасной форме, какую он имеет, но в том, чтобы в каждом его слове слышалось сознание опасности падения, бессилие личное, упование на всемогущую десницу Божию. Самонадеянность губит многих стоящих на высоте святости. Она довела самого апостола Петра до падения и горьких слез — что же можно после этого сказать о нас, немощных, на каждом шагу своей жизни видящих беды, напасти, угрозы, прелести и соблазны?

Бодрствуйте! Вам говорю всем: бодрствуйте. Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в ис-

кушение. Положите, братья и сестры, эти слова Христовы в свое сердце, и с благодатью Св. Духа все мы из этого храма ныне “с миром изыдем”. Аминь.

26 февраля 1895 г.

ПОУЧЕНИЯ В НЕДЕЛЮ КРЕСТОПОКЛОННУЮ (в третье воскресенье Великого поста)

ПОУЧЕНИЕ ПЕРВОЕ

Явися, великий Господень Кресте! Покажи ми зрак Божественныя твоя красоты ныне”, — такими словами песнословит Святая Церковь нынешнее празднество. “Крест Господень услаждает горести и все бедствия и искушения верующих”, — песнословит Святая Церковь. Итак, ничего не может быть приличнее в этот раз, как беседовать о Кресте, который Христова Церковь предлагает нам для поклонения.

Все мы более или менее подвергаемся бедствиям в этой жизни и имеем нужду в утешении. Утешение человеческое, к которому прибегаем в наших горестях, всегда слабо, ненадежно и неполно. Ибо наши утешители — такие же люди, как и мы сами, подобно нам, имеющие нужду в помощи других. Один Крест Господень всегда всем и во всех несчастиях может подать истинное утешение и верную отраду.

Но от чего происходят наши скорби?

1. Чаще всего людские страдания вызывают телесные недуги. Болезни, как неотступный враг, до-

саждают человеку, лишают его прирожденной красоты, лишают покоя, пугают неизлечимостью и смертью.

Но пусть больной обратит свой взор на Крест. Кого мы видим на нем? Мы видим Господа нашего, всего изъязвленного, покрытого ранами от ног до головы и претерпевшего всевозможные телесные страдания, чтобы возвратить страждущему нашему телу не только здоровье и естественную красоту, но и даровать ему славное бессмертие.

2. Криклива скорбь у человека о недостатках в этой жизни. Плачет мать, когда видит, что голодны или худо одеты ее дети, горюет отец, не имея возможности избавить свою семью от житейских лишений. Да, скорбь человека в борьбе с бедностью очень плаксива и голосиста. Но безотраднее всего то, что в нашем опошлившемся так называемом “свете” чужое горе безответно и редки люди, готовые явиться на помощь бедности. Зато всем нуждающимся и обремененным не запрещен доступ к подножию Креста.

Холодные, голодные, бесприютные, станьте пред Распятием Спасителя! Он во всю Свою жизнь не имел, где приклонить главу (Мф. 8; 20), и, наконец, ее приклонил на позорном Кресте. С Него буйная толпа сняла на Голгофе последнюю одежду. Ему, жаждущему, пожалели дать воды, а с озлобленной насмешкой над умирающим подали горькую желчь и кислый оцет. Он страдал и умирал, всеми покинутый, совсем беспомощный. Для чего же были эти Страсти? Да для того, чтобы Его страданиями утешались все несчастные, все нищие духом и телом,

которым посредством Креста возвращается вечное, истинное сокровище!

3. В наш самолюбивый век есть еще одно досадное горе — это обидчивость. Люди в суете гонятся за почестями и славой; всем хочется стать повиднее, повыше. Ловкие, смелые люди без особого смущения взбираются ввысь и оттуда с презрением смотрят вниз. И чтобы не было восхода на гору другим, люди с высоты готовы иногда у людей, стоящих под горой, отнять даже честное имя их. Но и под горой, и в пропастях земных есть животворящее чудное древо Креста, которое возвращает всем гонимым за правду вечную славу. Утештесь: наш Спаситель не имел ни вида, ни доброты; Вид Его презрен и умален пред людьми (Ис. 53; 3). “Он вразумлял грешников — Его называли пьяницей; Он исцелял больных и учил людей правде — Его называли лукавым. *Бес в Тебе* (Ин. 8; 52), кивая на Него головой, говорили самолюбцы, стоявшие высоко.

4. Еще горе в этом мире — измена или переменчивость друзей. Когда мы богаты, славны, у нас нет недостатка в приятелях, готовых разделить наше счастье. Но вот посетило нас бедствие — и друзья с каждым днем редеют. Какой вдове, каким сиротам, каким обедневшим людям не известен этот убийственный покровительственный тон прежних друзей, сухая беседа и горделивый поклон старых знакомых? Между тем в это-то время мы и нуждаемся в друзьях, в их беседах, в их утешении.

Эта переменчивость — тяжелое горе. Однако и у весьма позабытых, у всех сирот и вдов, у всех беспомощных и одиноких есть друг неизменный —

это Господь наш Иисус Христос. Взгляните, покинутые друзьями, на Господень Крест: вы увидите Спасителя, положившего *душу свою за друзей своих* (Ин. 15; 13).

5. Еще одно и сильное горе слышится в этом мире. Вот горе женщины — у нее умер милый муж; вот горе детей — у них смерть отняла отца. У одной отняла брата, опору и защиту; у другой — сестру-друга. Жалоба на смерть — со всех сторон. Отняла смерть и схоронила милых людей в могилу — отняла и превратила в прах. “Не надо нам богатства, не надо нам почестей, — говорят горюющие, — воротите нам наших друзей!” Просьба неисполнимая. Но все, испытавшие утраты незаменимые, станьте ближе к Кресту. На этом древе Христос пострадал, чтобы воскресить людей и навеки соединить с теми, которых смерть разлучила с нами на короткое время.

6. Вот уже пять разрядов человеческой скорби нашли мы, но их не пять, а миллионы. Зло в воздухе, зло повсюду, зло несчетно. Остановлюсь еще на одной чистой скорби. Это страдания души при воспоминании своих явных и тайных грехов. Совесть, как тяжелый молот, ударяет по нашим чувствам. Ужас охватывает грешника: “Что я сделал! Что мне за это будет?”

Успокойся, кающийся грешник, у подножия Животворящего Креста. На Кресте изображено совершенное прощение всех грехов кающемуся; изображено на этом же Кресте и дарование оправдания всем христианам, уповающим на Господа. Приступим же, братья, к Животворящему Кресту и облобызаем его с верой и любовью! В нем наша отрада.

Крестом мы крестились в купели, крест у православного христианина на груди, крест у нас и на могиле. В нем наша отрада и упование. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ВТОРОЕ

Слава Богу, показавшему нам свет. Для подкрепления нашей веры и достойной христианина нравственности св. мать наша Церковь изнесла из алтаря для нас Крест Господа.

Господь наш, распятый с распростертыми руками, взывает: *Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мф. 16; 24). Это призыв к самоотвержению, к несению креста и к последованию своему Господу.

Взгляните на самое положение на Кресте Спасителя. Оно спокойное. Во время Его распятия все было в страшной тревоге: земля колебалась, небо омрачилось, горы раздались, гробы издавали мертвецов, преданные Распятому люди били себя в грудь и горько плакали; враги, несмотря на свое видимое торжество — что убили Праведника — цепенели от страха совести своей. Один только распятый наш Спаситель был совершенно покоен. Он с Креста, как Царь с престола, делал распоряжения и в раю, и на земле, и в самом аду: рай обещал покаявшемуся разбойнику, на земле устроил судьбу плачущей Своей Матери, в аду проповедовал покаяние не успевшим исправиться грешникам.

Отчего же в Спасителе такое чудное спокойствие среди самых тяжких страданий? От всецелой

преданности Его воле Бога Отца. Он страдал, Он молил как Человек, чтобы чаша страданий была пронесена мимо Него. Но наступила минута, которую Он завершил молитвой: *не Моя воля, но Твоя да будет* (Лк. 22; 42). После этого Спаситель уже не молился о мимонесении предопределенной Ему чаши страданий, но, видя в самых страданиях славу Свою — Божию, молился так: *Отче! пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя, так как Ты дал Ему власть над всякою плотью, да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную* (Ин. 17; 1–3).

Господь показал этот образец, чтобы и мы искали спокойствия в совершенной преданности воле Божией. А потому требует от нас самоотвержения, говоря: *Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя*. Он как бы так говорит: “Кто хочет достигать предписанного в Евангелии совершенства, тот отрекись от своей воли и живи так, как Бог велит, потому что без воли Божией и *волос с головы вашей не пропадет* (Лк. 21; 18). Не обращай внимания на приятное и неприятное для твоего самолюбия. Не надейся на сильных покровителей и не сердись на своих видимых врагов. Приятное даруется тебе, чтобы ты не унывал, а неприятное — чтобы ты не забывался. Сильные мира могут оказать тебе поддержку, если дозволит это Бог, а притеснители могут душить тебя, позорить, вредить, пока попустит им Бог. Возведи ум и сердце горе, к Богу, — сам поверишь, что решительно всем управляет Бог. Без воли Божией можно делать зло, но и самое зло ведет к тому, чтобы яснее и милее стало добро”.

Вот почему Спаситель наш требует от Своих последователей самоотверженности и преданности воле Божией, а губитель мира — диавол — внушает своеволие. Он всячески старается унижить в человеческих глазах цену самоотвержения и преданности воле Божией. Возьмем важные часы в жизни каждого из нас, когда мы произносили обеты: на добро, на самоотвержение, на послушание воле Божией. За примером нам недалеко ходить.

Осмелюсь взять в пример себя самого. Помню, когда мне предложена была степень священства, я горячо произносил обеты, соединенные с этой степенью. Я желал быть тем, чем должен быть настоящий священник. Даже более, чем мне предлагали, чего от меня требовал формальный закон: я изучал священническую ставленную грамоту на память, от слова до слова, по совету рукополагавшего меня архиерея, но я ее дополнял и усугублял. Мне хотелось быть, как говорит пророк, “рукой безрукому, ногой хромоту, глазами слепым” (Иов. 29; 15) и т. д.

Когда я мнил быть должным священником, то диавол молчал и только злобствовал, выжидая для себя удобной минуты. Потом стал мало-помалу нашептывать в мысли житейские попечения, от которых суживались более и более обеты самоотвержения. Стали посещать иные мысли, и говорили они мне о том, что надо брать пример с живых лиц, славных в мире сем, а не с тех, которых жизнь, мысли и дела утверждены на заповеди Иисуса Христа: живи, как другие, иди за толпой, будешь сыт, будешь жизнерадостен и т. д.

Таким образом диавол уносил из нашего сердца не только желания добра, но и данные обеты. Вот

еще образец: вижу человека, жизнь свою готового положить за просвещение других, жить и умереть на работе мысли и духа. И тут, когда дается обет, диавол молчит, но избирает минуту и, насмешливо смотря на твой труд, он показывает тебе гору, которую будто бы ты хочешь снять одной своей рукой, и, увы, клеветник и завистник святыни уносит из сердца желание прекрасного труда, и перед нами является человек — не христианин обета, а тщеславный торгаш, умеющий своею духовною силой не просвещать, а поработать ближних.

Вот еще пример: сходятся жених и невеста. Они ясны и невинны, любящие и любимые; истинно во образе Христа и Церкви два существа. О как они прекрасно начертали свою совместную будущую жизнь: они будут примером религии, нравственности, добродетели, вечной любви и верности друг другу; их дом — теплое солнце с весенними лучами, их дом — рай земной; они уже на земле члены царствия небесного. Вот сочетались они — диавол не мешал им; он дышит злобой и ждет своего времени.

Проходят месяцы и редко — годы. И диавол врывается в их мысли: “Почему мы так живем? Соседи наши живут иначе, весь мир живет иначе: и ссорятся, и сходятся, и изменяют друг другу, и делают все для того, чтобы, как говорится, не стеснять себя”. Семья уже не рай, а узы — не легче тюрьмы, а сами они — о как они изменились! Заурядные люди, которым хочется счастья, а счастья-то нет ни себе, ни другим. Теперь это нечестивые. Они в жизни бегут, гонимые страхом, хотя за ними и никто не гонится. Растоптав союз одной дружбы, они ищут счастья с другими — и никогда, нигде не найдут.

Да, братья и сестры, возлюбленные! Распятый Христос простирает к нам Свои пречистые руки. Он готов принять нас, как отец принял блудного сына, возвратившегося к нему из страны дальней. Вернем, братья, лучшие наши желания идти со Христом, быть Христовыми и вперед уже не отдаваться от Него на пути своей воли или вредного подражания так называемым “практическим правилам” людей, у которых желания только срочные, земные. Эти желания — порывы похоти и очес.

“Иже в шестый день же и час, на Кресте пригвождей в рай дерзновенный Адамов грех, и согрешений наших рукописание раздери, Христе Боже, и спаси нас!” (Тропарь шестого часа). Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ТРЕТЬЕ*

*Доброго, которого хочу, не делаю,
а злое, которого не хочу, делаю
(Рим. 7; 19)*

В таких словах апостол Павел делает оценку действий человеческой жизни. Грустное признание, которое невольно просится в уста при обозрении своей жизни у каждого христианина. Это признание есть искренняя исповедь нашей совести, нашего сердца. Скажем больше: едва ли найдется в нашей среде кто-либо, из присутствующих в этот час здесь, во храме, которые, видя пред собой отворстыми царские врата, ведущие к Престолу Божию, в эти дни святого поста, внутреннего обозрения своей христианской деятельности, своего пережитого, передуманного и испытанного, не повторили бы боговдохновенных слов Апостола Павла: Гос-

поди, доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю! (Рим. 7; 19).

Дивное создание — человек. Он и дух, и плоть. Одни успевают возвыситься, просветить свою святость до ангельского во плоти совершенства, другие, увы, пригибают себя до уподобления несмысленным скотам.

В одном и том же человеческом существе две противоположности: тело изнемогающее, стареющее, хилое, как прах, и дух — сила непреоборимая, которой повинуются, как слуга, вся природа: и суша, и воды, и светила небесные, и рыбы в водах, и птицы, летающие по воздуху, и звери в лесах. В одном и том же человеке — два закона, противодействующие один другому, — телесный и духовный. Один — от Христа, другой — от маммоны. Чего хочет один, то неприятно другому. Это — вода и огонь, целебнейшее тепло и разрушающий холод. Вот почему апостол Павел и сказал: *Доброго, которого хочу, не делаю а злое, которого не хочу, делаю (Рим. 7; 19).*

В одних людях дух преобладает над плотью, в других — тело одолевает дух, третьи — колеблются попеременно. Они служат то духу, то плоти, переходят как своенравные наемники от одного хозяина к другому, пользуясь даром свободы, какой наделены все мы от Всевышнего Создателя.

Люди, служащие духу — работники блаженной вечности, люди, служащие плоти, — рабы времени. Первые “малым чем умалены пред Ангелами” (Пс. 8; 6), вторые — чада персти: земля они и в землю пойдут (см. Быт. 3; 19). Господь наш Иисус Христос нисшел с неба, терпел на земле и показал сорокадневным Своим постом (образ нашей Четырнадцатидневной), учением, жизнью и смертью Своей,

каким образом соблюсти человеческое достоинство, душу и тело. Господином тела должен быть дух. Его действиями святится и тело. Христов дух внушает человеку искать средств совершить добродетели смирения, воздержания, целомудрия, терпения, мира, кротости, незлобия и непамятозлобия. Плоть же внушает человеку искушения гордости, надменности, сластолюбия, плотской нечистоты, сребролюбия, злословия, вражды, мщениия и других недобрых расположений. Судите сами, кого надо слушаться: духа или плоти?

Христов дух внушает человеку простирать свой мысленный и сердечный взор за пределы временной жизни. Человек духа Христова носит с собой всюду — и дома, и в обществе себе подобных — мысль о смерти, о благах вечности, о том, что он странник на земле, о том, что его отечество — на небе. Человек же плотской живет настоящим. Увы, бедный, он в юности страстен скотски, а в старости жаден, алчен, неспокоен, как ненасытный зверь. Дай мне золота, все куплю, дай мне жизнь сытую, мощную — всем завладею: вот его язык.

Живущий по духу Христову ожидает воздания за свои добрые дела от Бога, а плотской, если что-либо сделал достойное, тотчас домогается награды от людей. По духу Христову — чем ниже находишься на лестнице земной, тем более уповай на небесное царство, потому что и Христос сказал: *блажены нищие духом, ибо их есть царство небесное* (Мф. 5; 3). Но плоть требует дипломов, чинов, повышений места здесь, требует в ущерб достоинству других. Жизнь преобразуется в охоту за местами и дипломами без строгого внимания к себе

самим. Человек, воспринявший в себя дух Христов, пред Господом постоянно сознает свое ничтожество, пред ближними смиряется, почитает их лучшими себя, а плотоугодники считают самих себя дороже всех, нужнее всех, унижают стоящих ниже себя.

Люди, которые приобрели дух Христов, выносят презрение людское от зла, подобно Спасителю, который молчал перед Пилатом и распинателями, но плотские люди этого не могут стерпеть. Они стараются мстить обидчику, уничтожить и стереть его с лица земли.

Люди духа Христова питают любовь ко всем людям, не исключая врагов, а потворствующие плоти никого не любят, кроме себя самих. Послушайте их суждения. Из них вы узнаете, как страшно иметь их врагами: они творцы сплетен, они — укорители, они — непримиримые ненавистники. Люди, обожествленные духом Христовым, простосердечны, откровенны; угождающие своей плоти во всех поступках — коварны, льстивы и хитры.

Люди страха Божьего удаляются от всякого греха, как от смертоносного змеиного яда, а люди, порабощенные телу, всякий грех считают ни за что. Укажет им священник, отец, мать, что они делают грех, а они против наставлений в ответ скажут: “Ничего”.

Живущий по духу ожидает без страха смерть, разрешающую от уз телесных, но люди, подчинившие себя плоти, ни за что и никогда бы не захотели расстаться с этим миром. Они не помнят об усопших, привязаны к живым только плотскими, временными отношениями необходимости. Не надейтесь на долгую память миролюбца, не верьте ему,

когда он клянется Вам в вечной любви. Его любящие чувства не прочнее утренней росы в жаркую летнюю ночь. Любящие Христа умирают в мире с Богом, мирно, спокойно, с надеждой расстаются со своими ближними, со своею совестью, но смерть плотоугодников люта. Мы бываем свидетелями последних часов умиравших братьев и сестер и того, и другого рода. Тяжко вспоминать агонию последних.

О братие и сестры, рабы и рабыни Христовы! Живите по духу, и работайте по духу. Вспоминайте слова апостола Павла: *Что посеет человек, то и пожнет. Сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную* (Гал. 6; 7—8). Аминь.

1895 г.

ПОУЧЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ*

Наступила великая неделя в году — неделя Крестопоклонения, неделя преполовления Поста. На полпути к празднику Воскресения Христова Церковь из алтарей выносит св. Животворящий Крест и от Креста и Крестом поучает нас с упованием продолжать говение, пощение и свое направление к цели. Цель эта состоит в просвещении и освящении души и ее спасении.

1. Со св. Животворящего Креста Спаситель наш поучает нас прежде всего исполнению Его заповедей: *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня* (Ин. 14; 21). Итак, вот в чем христианское назначение: быть послушным и покорным в исполнении заповедей Спасителя.

Ставший на путь послушания человек вполне отвергает себя; он перестает любить себя, чтобы крепче

и сильнее любить Господа, он не делает того, что внушает своя воля, что подсказывает прихоть, но все свои мысли, все свои чувствования и намерения, даже весь свой физический труд сообразует с волей Божией. Взирая на Крест Спасителя, христианин прежде всего должен истребить в себе порочные склонности. Порок сам собой не уничтожится, нужно усилие, нужна работа над собой; безустанная нужна работа, чтобы вырвать с корнем сорное, ядовитое растение из сердца. Взирая благоговейно на Крест Спасителя, христианин обязан искоренить в самом себе привязанности ко всему земному; именно не к чему-либо одному, но ко всему земному.

Для души человека низмен, тесен и темен здешний мир; душа человека стремится к высокому, безграничному, к незаходимому и немерцающему Свету. “Неба больше, к небу ближе”, — вот вопль человеческого чувства у подножия Креста. Всякая иная цель — самообольщение; всякая другая цель нашего земного здесь существования — чужда Богу и христианству.

2. Преклоняясь перед Животворящим Крестом, христианин должен обозреть себя самого со всей внимательностью и зоркостью разумного существа. Если спросим себя самих: отчего мы падаем во грехах, то узнаем, что начало нашего греховного падения начинается всегда с худых мыслей и благочестивых намерений. Дурная мысль охватывает душу пожаром и пепелит в ней все добрые чувства и мысли.

На душе, как в природе, свет солнца застилается тучевыми облаками, заслоняется ночной тьмой...

На душе, в которой должно бы блистать сияние добродетелей,— становится мрачно. Ее бороздят пороки, страсти, растленные наклонности. Нам кажется, что мы можем любить Бога, любить добро и в то же время любить мир, позволять себе удовлетворение страстей. Это может только так казаться, ведь кажется же слепому, что все вещи и предметы не имеют цвета, а имеют лишь только объем. В действительности сердце человеческое не может двоиться; это не свойственно природе нашей души; к двум противоположным предметам нельзя чувствовать любви, наше сердце может предпочтительно любить что-либо одно. Но любовь к добру — чувство высокое, трудно воспитываемое и трудами оберегаемое. Святые угодники и великие праведники, чтобы внедрить в душу это чувство, начинали с лишений, с изнурения плоти, с разного рода крестов. Без креста — нет спасения, не взявши креста, мы не достигнем никогда понимания христианской истины.

3. Крест, налагаемый на нас жизнью, нелегко только в начале, а потом к нему человек привыкает до того, что не может уже с ним расстаться. Земные привязанности в душе его получают свою должную цену; всецело же сердце занято мыслию о небесном, чистом и возвышенном. К счастью, человеческая природа такова, что если раз сердце полюбит добро, оно безотступно сосредоточится все в нем; добро же будет делать свое: развивать и раскрывать полноту всевозможных совершенств. Эти совершенства людям, любящим землю, себялюбивым людям кажутся непонятными, на самом же деле они просты и естественны: кто печется о своем спасе-

нии, тот любит ближних своих, он жертвует для них своею собственностью, нередко отказывая себе во многом, а иногда и душу свою полагает за других; и все это делается по чистой бескорыстной христианской любви. “Моя любовь к небесному,— говорил св. Иоанн Богослов,— крепка, как сама смерть”.

4. Так вот зачем сегодня из алтаря выносят Крест — чтобы научить нас любить возвышенное, благородное, всесвятое, и с этой любовью искать и достигать неба, одного неба, чего бы это ни стоило. *Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мф. 16; 24); “если кто не возненавидит отца, мать, мужа, жену и детей, и братьев и сестер более Мене, не может быть Моим учеником” (Лк. 14; 26),— говорит распятый на Кресте Господь наш Иисус Христос. Как ни думайте, как ни живите, но без царства Христова, без любви небесной никакое спасение невозможно. Аминь.

24 февраля 1896 г.

ПОУЧЕНИЕ ПЯТОЕ*

Перед глазами вашими Церковь поставила на поклонение Крест Господень с тем, чтобы мы вспоминали Христовы страдания. При этих воспоминаниях всего приличнее духовное сетование и сокрушение о наших грехах. Но вот, с этими печальными воспоминаниями встретилась радостная весть Архангела о спасении мира.

Итак, что же избрать христианину: слезы или радость? Крест или райскую ветвь? На кого смотреть — на Христа ли, пригвожденного ко Кресту, или на Марию Приснодеву, Которой и в лице Ее —

всему миру, объявлено спасение? В сердце — радость, а в очах — слезы возможны ли? Возможны.

Ныне воспоминается сошествие на землю Сына Божия. В Нем и только в Нем “спасения нашего главизна”, т. е. начало, основание и причина. Если бы Он не сошел к нам, то никто бы из нас не восшел бы на небо. Но чем было вочеловечение Сына Божия для Него Самого? Оно было главизной уничижения, началом лишений и страданий. Приняв человеческую плоть, Он нашел на земле Крест, который и носил всю жизнь до той поры, пока Сам не был вознесен на Крест. Уже это одно грустью обнимает душу верующего, душу того, кто любит Господа... К чему Архангел возвещает Приснодеве радость, которая стоила так дорого возлюбленному нашему Спасителю? “Но, — говорит в то же время архангельская весть, — зато теперь ни для одного грешника нет места отчаянию”.

Радость христианина о том, что обещало архангельское слово, должна быть велика, но не самолюбива. При этой радости есть еще место обильным слезам, чтобы оплакать Своего Спасителя, Который распят не за Свои, но за человеческие грехи. И как не тужить, как не скорбеть, когда мы знаем и убеждены, что это — наши грехи измываются Кровью Господа! Ведь разве только злодеи могут видеть своего Творца, проливающего безвинно Свою Кровь за их спасение, — и не плакать!

В радостной вести Архангела душа, любящая Господа, усматривает уже воззвание к покаянию: ведь спасение миру совершится не иным чем, но смертью воплощенного Господа.

Вот и еще вопрос: все ли мы находимся в числе спасенных? Правда, спасение явлено для всех, но

Сам Спаситель еще заметил, что “немного спасающихся” (см. Лк. 13; 23—24)!?

Признак и доказательство спасения заключается для человека в спасении от зла. Если мы имеем ясное и верное познание о Боге и Спасителе и о благодати Св. Духа, без которой невозможно спаситься, — о своих обязанностях на земле, то ум наш спасен. Если наша воля укрепилась в добре, и ее чистоту не колеблет чувственность, то спасена и воля. Если сердце стремится к небу, любя добро, истину и красоту, то и сердце наше спасено.

Таким образом, в этот день, когда св. Церковь представляет нашему взору св. Крест как “символ сокрушения всякого зла”, мы в церковном песнопении слышим: “Днесь спасения нашего главизна”. Братия и сестры! Пусть явится он “днем благовещения о нашем личном спасении через благодать Господа Иисуса Христа, воплотившегося от Приснодевы”! Аминь.

25 февраля 1896 г.

ПОУЧЕНИЕ ШЕСТОЕ

Вот уже целых три недели прошло с тех пор, как вступили мы на путь поста. Часть пути уже пройдена. Но как? Житейская мудрость говорит: “Кто хорошо начал, тот совершил уже половину дела”. Можем ли мы это доброе присловье приложить к себе? Как бы то ни было, мы на пути. Возвращаться назад не следует, остановиться на полдороге — скучно и недостойно. Нам следует идти вперед. Но как идти? В решении этого вопроса является добрым советником наша Церковь.

1. Она указывает нам на то, чтобы мы сознали, взвесили свои собственные грехи. Пост, воздержание и говение для того и нужны, чтобы человек взгляделся в себя и увидел бы свое внутреннее “я”. Обычно наша жизнь представляется нам той роковой необходимостью, при которой мы самих себя стараемся во всем извинять, прощать и оправдывать.

Мы стараемся заговорить свою совесть, представляя, что мы не делаем грехов и подвержены только слабостям. Не погружаясь в глубину своей души, мы со смелостью высокомерного и дерзкого фарисея говорим себе: “Мы не воры, не разбойники, не грабители, не прелюбодеи”, а на самом-то деле мы заражены грехом от головы до ног! В опьянении своими видимыми добродетелями мы не замечаем, что червь страстей подтачивает наше человеческое достоинство и мы стоим на краю бездны, готовой нас поглотить.

В этом состоянии мы уподобляемся тому несчастному, который в необузданной и безрассудной веселости предается пляске, не предчувствуя, что за ним стоит апоплексия, готовая отнять у него навеки способность движения. Церковь говорит нам: “Пост вам не будет в пользу, если вы в течение семи недель будете настолько безвольны, что не вспомните своих грехов и не раскаетесь в них пред Господом. Ваш пост будет не во спасение, если вы в течение его не сделаете ни одного доброго подвига, ни одного достойного христианского дела”.

2. Церковь велит нам во дни поста беспристрастно оценить себя. Она в самопознании видит единственно верное и необходимое средство к христианскому

совершенству. Пока дух самопознания не охватит нашего сердца, вся наша жизнь будет сцеплением греховных действий, грешных чувствований и помышлений. Чтобы приобрести самопознание, нужно требовать отчета у своей совести. Чтобы совесть не оглохла, для этого необходимо в течение суток час или два проводить в уединении и свою душу окрылять страхом Божиим. Чтобы пост послужил нам в пользу и удовольствие, нужно положить хранение на свои уста и вникнуть в себя. Вникнуть в себя — это значит поставить себя перед судом совести и пред судом Божиим.

“Кто ты и чьей веры?” — спрашивает у нас совесть. Отвечаю: “Я один из учеников (или одна из учениц) Иисуса Христа”.

“Вера Иисуса Христа велит и жить, и думать, и делать, руководясь одним чувством — любви к Богу. Так ли поступаешь?” — спрашивает совесть. Что мы ей отвечаем? Большая часть из нас должна ответить: “К сожалению, мы любим больше себя, нежели Бога. Все наши мысли и деяния вертятся, как флюгер, на одном месте, — все на самолюбии” “Стыдно тебе”, — скажет совесть. Далее: Иисус Христос Сам был смиренный и кроткий и научал смирению и кротости. Если ты идешь за Христом, крестился во Христа, есть ли в тебе смирение? Не обуревают ли тебя гордые мечты, тщеславные заботы? “Устыдись”, — подсказывает совесть.

Далее: Иисус Христос велел любить ближних. Он всю Свою жизнь принес человеческому роду. А вы, Его ученики и ученицы, часто ли думаете о том, чтобы как можно более произвести добра для

других людей, или же живете в себя, для себя только? Устыдитесь!

Далее: Иисус Христос требовал, чтобы верующие в Него побеждали одолевающие их страсти и избыток всякого рода зла. А вы так живете? Не большая ли часть дня и ночи уходит у вас на раздумье об удовольствиях, о приобретении богатства, почести и т. д.? Устыдитесь!

Далее: Иисус Христос учил о царствии Божию, о приобретении духовных благ. Он желал, чтобы не было между Его учениками лентяев, тунеядцев, пьяниц и невежд. “А вы каковы?” — спрашивает совесть. — Не таковы ли вы?” Устыдитесь!

Далее: Иисус Христос любимым Своим ученикам говорил о самоотверженном служении: чтобы каждый с любовью и упованием нес всякую скорбь, всякий крест, какой промыслу Божию угодно возложить на нас. Можем ли мы сказать, что несем свой крест без ропота?

Не перечать всего того, о чем говорит с нами совесть. Нам трудно отвечать ей. Посмеет отвечать ей утвердительно разве только тот самонадеянный, самохвальный безумец, который вытолкнул свою совесть за дверь, подобно безбожному и беспутному сыну, выгнавшему из дому свою мать.

Но тот, у которого совесть не утеряна и на месте; кто слышит ее правдивый и звучный голос, тот познает свое греховное состояние. Тогда ярким светом обозначится величайшее значение поста, воздержания и говения. Пред душой такого человека восстанет образ Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа — образ плачущий, образ грозный. Плачу-

щий Спаситель — Его слезы о нас, мы удалены от Него. Мы удалены от истинной жизни; мы растрачиваем Его святые дары, мы во зло употребляем свою жизнь и, в глупом неведении, сами не знаем, зачем дана она нам, зачем мы живем?

Но еще остаются четыре недели поста. Времени немало. Познаем, почувствуем свои ошибки и падения и постараемся сердце свое наполнить искренним, всецелым и непритворным желанием быть христианами не по имени, а по жизни; не на словах, а на деле. Это будет для нас плод говения и пощения. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ О КРЕСТОНОШЕНИИ

Великий пост нынешнего года уже почти преполовился. Церковь, совершенствуя говеющих и благоговейно постившихся и постящихся в подвиге благоугождения Богу, износит из алтаря на престольный крест для поклонения ему христиан, готовых жить и действовать по заповедям и учению Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа. От Креста Животворящего ныне исходит проповедь и поучение. С Креста Сам Христос зовет наши души — и как зовет!

“Идите ко Мне. Кто хочет за Мною следовать, пусть отвергнется себя, и возьмет свой крест, и идет за Мною” (Мф. 16; 24, Мк. 8; 34, Лк. 9; 23). Заметьте: Господь не принуждает, а призывает к последованию за Собой. Как же мы откликнемся на этот призыв? Так или иначе, но должны ото-

зваться, потому что каждый христианин имеет свой крест, на котором должен распинать свои греховные страсти. Крестоношение есть не только обязанность, но и неотложная необходимость. Под крестом каждого человека Спаситель разумел все скорби и все трудности жизненные, предстоящие человеку в борьбе с общей нам склонностью ко злу.

Жизнь человеческая — путь к вечности, путь к достижению великих совершенств. На этом пути человек — невольный странник. На этом пути чаще всего противоборствуют человеку беды и скорби. Спасти от них, отдалить от себя опасность, найти удовлетворение и успокоение сердца — в этом заключается почти вся деятельность человеческой жизни. Но часто человек находит гибель там, где он ищет безопасности; чаще разбивается его сердце от тех самых людей и от тех действий, на которые он устремлял всю свою волю. Всякое горе, страдание, всякие слезы, вынужденные неудачей, есть не что иное, как житейское крестоношение. Но крестоносцы различаются в жизни.

Мы видим честолюбца, неусыпно стремящегося к достижению почестей и славы. Мы видим его труды и заботы, видим и страдания, испытываемые им от неудач, где его гордость встречает на каждом шагу препятствия. Это есть крест, но не Христов, а произвольный. Такой человек не страсть распинает на кресте, но распинается страстью.

Когда встречаем человека, снедаемого завистливой скорбью о благе ближнего, мы видим, что он страдает, что страдания его мучительны, и эти страдания — крест, но крест не Христов, а произвольный, заслуживающий не уважения, но укоризны и

отвращения. Когда попадаются на жизненном пути люди, постоянно занятые нечистыми вожделениями, направившие всю свою душевную деятельность на искание прибытков, чисто телесных, чувственных наслаждений, — опять пред нами крестоносцы, но крестоносцы презренные. Они мученики не правды ради, а ради греха; они носят в себе ту виселицу, которой так часто кончается существование злого человека. Не Бог благословил этим крестом человека порочного, но он сам соорудил его себе, соорудил своим забвением о Боге, нарушением человеческого достоинства, гордостью, лукавством и животностью своей падшей природы.

Истинные Христовы крестоносцы — иные люди; их крест — благодушное перенесение незаслуженных страданий. Когда пред нами находится больной человек, призывающий имя Божие без ропота; когда пред нами вдовы и сироты, утратившие близких сердцу и покорные воле Божией, — это Христовы крестоносцы. Когда вы видите пред собой людей обворованных, обманутых явными и тайными врагами; когда мы видим людей, у которых озлобление и клевета попирают их честь и невинность, — эти мученики горя суть Христовы крестоносцы. И сами мы Христовы крестоносцы в то время и в том случае, когда наше сердце любит добро.

Любить добро нелегко: любовь свою необходимо отстаивать, необходимо ее беречь. А это есть крест: здесь необходимо строжайшее внимание к себе, необходимо умирать себя, лишать, обуздывать, даже наказывать себя, чтобы сохранилась любовь к добру, чтобы любовь была чище, нежели живой весенний луч благотворного солнца. По этому пути

шел наш Господь Иисус Христос на земле и заповедал Свои уроки о крестоношении ради любви к добру. Следуя этим урокам, человеческая жизнь есть непрерывное самоисправление; человек стоит на страже сердца. Такой человек несет истинный крест — это крест самоотвержения. Кресты возлагаются Самим Богом. Но кто ищет подвигов, тому открыто попрание и для произвольного крестоношения.

Есть люди, которые могли бы беспечно проводить свою жизнь. Пользуясь правом своей свободы, они могли бы осуществлять для себя все удовольствия, какие им представляет жизнь во всех своих случайностях. Но эти люди менее всего пользуются тем, чем бы они могли. Они для себя бережливы во всем до скупости, до самоотречения, но готовы отдать все для другого, чтобы составить его счастье, чтобы доставить ему утешение, чтобы облегчить другим скорбный путь. Приношение такой жертвы есть истинный крест.

Есть добрые люди, отдавшие лучшие свои годы попечению и заботам о других людях не только без ропота, но со счастливой покорностью, — это чистые крестоносцы. Дочери и сыновья, восполняющие своей попечительной любовью утраты матери и отца, — это истинные крестоносцы.

Есть люди, умеющие удержать себя кротко и смиренно чистыми и честными среди разных искушений. Эти искушения бывают иногда остры, как уязвляющая стрела. Они западают в душу, влекут ее за собой, но взявший крест Христов, удержится — падет и восстанет.

Без благодати Божией крестоношение невозможно. В тяжелых искушениях человек не может опе-

реться на себя самого. Он слабее трости, колеблемой ветром. В этом состоянии одно средство для нас — соединить свой крест с Крестом Христовым. Только один Христос, претерпевший за нас Крест, верно оценит наше терпение, нашу борьбу с греховной природой, наше самоотвержение. Сила Креста велика и животворяща. Один взгляд на Крест может утешить несчастного, остановить злодея, разумить забывшегося, умирить ожесточенного, обличить лицемерного, наставить неразумного — всем и каждому подать совет и жизнь.

Не забывайте же, что вам всегда сопутствует, всегда возлежит на персях Богом данный вам страж, — ваш хранитель и освятитель, друг верный и неизменный, помощник скорый и сильный во всякое время вашей земной, полной скорби и опасностей жизни. Аминь!

ПОУЧЕНИЯ В ЧЕТВЕРТУЮ НЕДЕЛЮ ВЕЛИКОГО ПОСТА*

ПОУЧЕНИЕ ПЕРВОЕ

О значении Великого поста

По милости Божией провели мы уже целых четыре недели поста. Стоим уже за чертой его преполовения. “Еще и еще немного усилий, три недели, двадцать одни сутки — и ваша цель достигнута”, — утешает, воодушевляет и ободряет Мать наша Церковь, сопровождающая нас во все святые сорок семь дней.

Но утомленные пловцы соскучились в своем путешествии. Они стремятся скорее выйти на берег; им дни кажутся неделями. Нетерпение вызывает ропот. Ропот рождает зависть. К кому? К непостящимся. Те, как и были, остаются при своих привычках; у них дни идут поочередно. Солнце встает и заходит, находя их телесно насыщенными, в чувствах не возбужденными. А постящиеся раздражены: оглядываются на пройденное поприще поста, сомневаются, возражают.

Неоднократно даже мы слышали из нескольких уст то жалобы, то рассуждения, то любопытные вопросы в таком роде: “Зачем вообще посты? Зачем пред светлым днем великой радости Воскресения Христова установлен такой длинный, суровый и строжайший пост? В праздник Воскресения Христова Церковь не только благословляет и разрешает, но повелевает радоваться. Великопостное же долгое сетование и говение может нас даже отучить от жизнерадостности, а воздержание — истощить наши телесные силы, омрачить наше чело и, может быть, великопостная печаль обратится в привычку...” Вот какое оружие выставляют люди, раздраженные воздержанием, пощением и говением во дни св. Четырнадцатидесятницы. Отвечаем на возражения о значении Великого поста к общему успокоению, назиданию и ободрению в вере.

Пост пред Пасхой — самый древний в нашей Церкви. Его учредили апостолы, наши первые наставники и учителя. Раз, при жизни Спасителя, они слышали от Него беседу с фарисеями, которые укоряли Его тем, что ученики Его не постятся. Спаситель в этой беседе доказал, что для учеников Его не настало время поста: “Когда отнимется от

них Жених, тогда они будут и должны поститься” (Мк. 2; 20, Лк. 5; 35). И вот ужасное это время настало. Пред самой Пасхой у них отнят был Жених, утешение и отрада их душ. Ученики вспомнили о заповеди Спасителя, а затем, по пламенно любящему чувству своего сердца, наложили на себя пост и заповедали всем христианам всех веков и народов в это время поститься.

Этот пост не был только одним воздержанием в яствах и питиях. Он был соединен с покаянием. Апостолы не желали позабыть о том, как во время страданий Господа все они оставили Его, а старейший из них даже троекратно отрекся от Него... Живое воспоминание страданий и крестной смерти Сына Божия вызывало у них грусть, страх и ужас.

Если Страсти Христовы у апостолов вызывали чувства скорби и сокрушения, то тем более должны быть эти чувства у нас, грешных. Раскроем свою совесть, вспомним свою жизнь. О, как мы оскорбили Господа, как мы Его прогневали! У апостолов отняли Спасителя, а мы сами Его отринули своей неподобной жизнью, нехристианской, своими грубыми пороками, своими бесстыдными сомнениями, своей неверностью.

Вспомним, что мы все заповеди Божии нарушили. И как нарушили? Нарушили гордо, беззаботно, самоуверенно. Если в ком не оскудели, не иссякли чувства благодарности и понимания, тому ясно, что нам нужен пост более, нежели был он нужен апостолам и другим угодникам Божиим. Апостолы были только раз или несколько раз прегрешившие; мы же грешим изо дня в день, в течение многих и долгих лет.

Для чего же Церковь установила сорокадневный пост, продолжающийся от понедельника первой седмицы до субботы Лазаревой? Сорокадневный пост напоминает нам о посте Спасителя в пустыне. Занимает он время перед Пасхой потому, что пост Спасителя был вскоре после Крещения Господня. Это во-первых; а во-вторых, потому, что Церковь длинным постом старается подготовить христиан к торжеству праздника Светлого Воскресения.

Как Господь наш Иисус Христос вошел в Свою славу долгим путем смирения, нужды и подвигов, так и христиане как Его ученики должны пройти подобный путь. Как Господь наш начал Свое служение постом в пустыне и кончил его крестными страданиями, так и мы должны пройти за Иисусом Христом весь Его путь, по Его заповеди: *если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мф. 16; 24, Мк. 8; 34, Лк. 9; 23). Как Господь сорокадневным постом победил врага-искусителя, так и мы, подражая Ему, можем научиться побеждать свои дурные склонности, свои вредные страсти.

Есть предание, что наши прародители пробыли в раю до своего падения сорок дней. В это время враг-искуситель соблазнил их на непослушание, лишил их заповеданного воздержания. Они пали, но мы, по благодати Божией, не только можем, но и обязаны победить диавола. Наша победа не может быть иначе, как под единственным условием: если мы сораспнемся Христу. Если мы духовно умрем со Христом, то с Ним и воскреснем: *с Ним,—* говорит апостол Павел,— *страдаем, чтобы с Ним и прославиться* (Рим. 8; 17); *если мы с Ним умер-*

ли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем (2 Тим. 2; 11–12). Итак, вот причины, почему Церковь установила сорокадневный пост.

Уяснив два вопроса, отвечаем коротко и на третий. Длинный пост и долгое воздержание не отучают нас радоваться Воскресению Христову, но научат благоразумно пользоваться дарами Божьими. Пост научит нас не ко злу, а к добру направлять наши чувства, во всем наблюдать меру, не забывая о том, чего нам стоило покаяние и великопостное говение. Мы знаем по своему горькому опыту: если хорошо проведен Великий пост, то светлым и святым будет наше празднование Святой Пасхи. Раз человек нашел царство небесное, он его не променяет ни на что земное. Пост же есть не иное что, как искание царства Божия. *“Ищите,—* говорил Иисус Христос,— *царства Божия”* (Мф. 6; 33). *Ибо царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе* (Рим. 14; 17).

Итак, не ропщите и не унывайте, постящиеся. Слава Богу, мы переплыли уже более половины пути; день-другой — и перед нами будет виден берег. В эту неделю услышим, как Церковь за нас будет молиться: *“Господи, не погуби их до конца, но помилуй и спаси их”*. Будем слышать, как она будет молить и Невесту Невестную, Воеводу Победительную, Пречистую Богородицу, руководить нас во спасение. А там — воспоминание славного входа Христова с вербами; а там — дни Страстей; а там — славное, Святое Воскресение. *“Господи, не предаждь нас до конца!”* Введи нас молитвенным постом и

подвигом в славные дни Христовой Пасхи — Пасхи вечной. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ВТОРОЕ

*С терпением будем проходить
предлежащее нам поприще
(Евр. 12; 1)*

С Божией помощью мы перешли на другую половину великопостного пути. Чем ближе к цели, тем становится труднее нравственный подвиг. Для ревнителя благочестия каждый шаг к совершенству достигается трудом и усилием, скорбями и немощами.

Православная Церковь облегчает нам подвиг восхождения к Богу указанием средств, более или менее способствующих нравственной жизни. Эти средства изложены преподобным Иоанном Лествичником в его книге, называемой “Лествица, возводящая к небу”. Церковь не нашла ничего благопотребнее дать в руководство добродетельного восхождения, как “лествицу” этого мужа, которому ради сего и память положено совершать в настоящий день.

Лествица состоит из тридцати степеней. Первые три ступени называются “Отвержение мирского жития”. Пока человек не поставит для себя религиозную и нравственную цель, до тех пор он связан мирской суетой. Она для него как невольные оковы, препятствующие свободно идти к Богу, куда хочет и куда порывисто устремляется наше сердце. Житейская дума поглощает у человека не только часы, но часто целые годы жизни. Целые десятилетия жизни проходят под гнетом внешних инте-

ресов и, в конце концов, подавляют образ Божий, дарованный душе человека.

Но раз человек ступил на вышеописанные ступени, отвергся мирского жития, ему уже легче сделать шаг на четвертую, которую преподобный Иоанн Лествичник называет “послушанием”. Послушание — славная, но весьма нелегкая добродетель; она же и необходимая — как исключительное средство самоисправления. У каждого из нас гордый дух и своевольный характер — это страшная закваска зла для всей жизни человека. Ее нельзя уничтожить ничем иным, как послушанием. Отчего в нас самообольщение, отчего мы рассеянны и ленивы? Оттого, что не поднялись и не позаботились стать на степень послушания в лествице духовного усовершенствования.

Без послушания человек, что дикий конь без узды: он и красив, и силен, но страшен и бесполезен. Послушание есть та черта, которая сообщает прелесть человеческому характеру. Что может быть приятнее юноши, когда он идет туда, куда ведет его опытная рука отца? Что может быть отраднее, когда видим дочь, слушающую со всем вниманием дружеский совет своей матери, знающей свет и тени этого мира? Как счастлива та семья, где живут люди, усвоившие себе послушание: старшие навыкли повиноваться закону Божию, закону своего государства, а младшие идут по стопам старших! В такой семье нет возмущающих сцен — тех сцен, где каприз младших служит законом для старших, а старшие волей-неволей уступают, скрепя сердце подчиняются...

Оттого и самое высокое счастье человеческой жизни — семейное счастье — становится с течени-

ем жизни все более и более недостижимым, так как семья составляется из непослушных. Оттого-то и великое дело человеческого брака не возбуждает в наше время тех высоких упований, какие в нем указывает Слово Божие и какие ищет в нем человеческое сердце. Христианская семья есть вместилище любви. Любовь же требует непрерывных и самых нежных, самых кротких, бесстрастных, восторженных отношений. Но они недостижимы, как небо, для тех, кто не поднялся на ступень послушания в лестнице духовного восхождения.

Пятая ступень нравственного восхождения — покаяние. Покаяние есть чувство и сознание человека, предстоящего суду Божию. Нравственный закон для человека должен являться драгоценным даром, сокровищем, святыней, до которой касаются благоговейно. Каждое непочтительное прикосновение к этой святыне производит в человеке скорбь, вопль совести.

В детстве наглядно проявляется это чувство: дитя сделало дурно; ему об этом заметят, и оно плачет. Чуткое чувство не успокаивается, пока не утешат. Дитя разбило мертвую игрушку и плачет о ней искренними, живыми слезами. В ребенке вызывается чувство сознания своей небрежности, своей неосторожности. Но проходят годы, вырастает из этого ребенка человек — он уже не плачет, если разобьет сердце другого человека; не плачет, если оскорбит закон Божий, нарушит отеческий и материнский совет... Отчего это? Оттого, что жизнь низвела его со ступени покаяния — с той ступени, на которой всего виднее наше личное бессилие и всемогущая сила благодати Божией.

Кажется, мы указали лишь пять ступеней духовного восхождения, а их тридцать... Да поможет нам Господь наш Иисус Христос проходить эти ступени! Будем послушны: *С терпением будем проходить предстоящее нам поприще* (Евр. 12; 1). Аминь!

ПОУЧЕНИЕ В СРЕДУ ПЯТОЙ СЕДМИЦЫ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Внынешнюю неделю Церковь воспоминается чудное житие преподобной Марии Египетской. В ее память Церковь постановила на сегодняшнем богослужении читать Великий канон. Как в жизни преподобной, так и в каноне Великом находится много уроков, весьма назидательных для всех нас; много наставлений, полезных и благотворных на всех ступенях нравственной жизни.

1. Из жития преподобной Марии должны мы научиться тому, что строгое послушание родителям, начальникам, наставникам и руководителям составляет для человека самые верные средства для сохранения чистоты и невинности сердца и для исполнения заповедей Божиих. Напротив, своеволие и непослушание — вот первый шаг, неизбежно влекущий к греху. Преподобная Мария Египетская, по ее признанию, свою греховную жизнь начала с того, что в самой нежной юности, в пятнадцатилетнем возрасте, вышла из послушания родителям. Ей стал тесен и скучен родительский дом; скучны и тяжелы наставления отца, матери и старших. Грех не за-

медлил сделать остальное: она потеряла то, что для женщины и мужчины ценнее всего — стыдливость; сделалась грубой и порочной.

2. Потеряв в первой поре юности благодать Божию, Мария растратила свои природные силы. Ей казалось, что пока она молода, пока кровь бьет в жилах ключом родника, то все возможно дозволить себе, все можно изведать. Так и теперь иные думают. Ошибка ужасная, влекущая за собой страшные последствия. Ни в каком ином возрасте жизни, как в молодости, не бывает столь ценно то, что мы называем нравственностью и невинностью. Кто говорит, что в молодых годах все дурное позволено, возможно, тот говорит безумно. Это все равно, как если о каком-нибудь прекрасном и драгоценном сосуде сказать, что его надобно сперва разбить, чтобы он стал еще драгоценнее; или об одежде чистой и новой — что ее нужно прежде запятнать, и тогда она, вымытая, делается лучше. В молодых годах надо особенно беречь себя и свою невинность. Если сорвут с растения цвет или же помнут его, то это растение, очевидно, плодов желанных и естественных не принесет никогда; на нем не будет ни цветов, ни плода.

3. Однако жизнь преподобной Марии нам показывает, что павшие в юности не должны все-таки отчаиваться во спасении. Мария семнадцать лет провела в непрестанном грехе и в таком нераскаянном настроении духа, о котором ужасалась сама вспоминать. Ей в эти безумно прожитые годы и на мысль не приходило обращение и покаяние. Но взыскала ее благодать Божия, и она спаслась. Ее спасла ре-

шимость быть иной, чем она была. Постом, молитвой, покаянием, борьбой с собой и искушениями мира, чтением Священного Писания, беседой с духовным отцом своим, преподобным Зосимой, Мария победила грех и достигла того, что была принята в объятия Отца Небесного, радующегося о каждом грешнике кающемся паче, нежели о многих праведниках, не требующих покаяния.

4. В обращении преподобной Марии и ее спасении видим мы еще одну приятную назидательную черту. Помогает обращению грешника предстательство святых о нас и в особенности — Пречистой Девы Богоматери. Вот, по выражению церковной песни, “небесная звезда в ночи”, озаряющая непрестанно своим светом мрак нашей жизни и указывающая нам путь ко спасению. Богоматерь через святую Свою икону озарила темную душу Марии мыслями и желаниями покаяния. Пред этой же иконой сознавшая свои ошибки Мария излила в горячей молитве и чистых слезах решимость покинуть греховные пути. Ей она дала свое сердце как Споручнице на новую, многотрудную, покаянную жизнь.

И в своих дивных подвигах, в долгом борении со страстями Мария постоянно получала от Божией Матери утешение, облегчение и озарение. Этот опыт в жизни Марии Египетской указывает, что и нам в нашей жизни Богоматерь есть Заступница надежная и неизменная. Мария Ей молилась немногими словами; она часто говорила: “Пресвятая Богородица, спаси меня!”

Этой краткой молитвой будем и мы обращаться к Владычице небес. Веруйте, что Она помилует и

спасет. Она Сама знает, какими путями спасти тех, кто искренне и истинно кается, подобно Марии Египетской. Желательно, чтобы урок от воспоминаемого ныне жития преподобной Марии запал глубже в наши грехом омраченные души. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ В ПЯТНИЦУ ПЯТОЙ СЕДМИЦЫ ВЕЛИКОГО ПОСТА

*Скорь Иисуса Христа
перед началом страданий*

Приближалось время Страстей Христовых. Печально была настроена дружная семья Спасителя, то есть Его избранные ученики, потому что был печален их Божественный Учитель. В Его взоре отражались скорь и ужас. Внутренняя грусть была так велика, что даже Сам Он не удержался и признался им. Он говорил: *Душа Моя скорбит смертельно* (Мф. 26; 38). Почему же так скорбно горевал Спаситель? Кто был причиной Его мучительного сокрушения?

Причина ясна. Спасителю во всей наготе были видны и ясны все наши многообразные и тяжкие прегрешения. Его светлый человеколюбивый взор омрачался этим безобразным зрелищем. Восставали перед Ним люди, позабывшие про свое высокое назначение и подпавшие влиянию низких страстей.

Там, где ближе и более всего можно было ожидать святости, там оказывался упорный разврат. Там, где нужно было увидеть радостных и признательных детей, стояли люди дикой души — неблаго-

дарные, лицемерные, хищные и завистливые. Там, где все должно было напоминать людям о благоговении, о святых обязанностях, где душа должна бы чувствовать утешение, мир, радость и восторг, Спаситель увидел полное оскудение страха Божия, жестокость, бессердечие и дерзость — отчаянное бесстрашие и равнодушие. Взору Спасителя вся растленность человеческих немощей была очевидна.

Всеобъемлющим Своим взором Он видел постыдные деяния человеческие, видел бесконечные ссоры и несогласия, семейные и общественные. Видел людскую озлобленность и завистливую неблагожелательность.

Все, чем пренебрегает наша совесть, все дурное и греховное, что позабывает легкомысленно наша память, было открыто Спасителю. Он, милосердный и правосудный, узнал, что люди — Божии создания — совсем потонули в грехах, что их ждет адская бездна. Ад побеждал и наполнялся несчастными грешниками, а рай мало восполнялся новыми обитателями.

И видя все это, Спаситель скорбел и тужил. Любя людей, Он скорбел и сокрушался за них той великодушной тяжкой скорбью, как будто во всем, что наделали люди, Сам был виновен. По Своей благодати Он с целью спасения мира взял на Себя грех всего мира, грехи отцов и детей, дедов и внуков — и выстрадал их муками душевными и муками телесными, крестными.

Евангелие говорит: “Он безмолвно молился; душа Его была объята неисцелимой кручиной; тело гнулось и страдало от чрезмерного горя. Из членов

тела Его выступил кровавый пот...” (Мф. 26; 37–38, Мк. 14; 33–34, Лк. 22; 44).

Таково всегда истинное горе. Бывает ужасно человеческое страдание, но Божественное человеческое страдание — оно ни с чем не сравнимо. Случается видеть, как падает иногда под изнурительной тяжестью напастей бедный человек. Бывает человеческое горе также кроваво, похоже на то, как под тяжестью гнета источается из виноградной грозди сок. Но для страданий безгрешного Богочеловека нет подобия, нет образов, нет сравнений!

Ужасное состояние скорби Спасителя должно вызывать в каждом из нас умиление и сочувствие к этим страданиям. Не за Свои, а за наши грехи Он страдал. Каждый из нас должен помнить, что в чаше мучений Спасителя немало было горьких и ядовитых капель, которые влили мы своей постыдной жизнью и недостойным для христианина образом мыслей. По крайней мере, мы должны принять участие в страданиях Спасителя. Каким образом? Просто так, как повелевает Церковь. Например, почти день страданий Христовых, пятницу, сугубым постом.

Он, Господь наш, молился и любил молиться — и мы будем молиться. И как молиться? Бодрственно, чтобы живо ощущать в себе самих значение и силу молитвенного подвига. Спаситель плакал за наши грехи кровавыми слезами. Пусть же наши глаза плачут. Если уже мы плакать не можем, если источник слез иссяк в нас до того, что даже не умеем плакать, то повергнемся перед Животворящим Крестом Христовым и будем умолять Его,

чтобы Он дал нашему сердцу чувство раскаяния, чувство сознания своих грехов, чтобы мы могли ту-жить и скорбеть с Ним вместе о наших собственных грехах. Аминь!

ПОУЧЕНИЯ В ПЯТУЮ НЕДЕЛЮ ВЕЛИКОГО ПОСТА

ПОУЧЕНИЕ ПЕРВОЕ*

*Освятитесь, ибо сотворит
Господь среди вас чудеса*
(И. Нав. 3; 5)

Эти слова принадлежат Иисусу Навину, произнесенные им перед народом израильским накануне чудного прехождения чрез Иордан и вступления в обетованную землю, кипящую медом и молоком (Иов. 20; 17). Слова боговдохновенного мужа в св. Четыредесятницу многократно вспоминала Св. православная Церковь, руководительница христиан, имея в виду ввести нас в обетования искупления, дарованного Иисусом Христом Своим последователям, учением, страданием, смертью и Воскресением. Очиститесь, “вот, Жених идет в полночь!” (Мф. 25; 6). Очиститесь! Чертоги Царские отверсты и вечера Пасхи приготавливается. Нечистый не будет допущен на вечерю и не вкусит с ве-рующими св. Пасхи!

Нечистоту телесную каждый может видеть своими глазами при помощи зеркала и очистить ее водою, омывающей грязь и пятна. Но чтобы удалить нечистоту души, нам необходимо стать перед зер-

калом закона Божия и очами совести своей увидеть ее, а слезами истинного покаяния очистить, омыть ее. Начнем с мыслей и желаний.

Все ли они чисты так, как требует закон Божий? Он требует, чтобы в нашем уме не ходили, подобно пугающим, страшным теням, мысли сомнения в премудрости всеблагото промысла Божия и во всем, чему верует и нас учит веровать Св. Церковь. Неверующее недомыслие, своевольные кощунственные чувствования, неблагоговейная дума о святыне — грех большой и отвратительная нечистота.

Очиститесь, братие, *ибо сотворит Господь среди вас чудеса!*

Закон Божий требует, чтобы достопоклоняемое имя Божие не произносилось без благоговения и внимания в неприличном разговоре. “Не произноси имени Господа твоего всуе!” (Исх. 20; 7). Напрасная божба, суесловие, всякие присловия, клятвopеcтупления, нарушение обетов — большой грех и отвратительная нечистота.

Осмотрите, Господа ради, очами своей совести, и если виноваты, то очиститесь, братие, потому что Господь готов “сотворить в вас чудное”.

Закон Божий говорит о наших ближних. Их любить мы обязаны, если мы Христовы, как себя самих. Не следует никогда посягать ни на чью жизнь, ни на чью честь, ни на чью собственность — ни делом, ни словом, ни мыслию. Пересуды людей, насмешки, язвительные остроты над ближними, ласкательство и низкопоклонство перед сильным, презрение и жестокость к слабым, насмешки и укоризны над бедностью, над умственной неразвитостью ближних — большие грехи, смрадная нечистота.

Клеветники и воры, сплетники, льстецы, низкопоклонники-лжецы, презиратели бедных и голодных, неблагодарные к своим благодетелям, забывающие благодеяния, платящие за добро злом, непочтительные сыновья и дочери — горе им. Дней Пасхи, разумеется, они дождутся, но Пасхи спасительной, чудотворной, радостной, Христовой не вкусят и св. Вечери не приобщатся.

Очиститесь же, братие, пока есть время, чтобы Господь над вами сотворил чудное.

“Чтобы уста мои не говорили о делах человеческих (Пс. 16; 4), ибо они суетны” (Пс. 16; 4, 93; 11). Мы их коснулись для того, чтобы видеть свои мысли и дела, чтобы омыть от порока все преступные мысли, слова и дела в чистых водах слезного покаяния.

Желающим очиститься от грехов приготовлена Господом предваряющая благодать. Он, наш Спаситель, Сам ищет между нами, над кем из достойных избранников совершить чудное. Он Сам показывает то положение, в какое нам должно стать, чтобы взор Его мог нас заметить, чтобы искупление совершило в нас чудное. *На кого воззрю,* — говорит Он пророку Исаии, — *из людей? И отвечает: на смиренного и сокрушенного духом, на сердце любящего и на трепещущаго перед словом Моим (Ис. 66; 2).* Если будем иметь кротость, терпение, страх Божий, то на нас так же, как на апостолах, исполнит Он Свое обещание. Пред страданиями Своими Он им говорил: *Увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас (Ин. 16; 22).*

Если же не очистимся, то душа наша будет чувствовать вечный сердечный голод. Увы, она, не познавши небесной жизни, не познает небесной пищи. Она не вкусит Пасхи, вводящей в жизнь, и если вкусит Хлеб святой жизни, то в грех и осуждение.

Освятитесь, ибо сотворит Господь среди вас чудеса. Время не ждет. Аминь.

19 марта 1895 г.

ПОУЧЕНИЕ ВТОРОЕ

Крестный путь Спасителя

День ото дня приближаясь к неделе страданий Христовых, душа христианина, склонная к благочестивым размышлениям, невольно задается некоторыми вопросами. Усвоение правильных, в духе Православной Церкви, решений по этим вопросам упорядочивает наши чувствования и выясняет пред нами великое значение искупления мира от грехов через крестное страдание и смерть Иисуса Христа.

Так, Евангелие повествует, что Спаситель, ведомый на распятие, неся Свой Крест, изнемогал на пути до такой степени, что имел нужду в помощнике. “Что это значит?” — спрашивают многие. — Почему Божественная сила не укрепила Его Человеческие силы, а, напротив, показала Его немощность и слабость?” Ответ на эти вопросы дает святой апостол Петр в первом своем Послании. Спаситель на Своем страдальческом пути к Голгофе изнемогал не вследствие того, что был слишком тяжел Его Крест по весу. Тело и душу Спасителя угнетала не материальная, видимая ноша, но невидимая тя-

жесть наших грехов: *грехи наши Сам вознес телом Своим на древо* (1 Пет. 2; 24).

Вообразим крестный путь к Голгофе. Вели на казнь Иисуса Христа. Он весь был отягощен грехами не одного какого-либо человека, но грехами всего мира, прошедшего, настоящего и будущего. Оброки преступлений наших предков, дедов, отцов, детей и будущих из рода в род поколений легли на Нем. Бремя невыносимое! К Голгофе в те часы по иерусалимским улицам шествовал Искупитель мира. Понести Крест с видом бодрости, с желанием вызвать у зрителей похвалу, а у врагов — удивление своему геройству было бы несоответственно самому подвигу искупления: ведь в Его лице шли все грешники и преступники мира. Последствия же греха — муки временные, угрызения совести; муки вечные — смерть души. Крестный путь Спасителя и был изображением этих мучений.

В ужасные часы крестного шествия в Своем уничижении, утомлении и падении под Крестом Спаситель изобразил судьбу грешников, если бы правосудный Господь вознамерился определить каждому из нас самому искупать свои грехи. Чрез огромность Своих страданий при крестоношении Спаситель показал, что Он нес наши, то есть и мой, и ваш, кресты, которые Он принял во имя наше, во имя всего человечества. Скорбь Спасителя в предсмертные часы стала символом страданий всех бесильных, беспомощных людей.

В то же время воспоминание о слабости Спасителя при несении Креста укрепляло мучеников христианских во время пыток и казней. Так что,

по выражению одного отца Церкви, “в Его слабости почерпнули свое одушевление сильные духом”.

Итак, будем же знать, что Сам Сын Божий не постыдился нести Крест, который мы заслужили. “Да будет всем нам стыдно,— говорит святой Кирилл Иерусалимский,— если мы отказываемся принести самые легкие жертвы, неразлучные с жизнью благочестивого христианина”. Апостол Павел прямо говорит: *Многие, о которых я часто говорил вам, а теперь даже со слезами говорю, поступают как враги креста Христова. Их конец — гибель, их бог — чрево, и слава их — в сраме, они мыслят о земном* (Флп. 3; 18–19).

Кто же донес Крест Спасителя на место распятия? Евангелие повествует так. Мимо того места, где изнемогал под крестною ношею Спаситель, проходил один рабочий человек по имени Симон. Он вовсе и не думал о высокой чести, предназначенной ему,— донести Крест Христов. Вначале он даже не понял этой чести: ему казалось низким и недостойным нести среди белого дня, при многочисленном стечении народа орудие казни и в глазах народа быть как бы помощником палача. Симон старался уклониться от этого, так что насилием заставили его принять на себя эту обязанность. Он покорился с ропотом и досадой, в полной уверенности, что несправедливое принуждение его унизило и обесчестило.

По Воскресении Иисуса Христа, обратившись со всем своим семейством в христианство, он познал Спасителя и понял, какой высокой чести сподобил его Бог, избрав его понести Крест Искупителя мира. Исполненный живейшей признательности, он возблагодарил Бога за то самое, что прежде каза-

лось ему незаслуженным наказанием, несправедливым унижением, а на самом деле было делом Osborne любви Божией.

Вот ясный урок, обучающий нас, как несправедлив наш ропот и наше нетерпение, с какими переносим мы наши бедствия, которые не что иное, как кресты, возложенные на нас Богом. Они нам кажутся часто действием слепого случая, а на самом деле — определены Господом. Они нам представляются действием несправедливости и жестокости людей, которые напрасно нас преследуют, а на самом деле доказывают нам любовь и милосердие Божие.

Люди, унижающие, преследующие нас, заставляющие нас страдать, делают то же, что некогда иудеи — силой возлагают на нас Крест Христов и таким образом приобщают нас чести Симона Киринейского. Сам Бог посредством этих людей очищает наши души, умерщвляет наши страсти, возвышает заслуги, совершенствует в нас добродетели. Теперь мы не понимаем этой тайны зла; оттого-то с трудом мы переносим эти испытания. Но когда этими трудными средствами, этим жестоким путем мы достигнем спасения, тогда, при виде своих крестов, назначенных для отвлечения нас от соблазнов, мы познаем перст Божий во всех бедствиях, перенесенных нами, и возблагодарим милосердие Божие.

Преклонимся же с покорностью под тяжестью постигающих нас испытаний, с убеждением, что они возложены на нас Богом. Примем их с готовностью, подобно больному, принимающему горькие лекарства, дарующие ему, однако, восстановление здоровья. Перенесем со смирением все бедствия, какие угодно Богу послать нам для нашего спасения. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ В ПЕРВЫЕ ДНИ ШЕСТОЙ СЕДМИЦЫ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Православная Христова Церковь всю наступившую неделю подготавливает христиан к Христовым Страстям. Эта неделя церковная посвящена изложению событий из жизни Спасителя, предшествовавших Его страданиям. Пред концом Своей спасительной жизни Иисус Христос часто и пророчески напоминал Своим ученикам об ужасах разлуки Его с ними, о том, что Его изменнически выдадут злым врагам, которые надругаются над Ним и убьют Его. Но людская ненависть посрамится своей неправдой: Он воскреснет.

Как ни внятна была речь Спасителя о крестной смерти, но ученики не понимали предсказаний Господа. Не понимали и боялись спросить объяснений на то, чего не понимали. Им не хотелось разувериться в своих ложных мнениях, которые им привились как чаяния, которые поддерживали в них горделивые надежды о земном величии их Учителя. Непонимание великих истин христианства и его требований может быть отнесено к каждому из нас. Это непонимание обуславливается разнообразнейшими причинами, из которых резко выдаются следующие.

1. Наши мысли постоянно возвращаются среди одних внешних предметов. Эти мысли внушает и подсказывает нам наша немощная плоть: душе, просвещенной благодатью Божией, они чужды. Душа наша вечно обуревается чувственными желаниями. В нее рвутся страсти с такой же силой, как огненное пламя,

встретившее на своем истребительном пути горючие материалы. Мы трудно миримся с окружающей обстановкой и не хотим понять, что создавшиеся вокруг нас условия располагают к размышлению о великой силе промысла Божия, знаменательно указывающего нам на призывание нас к небу.

От этого непонимания небесного учения наша жизнь на земле обставлена по большей части вечными тревогами, ропотом, жалобами, печалью. Мы не умеем выносить испытаний земной жизни, с ней нераздельных. Не умеем, потому что невнятно нам небесное учение Христа о том, что жизнь земная всегда полна скорбями. Но у нас, людей, погруженных в чувственные интересы, скорбь принимает по большей части оттенок раздирающего уныния и близка к отчаянию.

От непонимания небесного учения жизнь земная большей части из нас испорчена с ранней юности. Небесное учение Спасителя внушает, что человек в этом мире — гость и странник. Время его жизни краткосрочно; чувственные и телесные его силы ограничены. Небесное учение уподобляет земную жизнь однодневной траве, начинающей увядать с той минуты, когда она вошла в силу роста; уподобляет быстроте сновидения, в котором часто пред человеком проходят в одно мгновение целые десятилетия. Но человек не внимает ни учению небесному, ни евангельским сравнениям, ни внушительным примерам.

Мы не хотим помириться с тем, что мы здесь, на земле, временные гости. Мы так располагаем свою жизнь, словно земля — наше вечное Отечество. Мы не хотим понять, что круг наших современников день ото дня редет, что деревья давно

уже вырастили материалы, из которых гробовщики сколотят последнее убежище для нашей смертной плоти. Мы не хотим понять, что в этом мире мы путники. Мы не хотим идти вперед, но с беспечностью остаемся на земле, будто она для нас не имеет предела. Кто внимает небесному учению, тот поймет эту истину.

От непонимания небесного учения зависит вредный взгляд на назначение человека. Редко кому приходит на мысль разъяснить себе этот вопрос. У нас бывает по большей части дума с ранней юности об устройстве внешних дел: сыновей воспитывают для приобретения богатства, дочерей — для замужества. “Пристроить” сына или дочь на нашем языке значит “одеть, нарядить, накормить, женить или выдать замуж”. Но это потребное, а не главное и даже не первостепенное.

Главное же — воспитать в человеке душу, раскрыть ее способности и силы, направить волю, отдалить от нее дурные наклонности, показать великость человека, показать человеку тайну сохранения себя чистым и невинным, младенчески невинным от колыбели до седины. Это есть главное. Заботы же о еде, питье, спокойствии и сне — об удобствах жизни, — делаясь первыми заботами нашими, сообщают человеку вид дикости. И не раз мир погибал от этого. Гибнут массы людей в наше время и на наших глазах.

Благо же тем, кто хочет знать небесное учение, кто не боится спросить у Господа, как ему надо жить, как действовать. Для такого человека и земная жизнь будет радость. “Радуюсь, — писал апостол Павел, — ибо я ношу язвы Господа Иисуса на

теле моем” (Гал. 6; 17). Эти язвы для него не были болезненны, он носил их любящим сердцем.

2. В наше время, когда жизнь выставила так много требований для быта и существования, когда многосемейные люди не стыдятся жаловаться на то, что у них велика семья (Господи, какой грех! Ведь большая семья — явное доказательство Божьего милосердия и долготерпения; у кого велика семья, у того больше друзей), — в наше время учение небесное кажется многим скучным и даже непонятным. Одни неохотно слушают это учение, а другие смеются над ним и над теми, которые говорят, рассуждают, хотят свести с земной дороги и поставить своих ближних ближе к его пониманию, облегчить ношу нашей пошло прожитой или проживаемой жизни.

Как же назвать такое непонимание? Священное Писание называет такое состояние “самозабвением”. В Евангелии есть выразительные слова: “Когда мы вам играли, вы не плясали, мы пели вам печальные песни, и вы не радали” (Мф. 11; 17). В самозабвении люди глухи ко всему; их не растрогаешь, не разбудишь. Из сухого дерева трудно выжать жизненный сок.

Что же нам делать, чтобы понять небесное учение, удаляющее от нас легкомыслие и самозабвение? Последовать словам Спасителя: *Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна* (Мф. 26; 41).

Да, плоть немощна! Нам необходимо усилить свой молитвенный подвиг; только молитва утверждает нас в исполнении заповедей Спасителя. Кто молится, тому является Сам Бог. Он простирает Свою всесильную руку на падающих. Он восстав-

ляет и в самих падениях и грешного мужа, и тяжкую грешницу женщину, спасает, утешает, любит, благословляет, ограждает благодатью Всесвятого Духа. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ В ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

В Иерусалиме и его окрестностях совершалось в одну из предпасхальных недель странное явление. Из уст в уста передавались чудные рассказы про Иисуса из Галилеи. Рассказывали, как Он учил и как уроки Его смягчали, преобразовывали человеческую душу, как Он жил и действовал. Массы людей были свидетелями и непосредственными участниками такого преобразования: неизлечимобольные выздоравливали, прокаженные очищались, грубые, самолюбивые, жестокие душой изменялись в кротких, смиренных и добрых.

Известия об Иисусе были таковы, что массы людей чувствовали в Нем Чудотворца, имевшего силу воскрешать телесно и духовно, Спасителя. Миллионная масса горела нетерпением торжественно встретить Иисуса в Иерусалиме и своими задушевыми восторгами положить начало благоговению и любви к Господу, признать в Нем ожидаемого Мессию и отдать Ему свои душу и сердце. Такое восторженное настроение миллионов народных веселых масс приводило в восхищение двенадцать учеников Спасителя. Их радость была неудержима. Им казалось несомненным, что настало теперь не для них только, но и для целого мира бесконечное

счастье. Взоры учеников обращались на Иисуса. Ученикам хотелось, чтобы их Учитель был так же настроен, как и они.

Но взоры Господа были кротки и речи сдержанны. При общем ликовании Спаситель вдруг произнес: *вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть; и предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие* (Мф. 20; 18—19). Слова Спасителя для находившихся в радостнейшем настроении учеников Его были неожиданны, как гроза среди безоблачного, ясного, теплого дня. Однако они уразумели в них тяжелую правду. В этих словах заключался еще и такой смысл. Во-первых, Спаситель желал, чтобы ученики поняли, что вслед за восклицаниями народными наступят дни тяжкого искушения и для Него Самого, и для истинно Его любящих. Во-вторых, что вообще восторженное состояние человека есть явление непостоянное, и, в-третьих, Спаситель указывал верный путь к постоянно радостному настроению, даже в дни страха и ужаса. Приведенные слова Спасителя внушали им с осторожностью отдаваться восторгу и с тем вместе давали поучение, как быть и что делать в наступающие дни.

1. Гул народных масс встретил Иисуса восклицаниями: *осанна!* (Мф. 21; 9, Мк. 11; 9, Ин. 12; 13) Старики и дети, женщины и мужчины с пальмами в руках слили в одно целое свои голоса. Их веселые клики, как живой, громкий колокол, возвещали вступление в царствующий город Царя царствующих. Этот живой колокол не вызвал в Спасителе чувства одобрения. В этом громогласном, суетли-

вом выражении восторга не было проявления глубокого чувства — одна торжественная, нарядная внешность. Слава Божия только выкрикивалась звуками голосистой массы и, не затрагивая ее сердец, тут же исчезала. В торжественной встрече Спасителя был праздник праздного народа, но не заявления искренней веры. В этой торжественной обстановке не было совсем внутреннего побуждения. Народ, как стая очарованных, шумел, ликовал.

Как было при этой встрече Спасителя, так бывает часто и с людьми. Народная слава, общественный почет — это блистательный фейерверк, от которого через несколько минут остается только смрадный пепел. Это весенний прилив половодья, влекущий за собой изобилие вод, где волны стремятся обогнать и потопить одна другую. Подобные явления непрочны. Потому-то Спаситель и остерегает Своих последователей всех времен быть осторожными при принятии за истину мнения общества о чем бы то ни было. Общественное мнение — волна, напиральная и уносящаяся. Нынче она в нашу пользу, а завтра — против нас. Человек должен руководствоваться не общественным мнением, а заповедями и законом Божиим, непреходящими и неизменяющимися.

2. Не замедлило исполниться на Иисусе Христе все непостоянство общественного мнения. Еще не увяли на дороге разбросанные пальмы, по которым шествовали святые стопы Богочеловека, как уже колокол возбужденного ликования в народе замер. Вместо радостного клика, вместо веселых разговоров является раздражение, гнев, начинаются мечтательные затеи. Вместо слов “Он Чудотворец и Учи-

тель” те же уста повторяли: “Он развратитель и возмутитель”; вместо слова “Господь” те же уста кричали: “Он злодей!” Вместо слова *осанна* — слово *распи*; вместо престола — голгофская казнь.

Так после торжественного дня наступают дни тяжелых скорбей, страданий и, наконец, крестная смерть Христа Спасителя. Спутников Господа теперь мало: остались верными и дружественными единицы. Все же прочие отступились, отверглись, изменили, и даже отреклись лучшие, излюбленные Спасителем люди. События дали урок ясный: быть верным в дружбе, не покидать человека в беде и напастях. Только в печальные дни познаются достоинства и дружбы, и любви. Евангельским событием освящены эти великие связи человечества. Закрепляются они не шумно, не крикливо, не возбужденно, но тихо и скромно, подобно тому, как воспламеняется искоркой тихий, лучезарный свет чистой свечи, озаряющей ночную тьму.

3. Не восхитившись торжественной встречей, сделанной Ему в Иерусалиме, Спаситель благосклонно остановил Свое внимание только на детях, на младенцах, вещавших Ему: *осанна!* Этим Он указал, какой восторг соответствует достоинству человека. Восторг есть выражение чистого, безупречного, живого, беззлобного сердца. Всем людям, однако, без различия возраста, влагается в душу этот Божественный дар. Но не только восторг, но даже сердечная радость невозможна для весьма многих людей.

Невозможна она для людей ленивых и нерадивых: отдых сладок и приятен только после тяжелого труда, как ощущение удовольствия здоровьем естественно

после боли. Невозможна сердечная радость для людей нетерпеливых, раздражительных, недоброжелательных, завистливых и памятозлобных. Светлый лик утешения и любви для них затуманивается вдруг. Такие люди готовы разбить драгоценную вазу по одному только капризу, что из нее берут цветы и другие люди. Чувство радости для всех людей, одержимых разнообразнейшими страстями, неполно настолько, что они властны разрушить даже наши семейные связи и отнять у любящей души сына, мать, друга и подругу.

4. Но Спаситель ни для кого из нас не закрыл вход в небесное царство. Через покаяние и желание исправиться в каждой душе может открыться дверь, в которую будет доступ для христианской радости. В каждой душе просит Христос Себе обители. Даже в дни скорби и искушений не затворяет эту дверь Божественное милосердие. Требуется одно — последование страждущему Господу. *Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его*, — убеждает апостол Петр (1 Пет. 2; 21).

Теперь наступает Страстная неделя. Пусть каждый из нас приблизится к страждущему Спасителю, пусть каждый из нас Ему сопутствует шаг за шагом до конца крестной дороги, и тогда путь нашей жизни исправится. Сердце наше, испытанное страданием и скорбью, умирится. Итак, в наступающую неделю, христиане, устремим свои взоры на Господа. С плачущими женами иерусалимскими будем взирать, как Он, Господь неба и земли, за наши грехи осуждается на смерть, несет Крест и изнемогает под бременем Креста. Понесем Его Крест. Слушая Еван-

гелие на Страстной неделе, постараемся проникнуться безмерным величием страданий и заслуг Сына Божия. Мы будем внимать кроткому, любящему голосу, призывающему к радости всех-всех, к радости блаженных упований, ко спасению. Пред Страстями Христовыми всем достанет места: и мытарям, и блудницам, и разбойникам.

Если бы это случилось, тогда действительно мы могли бы чистым сердцем праздновать Пресветлое Воскресение Господа и воскресение своих душ, умерщвленных страстями и грехами! Отправимся, кто хочет, в путь за приобретением небесных утешений и радостей. Все отправимся по крестной дороге, кому нужно освободиться от подавляющей пошлости. С нами на этом пути, не забудьте, будет Христос, страдающий и сострадающий. Аминь!

ПОУЧЕНИЯ НАКАНУНЕ СТРАСТНОЙ СЕДМИЦЫ

ПОУЧЕНИЕ ПЕРВОЕ

За всенощной в воскресенье

По милости Божией, сегодня закончилась св. Четыредесятница. Мы прошли далекий путь и находимся у своей цели. Уже виден отеческий дом, где нас ждут радости Светлого дня. Поспешим же докончить начатое. Отцы и матери, воодушевите своих детей кончить добрый подвиг. Сыновья и дочери, помогите своим отцам и матерям войти в радость Господа. Но вот слышится скорбный голос и старых, и малых: “Чертог Твой вижду,

Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду вонь”.

Бедные странники! Отчего же так ветха и неприлична ваша одежда? Время или небрежность ваша изветшали ее? Пусть ответит на этот вопрос совесть ваша — и человеческая, и христианская.

Но Мать наша Церковь простирает к вам свой привычный призыв. Мы слышим от нее такое песнопение: “Приидите, братья, приидите все: великие и малые, просвещенные и простые, старые и юные. Приидите, соединимся в духе веры и любви и разделим чувства страдающего Богочеловека”. Светлый чертог виден, но в него нельзя войти с умом, наполненным нечистыми мыслями.

К сожалению, у многих смысл и вся душа никогда не бывает так переполнена житейской суетой, как в наступающую неделю. Заботы об окончании различных дел до праздника, о приготовлении различных вещей к празднику развлекают ум во все стороны и рассеивают чувство по предметам суетным. Оттого богослужения на Страстной неделе посещаются не всецело. Многие из читаемого в церкви, и притом самого важного, как-то: повествования евангелистов о жизни Иисуса Христа — опускается без особенного внимания.

Но не такого рассеянного смысла требует от нас Святая и Великая седмица. Мы будем слышать повесть о всей жизни нашего Спасителя. Когда же приличнее обозреть ее всю, как не пред ее концом? Но в состоянии ли будет обнять мыслью эту жизнь тот, кто так рассеян, что вовсе не знает собственной жизни? Мы будем свидетелями последних бесед Господа с Его учениками на Тайной вечери. Но мо-

жет ли наше сердце воспламениться огнем любви Иисусовой, если оно будет, подобно Иуде, там, где его сокровище?

Итак, не ради Господа, но ради самих себя мы должны в настоящие дни собрать как можно более все свои мысли и очистить их. Иначе мы отстанем от Спасителя и останемся — кто при Иуде, с отчаянием; кто в претории Пилата, с одними умытыми руками; кто во дворце Ирода, в одной нарядной, внешней праздничной одежде, — но со Христом не воскреснем, в чертог славы Его не войдем. “Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду вонь”.

“Куда же девать житейские заботы? — скажет кто-либо из вас. — Праздник великий — житейские заботы велики”. Знаем это положение и скорбим: Христос на Кресте, а христиане с утра до ночи в лавках. Христос в муках воскликнул: *Жажду* (Ин. 19; 28), — и напояется оцтом, а христиане угощают разнообразные снеди и питье. В то самое время, когда Христос предал дух Свой, христиане едва переводят свое дыхание от житейской суеты... Как же после этого христианину в конце концов не рыдать словами: “Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду вонь”.

Мы не требуем перемены житейского порядка. Но добрый христианин найдет без труда способ удовлетворить всем требованиям праздника, не рассеиваясь мыслью и чувствами, не теряя из виду своего Спасителя. И апостолы ходили за покупками, и они приготовляли вечерю, и жены равноапостольные покупали ароматы; но смотрите: как у них все чинно, свято. Почему так не может быть и у нас?

Потому что мы дети XIX века. Потому что наша суетность измышляет множество мелких нужд и удовлетворением их мучит себя и других: мелкие люди и мелкие чувства. Ненасытимостью нашей плоти увеличивает через меру потребности светлых дней.

Светлые праздники, сами по себе питательные для духа, по тому самому мало требуют пищи для плоти. Мы же настолько чувственны, что не умеем найти любви без яств; без угощения мы отвыкли уже понимать наслаждения и сладость сердца. Христианский праздник не тем велик, не тем светел, что на столах ваших будет множество брашен. Не тем он радостен, что в праздник разрешаются все шумные увеселения, простирающиеся иногда до помрачения смысла... Нет, это служение чреву. Не во имя воскресшего Христа наедаются и напиваются до пресыщения, не во имя воскресшего Христа наряжают до соблазна свое тело. Чистое наслаждение сердца — это святой восторг сердца, *это праведность и мир и радость во Святом Духе* (Рим. 14; 17). Чувства же такие большей части из нас неизвестны. Если бы они хоть раз посетили нас, то мы не позабыли бы их, как не забываются чувства юной, восторженной и чистой любви, чувства глубокой, бескорыстной дружбы.

Но так как мы бедны этими святыми настроениями, то мне остается в сердечной грусти повторить за всех и для всех умиленные слова молитвы: “Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду вонь. Просвети одеяние души моя, Светодавче, да невозбранно вниду в дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему, чашу спасения прииму и имя Твое, Господи, призову”. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ВТОРОЕ*

*Отверзется чертог:
Жених близ, призывая нас,
уготовимся.*

Господь даровал нам великое благо — кончить святую Четыредесятницу. Мы вошли уже во всечестные дни Страстей Христовых. Мы уже стали подле чертога спасительной Вечери.

Долго нас всех подготавливала Церковь. Сорок дней убеждала не являться на таинственный брак Агнца в заплатанной грехами одежде. Целых сорок дней просила не являться у Престола с сердцем Иуды, с ожесточением фарисеев. И теперь она нас о том же просит и все знает про Чертог, в котором мы должны насладиться пиром веры, святою радостью светоносного Воскресения Христова.

Готовьтесь же, братие и верные рабы, вспомнив завет мира и любви, произнесенный устами Спасителя: *Я завещаю вам, как завещал Мне Отец Мой, царство, да ядите и пиете за трапезою Моею в царстве Моем* (Лк. 22; 29–30).

Приидите, все обремененные и утружденные, оскорбленные и униженные! Успокойтесь (Мф. 11; 28)!

Господи, сколько милости! “Чертог Твой вижду, Спасе мой” — видите ли? Вот и блудница покаялась — и прощена; разбойник покаялся — и наследовал рай. В последние дни крестной жизни Спасителя спаслись очень многие. В эти шесть дней Страстей Христовых и мы должны раскаяться. Много раз уже слышали мы призывы Церкви. Но кто может сказать, что еще много раз услышит? Много Четыредесятниц уже провели мы, но увидим ли еще?

Будем же, Господа ради и ради спасения своей души, внимательны к слову Божию. Аминь.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

I

Как все преходящее, прошла и святая Четырехдесятница. Счастье и похвала Церкви тем, кто в течение ее узнал, что он идет вперед по пути жизни. Скорбь тем, кто пережил святую Четырехдесятницу, не думая, что земная жизнь есть путь к небу. Благо и радость тем, кто в течение поста искал пользы своей душе. Грустно за тех, кто и в это душеспасительное время не замечал, что у него есть душа. Проведшие честно пост ждут теперь праздника Воскресения Христова. Отнесшиеся же к посту равнодушно не имеют должного понятия о празднике и все продолжают свою работу — работу, по выражению св. Павла, *тления* (Рим. 8; 21).

Теперь мы вступили уже на крестный путь Христа. Как идти и что нам делать в дороге, чтобы наш путь не был полон уныния?

1. Ни в какое другое время, как в эту неделю, для христианина так не обязательно самоуглубление. В это время чтения Евангелия невольно охватывают человека завещанием Иисуса Христа “не любить мира”, но полюбить царство Христово (см. 1 Ин. 2; 15, Мф. 6; 33). В эту неделю труд усиленной молитвы должен очистить и украсить душу и сделать ее способной к принятию высших внушений неба.

2. На крестном пути нашем облегчается его трудность устремлением души к Богу. Только таким образом мы исторгаем из души плевелы и оставляем в ней простор для благодати. Розга плодоноснейшей лозы уже созрела и готова дать нам сок винограда Христова.

3. На крестном пути нашем ежеминутно должна переноситься наша мысль к страдающему Христу. Сострадая Господу, душа страдает о себе самой. Есть слезы надрывающие, слезы тоски, уныния, досады; есть же слезы сострадания, любви, утешения и благодарности. На этих слезах растут упования, и ими возвращается наше истинное счастье — счастье непреходящее. Блаженны те очи, которые будут источать такие слезы при слышании о Господе, умалившемся и смирившемся, как раб.

4. Лучшего времени для христианина на земле быть не может, как грядущие теперь, день за днем, две недели — Страстная и Светлая. Не знаем, так ли хороша эта Святая седмица там, за пределами жизни, как здесь! Эти две недели на земле есть исключение из общего правила суетливой жизни. В эти недели поистине и воочию Иисус Христос является душе.

Господа ради оберегитесь, чтобы суета не взяла вас от храма и чтобы эта седмица Страстей Христовых не была, подобно прочим седмицам, нескончаемой неделей наших собственных погибельных страстей.

Вот Жених идет! Души благочестивые, “идите Ему навстречу” (Мф. 25; 6)! Аминь!

II*

*Ныне Силы небесные
с нами невидимо служат.*

Из этого святейшего песнопения мы должны уразуметь, какое великое значение имеет наше христианское молитвенное собрание. В каждом храме вместе с людьми служат Силы небесные, своим невидимым содействием довершают то, чего не достает нам, видимым служителям Св. Таинства.

Ангелы святые — слуги Божии. Их служение в храме составляет радость для них, ибо и в самом небе они не видят того, что совершается в наших храмах. Здесь они видят всецелую любовь Господа к людям; здесь видят они все превосходящее Его смирение, ибо Он, Царь Славы, является на наших алтарях как Жертва, принесенная за грехи человеческие.

И ныне с нами, недостойными, служат небесные Силы. А потому требует Церковь, чтобы мы приступили с верою и любовью к тому, что предлагается ныне на Св. Трапезе. Надо приступать с живой верой, перед которой должно быть невидимое как видимое. Вера слабая не приносит плода для человека. Знаем, что такой верой некогда веровал ап. Петр, и утопал, и, действительно, утонул бы, если бы не призвал благодатную помощь Спасителя. Призовем и мы ту же Божественную помощь и с “верою и любовью приступим”.

Живая вера производит живую любовь: ибо нельзя приблизиться к великому огню, чтобы тотчас не почувствовать теплоты и жара. Спаситель есть истинное олицетворение любви. Он всего Себя отдал

любви для спасения людей: взошел на Крест, умер в муках, был вместе со злодеями.

Таким образом, от нас требуется глубокое внимание и полное благоговение в часы христианского богослужения вообще, а в частности — за Литургией.

Литургия — неземное торжество. Земные торжества всегда наружны, всегда дают удовольствие глазам и слуху. Но в церковном торжестве самое главное — незримо. Оно подразумевается, но оно свято, Божественно.

Если раз человек почувствовал, узрел славу Христову, то все земное теряет для него свое обаяние.

Ах, если бы и нам, здесь присутствующим, почувствовать, что мы находимся точно в том месте, где “Силы небесные с нами невидимо служат”, где совершается Жертва Тайная... Если мы сердцем проникаем в эту мысль, то, без всякого сомнения, все до единого будем и причастниками жизни вечной. Аминь.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ВЕЛИКИЙ ВТОРНИК

Сегодня с Божией помощью продолжаю вчера недоговоренное слово о крестном пути, предлежащем ученикам и последователям Христа в дни Страстной недели.

Господь говорил апостолам: *Через два дня будет Пасха (Мф. 26; 2). Вот мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам “и народам; и предадут*

Его на поругание и будут бить Его, и оплюют Его, и осудят Его на смерть и убьют Его” (Мф. 20; 18, Мк. 10; 34). В последнем из этих слов Спасителя выражается глубочайшая скорбь. Эта скорбь, как тяжкие оковы, с каждой минутой делалась все болезненнее и с каждой минутой возбуждала большее страдание. Печаль за печалью поражала сердце Искупителя, грядущего к вольной Страсти. Многие из этих печалей предлежат и верующим на жизненном пути. Тем из верующих, которые откликаются душой на мысль о кресте и духом несут этот крест, свитый из горестей и бедствий.

1. Глубокие скорби Спасителя настали еще прежде предания в руки грешников. Евангелие сообщает, что за несколько дней до праздника Пасхи, когда все готовились к радостному общему торжеству, как ко времени, в которое человек слагает с себя бремя всех забот, общественных и житейских, и отдается тихому покою, Спаситель получил скорбную весть о болезни Своего друга Лазаря. Смерть этого друга вызвала у Него слезы. Он плакал над его могилой. В преддверии крестных страданий — слезы об утраченной дружбе.

Кому из нас не приходилось проливать такие слезы? Кто из нас не плакал над могилой дружбы, которой у человека отнимается утешение взаимного удовольствия? Это страшное испытание для всех сил и способностей души. Сиротство ужасно. Нельзя без сострадания видеть слезы вдовы матери, вдовы супруги; детей, разлученных с отцом; о друзьях, отнятых у нас роковым приговором немой, не подлежащей ни суду, ни обжалованию смерти.

Здесь всякое слово утешения — звук пустой. Здесь только возможны одни слезы. Если Спаситель оросил могилу дружбы слезами, то этим средством облегчил и для нас ее утрату. Пусть же все сиротствующие облегчат свой крестный путь — путь покинутого одиночества — слезами. Слеза возвратит утешение; великую скорбь сиротства и беспомощности омоет чистой струей преданности воле Божией, без которой не падал ни один волос с человеческой головы (см. Лк. 21; 18).

2. Далее Евангелие сообщает о Христе Искупителе. Он шел в Иерусалим и, не входя еще в столицу, с горы Елеонской смотрел на этот город. Ученики Его восхищались живописным местоположением города, движением жизни праздничной столицы, его превосходными крепкими зданиями, миллионной массой людей, снующих по городу, прибывающих в Иерусалим на праздник со всех сторон.

То, что в учениках возбуждало радость, в Спасителе вызывало чувство горести. Он плакал о будущей судьбе этого города, над которым уже занесен был меч казни, разрушения и рассеяния. Спаситель прозревал, что Иерусалим падет под развалинами своего нечестия. В нем не останется даже камня на камне, свидетельствующих о прежнем величии. И это угнетающее чувство печали безутешно; оно встречает истинных крестоносцев всех времен. У нас это чувство переносится не на Иерусалим, не на город, не на царства и государства, но на собственные наши семьи и на семьи близких нам лиц. Как часто прозревается упадок, запустение и рассеяние семейств, забывших заповеди Божии, отрекшихся от заветаний отеческих и материнских. Прозревать

безутешную будущность непокорного сына, неблаговоспитанной дочери, неблагодарного друга — ужасающая скорбь.

Все мы так или иначе связаны семейным союзом. И если в этой связи замечается ослабление скрепляющих нитей, то невольный ужас объемлет душу при одном представлении о том, как эта нить порвется. Когда порвется нить нравственных отношений между близкими, то порвутся с ней и радости земной жизни. Горе, рассеяние и запустение; “мерзость запустения станет на месте святе” (см. Дан. 9; 27, Мф. 24; 15), по выражению пророка.

3. Далее Евангелие сообщает, что Христос пришел в храм Божий. Здесь Он нашел такие беспорядки, такую продажность, что храм, с одной стороны, представлял собой шумную торговую площадь, с другой — “вертеп разбойников” (Мф. 21; 13). Чувства Спасителя были поражены такими безобразиями. Бесчине в доме Божиим возмутило даже Его кроткую душу.

Мы, хотя и ученики Спасителя, эту скорбь смущаемся мало. Мы уже навыкли в дурных обычаях. Мы и сами располагаемся к тому, чтобы эти обычаи еще более умножались. Многие из нас этому способствуют. Но эти многие — не крестоносцы.

Отчаянно положение того народа, у которого храмы теряют право называться “домом молитвы и благочиния” (см. Мф. 21; 13). Там распадается общество и разлагается его духовная жизненность. Притязательный, корыстолюбивый, ленивый священнослужитель; невнимательный, рассеянный и развращенный мирянин сливаются воедино. Не благодать Божия призывается их устами, но их развра-

щенное сердце ускоряет гнев Божий. Да хранит же нас Бог умножать собою кощунствующих и идолослужущих. Войдем со Христом в очищенный Им храм. Будем в нем благоговейны. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ В ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ

Перед чтением о Страстях Христовых

Наступает час слушания нами евангельского рассказа о Страстях Христовых. Но прежде нежели огласить слух наш слушанием Божиего слова об этих ужасных страданиях, которые претерпели Пречистая Плоть и Душа Пресвятая, долг наш — расположить свою душу к мыслям, вызываемым страданиями Богочеловека.

Во-первых, вспомните, что Евангелие сообщит вам историю страданий не человека, не Ангела, но Самого Единородного Сына Божия. Беспрецедентное событие поражает ужасом и недоумением наши умы: здесь чудо чудес и Таинство Таинств!

Во-вторых, услышите вы о бесчувственно грубых, с убийственным равнодушием возносящих на Крест Сына Божия римских воинах.

Услышите о коварном ученике-предателе, попирающем дружбу, благодарность и все святейшие чувства, которыми украшается человеческое бытие на земле.

Услышите об ослепленных страстью книжниках и фарисеях, которые с унижением для себя испросили не пощады, не помилования, не всепрощения Иисусу, но осуждения, смертный приговор.

Услышите о человекоугодливом судье, Пилате, приговаривающем на смерть невинного; о спокойно отдающем на пропятие Величайшего и Святейшего Чудотворца.

Услышите о том, что на защиту невинного своего Владыки готовы восстать и солнце помрачающееся, и трепещущая земля, и вся тварь содрогающаяся...

Внимательно прослушав историю страданий Иисуса Христа, поймете, что Иисус Христос Своєю смертью примирил нас с Божественным правосудием.

В истории страданий Иисуса Христа ни одна черта, ни одно слово не исчезает без особого спасительного смысла. Лествица, по которой Иисус Христос взшел на Крест,— это наши грехи. Грехи создали Крест. Гвозди, которыми Он был пригвожден,— наши грехи; терния, из коих сплетен был Его венец,— все наши же грехи!

Таким образом, Сам Бог явил людям Свою бесконечную любовь. Для спасения Своих порочных и строптивых чад Он Сам восходит на Крест. С этой минуты крест делается знаком спасения и освящения. С этой минуты каждый христианин, возлагая на себя крест, должен знать, что в Кресте заключается таинственное сочетание правды, милости, суда и прощения, святости и упования. Сын-Бог как Божественная Премудрость указал средство поразить грехи со всей строгостью, но не погубить грешника. И несомненно, все мы укроемся под тенью заслуг Спасителя в день последнего Суда и воздаяния.

О, как было бы желательно, если бы мы сегодня же у подножия Креста сложили свои немощи,

отринули свои похоти и страсти и стали жить так, как велел жить наш Владыка и Искупитель! Аминь!

ПОУЧЕНИЯ ПЕРЕД ПЛАЩАНИЦЕЙ В ВЕЛИКУЮ ПЯТНИЦУ

ПОУЧЕНИЕ ПЕРВОЕ

Отче! Избавь Меня от часа сего! — воскликнул Сын Божий, предузрев Свой близкий исход, и Сам же присовокупил: *Но на сей час Я и пришел* (Ин. 12; 27). Этот час настал. *Пастырь добрый* полагает жизнь Свою за овец (Ин. 10; 11).

Таинственный, непостижимый час! Сын Божий преисполнен внутренних и внешних скорбей до последней степени, до последнего вздоха. “И ждал я сострадающего мне — и не было, и утешителей — и не нашел” (см. Пс. 68; 21). “Утешение Израиля” (см. Лк. 2; 25), Друг и Покровитель всех угнетенных, забытых, несчастных и отверженных, всеми оставлен, Он, Спаситель, взывал к Богу Отцу: *Боже, Боже мой, вонми Мне! Для чего Ты оставил Меня* (Пс. 21; 2). Целитель сокрушенных сердец испытал боль заушения, терноношения, бичевания. Он “возопил громким голосом” (Мф. 27; 50), со слезами, ибо видел, что удалить страдания невозможно.

Но что значит эта боль в сравнении с душевными страданиями, испытанными Иисусом Христом при виде бессердечности окружавшей Его среды? Этими печальми неизлечимо болела Божественная душа до минуты, когда предала себя в руки Бога Отца. Предательство Иуды, сон и бегство уче-

ников, отречение любимого, искреннейшего Петра, издевательство прислуг первосвященника, бессмысленные вопли неблагодарной черни, насмешки от Ирода, глумление от воинов, сопоставление с разбойником, несправедное осуждение, крестоношение по улицам многолюдной столицы, стыд обнажения среди самодовольно-невежественных зрителей, злорадования, брань сораспятого злодея...

О, поистине возлюбленный Спаситель наш понес на Себе наказание и грехи всего мира. Только разве вечная мука может быть равной “болезни неисцельной”, какую испытало сердце Человеколюбца.

Начальник жизни, Чудотворец, возвращавший других к жизни, обречен на смерть. Умирает Он. Умер. За грехи наши умер! Вечное Слово Отчее, создавшее всяческое и возвестившее миру беспредельное милосердие к грешникам, смолкло.

Солнце правды, воссиявшее миру, чтобы рассеять глубокую мертвую мглу извращенных дел и всем явить правду Божию, светлую, как свет и как полдень (Пс. 36; 6), зашло при непроницаемом мраке клеветы, даже с укорами в богохульстве. Страшный, непостижимый сей час! Нашим бранным очам видится один образ Божественного и Живоносного Тела Господа нашего Иисуса Христа. Тела безмолвного и бездыханного. “Он не имеет ни вида, ни славы, ни доброты; умален, отвращен, поруган” (см. Ис. 53; 2–3).

Придите же, отцы, матери, супруги, дети, старцы, юноши и девы; придите, сыны человеческие, окружим сей образ гроба нашего Спасителя. *Приидите, поклонимся и припадем Ему, и восплачем пред Господом, сотворившим нас* (Пс. 94; 6). *При-*

идите, восплачем пред Господом, как одно осиротевшее семейство Его, как плоть от плоти Его и кость от костей Его. Отверзем внутренний слух нашего сердца. Пречистые язвы нашего Спасителя без внешнего голоса возвещают тайны спасения нашего. “Имеющий уши да услышит!” (Мф. 11; 15).

Слушайте и смотрите! Вот Царь царствующих и Господь господствующих имеет на Своей главе венец, не драгоценными камнями украшенный, а сплетенный из терния. Кто сплел для Жизнодавца этот многоболезненный венец? Человеческая гордость, безумное тщеславие. О, если мы действительно любим своего Спасителя, то в кротости, смирении и терпении сохраним закон веры и послушания слову Его во все дни жизни нашей, пока бьется в нас жизнь сердца. Если любим нашего Христа Спасителя, если нам кажется страшным день воспоминания Великой Пятницы, страданий Иисуса, то не станем прибавлять к болезненному Его терновому венцу терний своих грехов и беззаконий.

Слушайте и смотрите! Боголепное, пресветлое, просиявшее, как солнце (Мф. 17; 2) лицо Сына Божия руками презренных тварей поругано. Живущий в неприступном свете (1 Тим. 6; 16), “на Него же Ангелы не смеют без трепета взирати”, не отвратил лица Своего Божественного от страданий затем, чтобы душам верующих возвратить в вечном царстве ангелоподобную красоту. Блюдайте же себя, чтобы Безгрешный Первосвященник и Царь славы не отвратил от нас пресветлого Своего лица, когда явится во славе Своей, узрев наши лица, покрытые явными и тайными следами похоти и суеты. Если любим Спасителя нашего, то перестанем умножать

своей преступной чувственностью, страстным самопрельщением претерпенных Им поруганий.

Слушайте и смотрите! Его зиждательные руки, благословлявшие, благотворившие, чудодействовавшие, растянуты, прободены и пригвождены к древу смертной казни. Если любите Человеколюбца Христа, то не простирайте своих рук к хищению и неуважению чужой собственности, к насилию над трудом и силами своих ближних.

Слушайте и смотрите! Вот пречистые стопы, никогда по пути грешных не ходившие (см. Пс. 1; 1, 118; 32), вносящие с собой в жилища человеческие молитву, мир, отраду и вечное спасение, истерзаны, прободены острием железа. Если любите благодетельнейшего Подвигоположника нашего спасения, то утверждайте себя в верном и неуклонном хождении по пути святых людей, Господу благоугодивших и благоугождающих.

Слушайте и смотрите! Иисус, Сын Божий, не имевший, где *приклонить голову* (Мф. 8; 20, Лк. 9; 58), где же, наконец, ее преклонил? На Кресте. Греха не сотворивший, Он умирает, как тягчайший грешник. Смиранный и бескорыстный, строгий к Себе, — людьми, Им облагодетельствованными, учениками, слушателями, свидетелями Его чудес и разума (св. Иоанн Златоуст), даже целым правительственным синедрионом обзывается “льстецом, обманывающим народ” (см. Лк. 23; 2, 5). “Ревнитель истины поруган сквернителями Церкви Божией” (блж. Августин).

Если любите Спасителя, то не бойтесь страданий, причиняемых своими и чужими, от сродников и от разбойников. Не бойтесь, если долгие дни и

годы нашей жизни протекают среди мглы и хаоса сомнений, воздвигаемых неверием века, выдающего призраки за истину и принимающего истину за призраки. Спаситель всегда с теми, кто Его любит. Он, Добрый Пастырь, проведет нас сквозь дебри опасностей, искушений, заблуждений и страданий. Без Господа все это ужасно; с Тобою, мой Спаситель, это и все другое — не страшно!

Да напишется в сердцах наших неизгладимыми чертами Божественный образ “Распятого за ны при Понтийстем Пилате”. Лобызая устами и сердцем живоносные язвы нас ради Пострадавшего, запечатлеем снова, пред этим изображением Страстей Христовых, нашу веру, надежду и любовь к Нему. Верующим сердцем над сим вместообразным гробом прольем слезы благодарности, хваления и поклонения, да и в день преславного Воскресения войдем *в радость Господина* своего (Мф. 25; 21). Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ВТОРОЕ

Гроб нашего Спасителя и Господа! Приблизимся к нему всеми силами и способностями нашей души: мыслью, чувством и волею. Нигде, как здесь; никогда, как в этот великий спасительный час не требуется от христианина такого полного и всецелого безмолвия. Смотри: чудо спасения миру нисходит от Креста. Смотри: жизнь вечная заключена в этом Гробе. Величайшие тайны, изумляющие своей непостижимостью умы мудрствующих, но глубоко внятные искренним сердцам. Сын Божий *изъявлен был за грехи наши; ранами Его*

мы исцелились, — восклицал вдохновенный пророк (Ис. 53; 5).

Но сомнение — печальный недуг нашей природы. Оно спрашивает: “Зачем эти язвы? Где исцеление? В мире все идет естественным путем — что было прежде, то будет и впредь”.

Но когда младенец родится слабым, едва дышащим, сомнительно, что это так и должно быть. Нет, это знак, что в болезнях мать рождает свое болезненное дитя, а болезнь не есть явление естественное, законное. Это образ того, что как болезненный младенец нуждается в особенной помощи матери или кормилицы, так и для духовного развития погрязшего в грехах человечества нужен руководитель и воспитатель.

Встречаем дерево кривое — никто не скажет, что оно должно расти кривым. Всякий согласится, что оно было бы красивее и пригоднее, если бы было прямее. Никакое земное воспитание не в силах избавить род человеческий от кривых путей, от заблуждений и страстей. Самый взгляд на искусство воспитания вызывал и вызывает столько предположений, которые на деле так непригодны, что оказывается нужным закрывать их действия и создавать новые методы, новые приемы. Умножаются изобретения, но еще не изобрел человек искусства, чтобы все около него были добры и счастливы. Обогащаемся познаниями, но заглянем в душу образованных людей: кто водворит в них покой, кто заживит раны совести?

Да, нам нужно исцеление — и, действительно, явился Врач с неба, так как по роду болезни не могло быть врача на земле. Нужен был восстано-

витель человечеству, а восстановить его мог только Господь природы. Для нашей совести нужен примиритель — и сказал Господь душе грешной: “Я тебя не осуждаю”. Нужен законодатель — и нет и не будет в мире выше и чище закона Христова. Нужен Спаситель — и Он до того благ и так объемлет все любовью, что даже не затворил дверей царствия небесного для презренных отверженников общества.

Душа слабая, нежная и мятущаяся, тревожная, недоумевая, часто ищет уроков для жизни. Многие спрашивают: “Как нужно любить Бога, как нужно любить ближнего, как нужно жить на свете?”

Ах, не спрашивайте об этом никого. Никто вас не научит, никто нам не разрешит вопроса о добродетелях своими умствованиями. Взгляни, христианин, на распятого Господа, и тогда сам поймешь, что значит любовь истинная, что значит терпение, преданность, незлобие. Все найдешь во гробе Спасителя, всему научишься у Креста!

Мятущееся, разбитое сердце грешников и грешниц ищет средств покаяния. Пред ними память вызывает призраки содеянных грехов, воображение оживляет их в мрачной картине. Давний грех восстает в памяти, смущает, унижает, поражает ум, пронзает сердце, колеблет волю, сквернит воображение, затемняет воспоминание о днях юности, обманутой в своих надеждах. Где заглаживание, где облегчение? Где лежит дорога на новый путь? Здесь.

Обними мысленно живоносное Тело Спасителя, и душа твоя станет чистой плащаницей. Он, Утешитель, успокоит и наставит тебя на всякую истину. Он укажет тебе пути; даже более: Он тебя возьмет

и пойдет с тобой, поведет тебя, так как Сам сказал: *Я есмь путь и истина, и жизнь* (Ин. 14; 6).

Приблизьтесь ко гробу Спасителя. Из него сияют спасительные язвы и терновый венец, изъясняются тайны нашей судьбы. Бедствующие, униженные, покинутые, под гнетом гнева и страха томимые, нуждающиеся, люди без места и службы, не имеющие или утратившие состояние, люди без крова, родства, узнайте: Голгофский Страдалец прошел чрез всю пучину утрат, лишений и оскорблений и взошел на неизреченно могучую славу. Широкий путь многих ведет в пагубу; тесные пути и незаслуженные страдания облегчают утружденное сердце — вот Его проповедь. Она должна достигнуть нашего сердца, если оно не оледенело, если для нашего сердца Христос есть Живой Бог, а не остается Он только изображенным на холодных досках, к которым прикладываются бесчувственные уста.

Но вот мы приблизились ко Гробу. Гроб напоминает о бездыханном мертвце. У кого же из нас их не было? Невольно наша мысль перенеслась к нашим друзьям, к нашим сестрам и братьям, которые также в минувшие годы проводили с нами в молитвах надежды и упования этот день и дни светлых праздников. Что они? “Успокойтесь за почивших во Христе,— говорит Спаситель.— Их смерть — блаженное успение, их жизнь бесконечна. *Я есмь воскресение и жизнь* (Ин. 11; 25). Мир соблазняет, Я научаю. Мир льстит, Я учу труду. Мир отравляет объядением, Я учу воздержанию, трезвости”.

Успокойтесь, вдовы осиротевшие, за тех, с кем расстались в этом мире до свидания в вечности:

они зрят теперь Иисуса прославленным, а нам, облеченным плотью, подверженным напастям, скорбям и искушениям, должно взирать еще на Иисуса страждущего. Успокойтесь: если мы по временам бываем способны мыслью и чувством присутствовать на небе, то и наши друзья, с верою отошедшие с земли на небо, не мыслью только, но и всем существом своим теперь с нами, у гроба общего нашего и их Спасителя.

Они, наши загробные друзья, простирают к нам свой пример. Сколько бы мы ни старались забыть о бренности бытия нашего, но настанет для каждого из нас свой последний час. Для каждого из нас придет Великая Пятница — страшный, гневный день смерти. Сдружайтесь же заранее с мыслью о смерти, соединяйте эту мысль со смертью Господа Иисуса Христа. Он нас утешит, говоря: “Не дам преподобному Твоему видеть тление” (см. Пс. 15; 10). Он говорит: “Будь только верен до смерти, и кто бы ты ни был, будешь в царствии небесном, завещанном всем гонимым за правду”.

И всем нам, изнемогающим под крестом жизненного горя, Христос от св. плащаницы вещает: *Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте. Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет, и радости вашей никто не отнимет у вас* (Ин. 14; 1, 15; 11, 16; 22). Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Он изъязвлен был за грехи наши (Ис. 53; 5). Великий святой тайновидец своим духом созерцал страждущего Человека — поруганного, не

имеющего ни вида, ни величия, и умаленного пред людьми (Ис. 53; 2—3). Этот Страдалец, поражаемый горестью и клеветой, в глазах пророка подобен незлобивому Агнцу безгласному. При всей лютости мучений не отверзает Своих уст. Он не сотворил никакого греха. В Его устах не было лести. Он не владел никаким имуществом; был беднее птиц, у которых есть гнезда, одиночнее затворника, у которого есть келья-пещера. И такой Человек был причтен к беззаконным; с ними был вознесен на Крест, повешен, умерщвлен.

За что же Он терпел так много? Почему Он испил до конца столь горькую чашу страданий беспредельных, несравненных даже для усеянной неправдой и злобой земли, небывалых ни прежде, ни после, никогда небывалых? Углубляясь в разрешение этих вопросов, пророк, свыше озаряемый, поведал тайну Божию. *Он изъязвлен был за грехи наши, наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились* (Ис. 53; 5).

Его смерть — цена искупления нашего спасения. Его язвы — исцеление для всех недужных. Его наказания — закон оправдания грешных: *ранами Его мы исцелились*.

Нужно ли ныне для нас, детей православной веры, истолкование пророческого видения, когда пред лицом всех находится живое изображение Того, Чье имя сокрыто пророком? Не вопиет ли громко небо и земля в настоящий день Великого Пятка, что распятый на Кресте Господь — Тот Самый Агнец, закланный за грехи мира, возвещенный боговдохновенным пророком? Не ту же ли истину поведал свя-

той апостол Петр в своей проповеди, сказав: *Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его. Будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая не угрожал, но предавал то Судии Праведному. Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды: ранами Его вы исцелились* (1 Пет. 2; 22—24).

Не во истолкование ли того же светозарного пророческого видения Дух Святой вложил в сердца благообразного Иосифа и благочестиво-мудрого Никодима воздать последний долг человечества “на ради человек и нашего ради спасения” Пострадавшему, почтить Его Святейшее Тело как царское, одеть в богатую плащаницу, помазать благоуханным миром и положить в своем новом гробе?

Вспоминая ныне смерть Жизнодавца и не желая быть только равнодушными зрителями предлежащего образа, прочувствуем умом и сердцем великий догмат искупления всего мира. Содержание догмата возвышенно, но внятно: правосудие Божие изрекло безжалостный суд закона над преступниками, но милость Божия явилась посредницей примирения Бога с людьми. *Милость и истина встретились, правда и мир облобызались* (Пс. 84; 11), — пел Царь Давид. Сын Божий Своей волей пострадал за грешников, приобщился плоти и крови их, простер Свои пречистые руки на Кресте, возвестил, по выражению апостола Павла, *мир вам, дальним и близким* (Еф. 2; 16—17), примирил земное и небесное. Умер Единый, но искуплены все; ибо и осуждены все за грехи одного. Согрешил человек, а искупил Сын Божий. Он, Предвечный и Единородный, испил смерт-

ную чашу до последней капли в глубокой преданности воле Отчей, претерпел страдания и болезни адовы, испытал всю тяжесть и строгость Божественного правосудия.

Смерть Иисуса Христа попала вечную смерть, оставаясь на все времена действительным врачевством, исцеляющим болезни души. Если кто страждет честолюбием, пусть помолится у гроба Униженного, называющего Себя Сыном Человеческим. Молитвенное обращение к Нему смирит, сокрушит злую человеческую гордыню.

Если кто связан духом любостыжательности, недугом сребролюбия, скупости, коварной алчности, то пусть представит своим больным завистью очам Иисуса, обнаженного на Кресте. Чье сердце не устыдится и не отвратится гадких стремлений прибытка и наживы?

Омраченные састолубием, невоздержанием, пьянством, сладострастием похотствующей крови и плоти, устыдитесь! Омойте нечистоту свою слезой покаяния, облобызайте благоговейным лобзанием образ Святейшего святых Спасителя Своего, положившего жизнь Свою за грешников: вы освятитесь, отоидете от святой плащаницы чистыми, как младенцы от купели святого Крещения!

Ободритесь, вы, терпящие напасти и всякие житейские искушения! Приникните к святой плащанице, изображающей Господа Иисуса, искушаемого всячески: Он только в силах нам, искушаемым, оказать помощь, оградить нас от искушений, освободить от немощей и зол.

Он, не сотворивший ни одного злого дела; Он, не мысливший ни о каком грехе, всем благотворив-

ший, неблагодарностью и злобой человеческой преданный бесславию, позору, мучению и крестной смерти, оставил неумирающий пример терпения в скорбях для всех Своих последователей в Своих крестных Страстях. Он обещает награду на небесах и вечную славу всем приобщившимся страданиям Его на земле.

От предстоящего святейшего гроба Святая Церковь передает нам еще два безмолвные, но сильные поучения: бойтесь преследовать и обижать невинных, кротких, добрых людей, чтобы не уподобиться гонителям Иисуса Христа. Учитесь страдать за исполнение своего долга, за истину, за правду, как страдал наш Искупитель: тихо, молчаливо, мужественно.

После невыразимых томлений, после громкого вопля к Богу Отцу, после великого слова: *Совершилось!* (Ин. 19; 30) — крестный Страдалец *испустил дух* (Мк. 15; 37). Сомкнулись святые уста, угас небесный взор, непорочнейшее Тело объял холод смерти. Смерть вполне овладела своею жертвою; враги вполне могли бы ликовать: ведь смертью все заканчивается. Но их злобное торжество не было продолжительно, равно как и торжество самой смерти: ибо в третий день Иисус победно воскрес из мертвых!

Что же такое была смерть Иисуса Христа? Она не имела сходства со смертью, прекращающей человеческое бытие, какой умирают люди. Его смерть была смертью нашей смерти. Он Своєю смертью “смерть попра”. Его смерть была последней данью страданий за нашу виновность, уплатой вечного долга, последним взносом оброка. *Возмездие за грех,* —

говорит апостол, — *смерть* (Рим. 6; 23). Господь заплатил за нас этот тяжкий налог. А когда заплачен оброк, налог или долг, тогда уничтожаются, само собою, и притязания заимодавца. После смерти Господа ни смерть, ни грех произвольный, ни первородный не имеют уже прежней неограниченной силы и значения. Умер Начальник жизни, и апостол смело спрашивает: *Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?* (1 Кор. 15; 55).

Преклоним колена и голову пред гробом Божественного Страдальца со скорбью сердца о своих грехах, с тоской сожаления о смерти неповинного Сына Божия, но и восстанем с радостью за победу, одержанную над смертью Христом, восхваляя устами и сердцем Пасху. Пасху спасительную, “Воскресения день”. “Просветимся, людие” — мужи и жены, старцы, юноши и отроковицы. “Христос бо воста, веселие вечное”. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Вот изображение Пречистого Тела Господня в том виде, как оно, снятое с Креста, положено было в гроб! Взирая на это изображение, не знаю, чем мне начать речь свою о Нем — словами или слезами.

Что мне сказать Тебе, с чем сравнить Тебя? Чему уподобить Тебя, чтобы утешить Тебя, кто может исцелить Тебя? (Плач. 2; 13). Такие плачевные звуки исторглись из сердца ветхозаветного скорбящего пророка, прозиравшего тайну страданий Иисуса Христа. Никто не утешил, никто не спас. Глазам нашим предстоит безмолвный гроб.

“Еще прежде солнца Солнце” зашло в гроб. “Жизнь во гробе полагается, и ангельские воинства ужасаются”. Премудрость, веками неисчерпаемая, — в этом живоносном гробе: он вызывает в христианине все силы чувства, то возвышая их до неба, то низводя до сознания нашего ничтожества.

Говорить при гробе смертного человека нелегко; отверзать слово пред Плащаницей — страшно: сердце изнемогает под тяжестью сокрушающей скорби.

Плакать ли? Но Христос не хочет, чтобы плакали о Нем. *Плачьте о себе и о детях ваших* (Лк. 23; 28), — говорит Он, видя слезную, рыдающую тоску иерусалимских женщин.

Приблизимся ко гробу с полным благоговением, с верой и страхом Божиим и вглядимся в Божественный образ Страдальца, начертав в себе Его бессмертные черты.

Вот Он... Наставник мудрости, свидетельствовавший истину во всем своем величии. Он возвещал правые пути жизни всем без различия. Его поучения вняты старику и отроку, иудею и эллину, работнику и вельможе. Кому нужна святая истина? Всем, кому нужен свет. Да, всем нам. Примем же обет у гроба величайшего Свидетеля ее: искать истину, не вскрывать ее в неправде человеческих мнений, возглашать ее; не изменять ей даже тогда, когда за свидетельство ее ставят для нас позор и крест.

Вот Он, Друг и Благодетель человечества. Слепые, глухие, хромые, больные стекались к Нему. Мытари, блудницы — осмеянные, озлобленные, презираемые — приближались к Нему, и Он, Друг человечества, к ним братски приближался. Он был утехой и радостью скорбящего. Надо признаться,

и ныне неисчислимо множество несчастных и множество погибающих, которым нужен голос любви, сострадания и благотворительности. Возьмем же у этого спасительного Гроба урок братства и любви к ближним: откроем им свое любящее сердце и будем стараться взыскивать погибших, поднимать падших и давать опору падающим.

Вот Он. Подвижник добродетели, это истинный Праведник. Даже ужаснейший в мире человек — Иуда — исповедал, что предал *кровь неповинную* (Мф. 27; 4). О, здесь каждая смертная язва на теле, в руках и ногах — свидетельство добродетели, чистоты, терпения и мужества. Нужно признаться, что напасти века не исчезли с лица земли. Бывают случаи, когда благочестие и добродетель вменяются в преступление, и честный человек вменяется со злодеями. Бывают ужасные случаи ослепления века. Но вот здесь показано, как сражаться с пороком, как терпеть, как вести себя в грозный час смерти!

Вот Он, в образе смертного. Его пречистое Тело, изъязвленное, истерзанное, лежит хладно, недвижимо, беззащитно, беспомощно. Смерть ужасна. Кому из нас не приходилось стоять у дорогих гробов? Кого из нас не ужасал один вид холодной, бесприветной, безгласной могилы!.. Кого из нас не томил вопрос: “Неужели только ради того и жил человек, чтобы его после трудной жизненной борьбы опустили в могилу бездыханным мертвецом? А дальше что будет? Неужели наше сердце, способное чувствовать, окаменеет? Неужели дух испарится, бесследно исчезнет? Неужели?”

Среди мглы и хаоса сомнений, вызываемых личными муками ума и сердца, легко принять призрак за истину и самую истину за призрак. Но Целитель сокрушенных сердец, Чудотворец, Сам Виновник жизни *преклонив голову, предал дух* (Ин. 19; 30), сошел во гроб, чтобы самый гроб сделать для нас дверью в царство жизни, света и блаженства. Божественные длани, распростертые на Кресте и теперь сложенные на персях, выразили желание любви Его: принять в Свои объятия грешников всех мест, времен и народов для празднования Вечной Пасхи.

Слушайте! Из живоносного гроба Спасителя раздается к нам краткое, но ободряющее изречение: *Я не сужу его: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день* (Ин. 12; 47–48). *Да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога и в Меня веруйте* (Ин. 14; 1). Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ПЯТОЕ

Мы собрались вспомнить то самое зрелище, которое выходил некогда смотреть народ израильский, по словам евангелиста Луки, *бия себя в грудь* (Лк. 23; 48) от ужаса. Видение страшное: поругана, оклеветана, изъязвлена позором в лице Христа правда, истина и красота. “Ужаснись о сем, бойся, небо, и да подвижутся основания земли!”

Приблизьтесь, дети, ко гробу Жизнодавца — Отца. Вот Тело Христа — окровавленное, изъязвленное, истерзанное, от ног до головы не имеющее цели. Это видение ужасом охватило душу пророка, который в тяжкой вдохновенной скорби мог только

сказать: “Вижу Христа не имущим ни вида, ни величия; вид Его презрен и умален пред людьми” (Ис. 59; 2–3).

Посмотрите! Пречистая глава, которая Своей Премудростью устрояет и управляет судьбой и мира, и каждого человека; измыслившая дивное средство спасения мира,— эта глава до самого мозга изъязвлена колючим тернием. Словно сама земля, проклятая за дела человека, помогала окаянному делу беззаконников, возрадив терния на пречистую главу нашего Спасителя!

Посмотрите! Очи Спасителя нашего потемнели. Они залиты кровью и слезами. Потухли эти очи, которые так светло и спокойно смотрели на всех. Светлый взгляд ясных глаз Христа радовал и восхищал любящих Его, утешал печальных и горюющих, умилял жестокосердых и скупых и обращал к покаянию грешников всякого рода и всякого свойства.

Посмотрите! Лицо пречистое, на Фаворе сиявшее как солнце лучами Божественной славы, ныне имеет вид бездыханного трупа. На нем следы бесчестия, оплевания. Оно посинело от ударов безжалостной руки.

Посмотрите! Вот уста, проповедавшие правду и милость, научившие благоговеть перед добром, изливавшие истинные понятия о небесной любви. И на эти уста смерть наложила свою печать: закрыты они. Умолк прекрасный голос; неподвижен благоглаголевый язык. Ужасно! Кто же утешит плачущих сирот, бесприютных, бездомных, беспомощных и одиноких? Кто словом исцелит больных? Кто скажет грешнице: “Прощаются тебе многие грехи

твоя?” (Лк. 7; 47). Кто скажет нам, не умеющим сдерживать мук душевных, тоски сердца: “Перестаньте, не тужите, Я вас не осуждаю”?

Посмотрите на руки. От прикосновения их самая смерть содрогалась: выздоравливали неисцелимо недужные, мертвые восставали. Эти руки несли объятия и благословения счастья всему доброму, справедливому и прекрасному. Посмотрите, они измучены; они насквозь изъязвлены острыми, длинными железными гвоздями; на них были тяжелые цепи; они посинели от уз. И на пречистых ногах язвы, и ребра прободены...

Зрелище ужасное. Распявшие Спасителя, приговорившие Его к распятию, их соучастники и единомышленники, приходившие смотреть Страдальца, приходили и возвращались в ужасе, бия себя в грудь. Неужели и мы отойдем от этого гроба, бия себя в грудь?

Не этого ждет от нас Спаситель. Внешние знаки участия и сострадания, бесспорно, не имеют в себе ничего неправильного. Но весьма часто в жизни внешнее выражение участия, сострадания, почтения не отвечает силе чувств внутренних — другими словами, бывает фальшиво. Нужно ли поминать у этого гроба про Иуду, который поцелуем и лобзанием предал Христа? Нужно ли вспоминать двоедушного Пилата, который много раз выражал усердие спасти Иисуса и сам же осудил Его на смерть?

Нет, у этого Креста для нас нужен другой пример сострадания. Вот пример Богоматери. Она, любившая Своего Сына, как ни одна из земнородных не может любить своих детей,— Она безмолвной стояла у Креста. И как привыкла слагать все гла-

голы Божии в Своем сердце, так и теперь втайне приносит Господу жертву терпения, преданности и упования.

Научимся из этого примера, что внутреннее сострадание дороже наружного, внутренняя молчаливая любовь сердечная ценнее внешней, внутренняя, умная молитва духовнее и выше наружной. Ныне из этого гроба и могилы слышится больше утешений, нежели в состоянии наговорить нам иные уста, полные лести, злобы, лжи, разврата, вероломства и коварства.

Кажется мне, что в эту минуту от Плащаницы всем нам говорит наш Божественный Страдалец. Слушайте, что Он говорит каждому из нас: “Я тебя возлюбил до конца, люби и ты Меня. Ничего Мне от тебя не нужно, только любви. Хочу твоей любви и ищущу ее, стою день и ночь у твоего сердца. Для тебя я трудился, постился, алкал, жаждал, претерпел мучения и умер. За все это Я желаю получить от тебя одно: любви. Да любиши Мя!”.

Судите сами, что нам сказать в ответ. Мне кажется, что у плащаницы каждый из нас должен отвечать этими библейскими словами:

Возлюблю Тебя, Господи, крепость и твердыня моя. Возлюблю Тя, Господи: Ты прибежище мое и избавитель мой, помощник мой и заступник мой (Пс. 17; 2–3). Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ШЕСТОЕ

Совершилось! Неужели умер Он, наша надежда, наша радость и любовь? Да! Умер Богочеловек! Лютые муки заушения, терноноше-

ния, бичевания и распинания прекратились. Неисцелимые скорби душевные престали.

Гроб и Крест пред нами! Приблизься же, осиротелое семейство, к дорогому гробу, восплачь пред Господом (Пс. 94; 6). Вырази сочувствие беспредельным страданиям Того, Кто положил за тебя Свою душу (Ин. 10; 15–17). Грустно и тяжело, если в своих сердцах мы не найдем даже в этот час чувств, достойных для Целителя *сокрушенных сердец* (Лк. 4; 18).

Взгляни, человек, Кто пригвожден на древе осуждения! Тот, Кто принес в мир Божий правду, Кто явил миру свет утешения и просвещения. Уйдите же от этого Гроба, клеветники! Удалитесь, богохульники! Вы загасили свет жизни в Спасителе, вы Спасителя Христа причли к душегубцам и злодеям!

Воззри, осиротевшее семейство, на эти зиждательные руки, благословлявшие, благотворившие, чудодействовавшие! Они растянуты и пригвождены к древу жизни. Удалитесь же от этого Гроба, все хищники — все те, на чьей совести лежат нераскаянно дела насилия и беззаконий!

Воззри, осиротевшее семейство, на эти покланяемые стопы, вносившие в грады и села, в жилища человеческие мир, отраду и вечное спасение. Они истерзаны и прибиты к древу позора! Удалитесь же от этого Гроба, все сквернители, паче Господа являющие себя ревнителями Церкви Божией, — все льстецы, обманывающие народ именем Христа и Сына Божия; духовенство, торгующее благодатью Святого Духа! Не прикасайтесь ко Гробу, все притязатели на славу человеческую, на богатство земное!

Судие и Ведче! Видим Твой во век незабвенный образ. Твое ли это лицо на древе проклятия, не имеющее ни вида, ни славы, ни величия? (Ис. 53; 2).

Скорбь наша по Тебе велика; ее не высказать словом, ее нельзя обнять даже мыслью. “Мене ради осужден” Ты, Господи!

Но и скорбь может быть неразумной и легко перейти в злое уныние. Незлобивый Господь наш не хотел этого. Поищем другой способ выразить Спасителю нашу любовь и скорбь.

Вот на персях почившего Страдальца возлежит заветное указание. Раскроем эту книгу и прочтем в ней указание и наставление о том, как нам жить и что делать. На ее страницах начертано: *Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога, и в Меня веруйте* (Ин. 14; 1). *В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир* (Ин. 16; 33). *Кто любит Меня, тот и заповеди Мои соблюдет* (Ин. 14; 15). *Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мк. 8; 34).

Готовы мы, Господи, из рук Твоих принять и крест! Не дай нам изнемочь и пасть при несении его!

Но вот и еще: “Обещаю вам царство” (Лк. 22; 29). *Дети Мои, да любите друг друга! Заповедь новую даю вам: да любите друг друга!* (Ин. 13; 33–34).

В исполнении этих заветов заключаются средства успокоения и утешения против немощности телесной, ибо человеческий дух бодр, но плоть его немощна. Вот где средства спасения, да не растлится человеческая плоть, да не растлится дух человечества! Такова проповедь Креста и Гроба.

Вера и терпение до последнего дыхания жизни, любовь, и милосердие, и всепрощение без конца — такова сила Страстей Христовых.

“Поклоняемся Страстем Твоим, Христе! Покажи нам и славное Твое Воскресение!” Аминь!

ПОУЧЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Страшные празднества совершаются эти три дня в Церкви. В среду сердце наше было полно скорби и негодования на измену Иуды, предавшего за деньги совесть, Христа, Бога. Сердце наше и наша совесть были колеблемы смущением. А мы не способны ли дать коварное лобзание? Приходят на память случаи, когда поцелуй и вероломная речь продавали и дружбу, и святую любовь!

Вчера, в Четверг, мы поклонялись пречистым Страстям Христовым. Слушая эти Страсти, мы слышали голос человеческих страстей. Слышали мы о ленивых учениках, не решавшихся пожертвовать часом бодрствования для Того, Кто им был в Отца и Учителя. Видели злобных начальников, слышали о лицемерных фарисеях, слышали несправедный приговор суда, слышали про лицеприятного Пилата, слышали про клики грубой толпы, готовой покарать Праведника с мыслью, что она совершает доброе дело, исполняет некоторый подвиг... При слушании об этих неправдах опыт, и сердце, и совесть смущались. Невольно память вызывала в прошедшем много, много случаев, когда и мы бывали, говоря языком правды, палачами там, где около нас стояли малосильные, доверчивые, безвинные жертвы.

Благо и честь человеку, который не был, так или иначе, тираном. Обозрим постоянные явления обыденной нашей жизни. Вот слезы, пролитые в тиши домов от обидчика мужа, от нетерпеливой и лукавой жены, от грубого, непослушного сына, от непослушной и своенравной дочери, от обманчивого друга, — разве это не безвинная мука? А эти вздохи, конфузливая, униженная робость и страх людей, “маленьких” людей, нуждающихся и обремененных, — разве это не следствие диких человеческих страстей?

Вчера при таких размышлениях становилось грустно: зачем это все было? Зачем были мы жестоки и за что к нам были нежалостливы? Настает сегодня. Сегодня самый печальный день. Сегодня самые страсти замолкли. Сегодня вся Церковь плачет и не хочет даже дать верующим Литургию. Она предъявляет сегодня верующим только Гроб и Крест.

Стань, человек, над Плащаницей и Крестом! Скажи, что ты видишь, и — если ты в состоянии отчетливо отвечать — скажи, что ты чувствуешь?

Посмотри на своего Спасителя! Посмотри, вот Жертва человеческих страстей. В угодность им вами Она умучена! Но посмотри! Вид Жертвы трогателен... Сам Пилат, сам палач не мог при взгляде на Божественного Страдальца сказать другого слова: *Се человек!* (Ин. 19; 5). Что же нам, братья, делать? “Покаяться!” — говорит нам Евангелие, лежащее теперь на плащанице как завещание умершего Господа всем нам, оставшимся в живых.

“Примириться с Богом”, — говорит то же завещание. Всякий, кто грешен, — следовательно, всякий, кто человек, — примиритесь с Богом!

Перестаньте раздражать вашими грехами Всемогущего и Всеблагого. Перестаньте утомлять Его милосердие своим ожесточением, да не подвергнетесь тому, что будете плакать и умолять, но никто не услышит вас!

Примиритесь с Богом! Да падет каждый из нас пред этим Гробом и принесет исповедание слезное во всем том, чем он осквернил в себе душевную чистоту, чем нанес вольные и невольные удары своему Учителю и Спасителю. Только тогда и только тогда наше лобзание плащаницы будет чистое, а иначе оно будет лобзанием вероломного врага.

Врачу души! К Тебе повергаем свои болезнующие души: исцели нас, вздыхающих у подножия Креста Твоего. Тебе приносим свое сердце, в котором — увь! — житейская злоба уже разбила лучшие верования, лучшие упования. Мы стали неспособны понимать всю прелесть восторга: все туман и страсти в нас, во всем болезнь и раны неисцельные. Исцели нас, бедных христиан. Обнови, воскреси Своей чудной благодатью разбитое сердце...

Поклоняемся Страstem Твоим, Христе!

Поклоняемся Страstem Твоим, Христе!

Поклоняемся Страstem Твоим, Христе!

Покажи нам и славное Твое Воскресение. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ВОСЬМОЕ*

*Приидите, поклонимся
и припадем ко Христу!*

Приидите же, сыны и дочери человеческие, *“Восплачем пред Господом”* (Пс. 94; 6), — взывал в 94-м псалме пророк Давид, вдохновенно

изображавший имеющее свершиться на земле с Мессией, с Целителем сокрушенных сердец (см. Лк. 4; 18). Приидите, сыны и дочери человеческие, в этот томительный час воображаемого нашего стояния при Кресте как одно осиротевшее семейство Его, как “плоть от плоти Его и кость от костей Его”, почитая беспредельные страдания Жизнодавца такими же чувствами, такими же слезами, какими выражали беспомощную скорбь свою при Кресте любящие Его и возлюбленные Им.

Тяжелое чувство проникает наши души, когда видим несправедливо угнетенных злобой человеческой и от нее погибших наших ближних. Мы не можем устранить вопроса, укорительного для человечества: “Неужели не нашлось ни одного человека, чтобы сохранить Его жизнь?”

Но вот перед нами гроб Спасителя мира. Из скорбящего сердца пророка также исторглись плачевные звуки при этой мысли. “Кто спасет Тебя?” — говорил он. “Спасет Его, — надеялись верующие, — один из уверовавших князей, более других мужественный, потому что он Его защищает перед верховным советом первосвященников и книжников” (см. Ин. 7; 25—26).

Нет, этот голос не услышан среди голосов более громких: *Распни Его!* (Мк. 15; 13, Лк. 23; 21). Может быть, спасет жена Пилатова, просившая мужа *не делать зла Праведнику* (Мф. 27; 19)? Может быть, спасет Его Пилат, троекратно всенародно исповедовавший, что *не находит в Нем вины* (Лк. 13; 4)? Но вы видите: никто Его не спас. Он спасал, спасает и будет спасать. Он Сам предыз-

брал решение “положить душу Свою за люди Свои” (Ин. 15; 13).

Совершилось! (Ин. 19; 30). Мир, земля и люди лишились Человеколюбца. Даже нашему ничтожеству, нашему ограниченному бытию легче принять неотразимый миг смерти среди естественной обстановки. И такая смерть вызывает вздохи, печаль, сетования тех, кто любил Умершего. Но горестный день смерти Чудотворца, возвращавшего других к жизни, был страшный день.

Поверженный, уничтоженный и обесславленный всемерно, Он, Солнце правды, заходит в непроницаемом мраке клеветы, в богохульстве. Добрый Отрок Божий, Возлюбленный, причтен к душегубцам (см. Ис. 53; 12). Его благословлявшие руки растянуты, пригвождены ко Кресту, как руки разбойников, хищников. Его достопоклоняемые стопы, вносившие в человеческие жилища благодать Божию, истерзаны, прибиты к дереву позора. Его светлый лик померк, всепроникающий взор потух...

Он стал “*не имеющим ни славы, ни величия*” (Ис. 53; 2). Приидите, сыны и дочери человеческие, прольем слезы сокрушения при виде изображения страшной смерти. Эти слезы, как огненные жгучие капли, пусть упадут на гордость человеческую и пусть смягчится жестокость в нравах общества, не различающего в своей слепоте правого и виноватого.

Как не сокрушаться духу, когда знаем, что Иисуса, в устах Которого *не было лести* (1 Пет. 2; 22), целый синедрион обозвал “*льстецом, обманывавшим народ именем Христа*” (см. Лк. 23; 2, 5). Как не устрашаться нашей воле, когда сквернители Церкви Божией себя называют “ревнителями” ее и,

кивая головами, говорят: *Э! разрушающий храм, и в три дня создающий* (Мк. 15; 29). Они издавались над Ним. Все изображали по отношению к Нему или бессилие, или безжалостность. Умиравший Спаситель жаждет — Ему умышленно дают в питье оцет с желчью...

“Приидите, поклонимся и припадем ко Христу. Восплачемся перед Ним”. Наши вздохи, сетования и печаль о Христе — скудный и убогий плод наших размышлений, любящих сил нашего верующего сердца.

Не плакать и вздыхать, а умереть надо было бы при виде этого Гроба, если бы в этом Гробе не хранился великий дар утешения для нас и спасения нашего. С Господом нигде не страшно; без Него везде было бы ужасно. Когда Спаситель сокрыл Свои очи на Кресте, то ужаснулось небо, солнце померкло, церковная завеса раздирает сама себя надвое, земля потряслась, гробы отверзлись (Мф. 27; 51, Мк. 15; 38, Лк. 23; 45). Да, с Господом нигде не страшно; без Господа небу, и земле, и всякому творению ужасно.

Но Крест, древо жизни, стал знаменем побед; могила, пещера мрака, — чертогом жизни. Приидите же, поклонимся Христу. Будем сеять слезами, чтобы пожать радостью (см. Пс. 125; 5). Христос со всеми нами пребывает до скончания века. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ДЕВЯТОЕ*

Всего обычнее, — когда гроб умершего человека окружают его родные, друзья, знакомые. Оплакать кончину мертвеца, приготовить его к погребению, снести в могилу, горсть земли опус-

тить на смертные останки, пропеть ему “вечную память” или, что то же, — воздать ему последний долг любви, уважения и дружбы, — все это есть по преимуществу очевидное свидетельство близости живых к умершему.

Вот и перед нами — Мертвец!

Нарочито для Него мы и собрались сюда в храм Божий. Кто же мы — для этого Мертвеца? Родные, или друзья, или знакомые?! Что призвало нас сюда, к Его смертным останкам — чувство ли благоговения, почтения или один только обычай, приличие, любопытство, жажда похоронного зрелища?

Есть ли между нами родные почившему Искупителю? “Есть!” — слышится голос Его Евангелия: *Мать Моя и братья Мои суть слушающие Слово Божие и исполняющие его* (Лк. 8; 21). Значит, Божественному Искупителю те родственники, братья, мать и сестры, — те, кто любит слушать Божие Слово и кто живет или прилагает старание жить так, как указано Словом Божиим.

Как было бы отрадно, если бы все здесь присутствующие были родные Божественному Искупителю и Богочеловеку. Тогда и смерть бессильна нас разлучить с Ним; и все мы, хотя в разных телах, представляли бы собой одно сердце, один дух: и жили бы во Христе, и умерли бы во Христе! О, велика радость души, когда в ней объединяются понятия жизни и сглаживаются понятия о смерти! День приходит, и день отходит, и солнце только скрывается затем, чтобы с зарей следующих часов явиться во всем своем лучезарном блеске и сиянии!

Но все ли мы, здесь присутствующие, родственники и близкие Божественному Мертвецу? И слы-

шит совесть некоторых из нас слова, сказанные Им в Евангелии: *Не знаю вас* (Мф. 25; 12). Кого, Господи? Мы крещены, мы приобщались от трапезы Твоего Престола Св. Евхаристии; мы знаем молитвы к Тебе, мы читали и пели о Тебе, мы проповедовали!? Совесть некоторых из нас слышит: *Никогда не знал вас*, “кто хотя и говорит Мне: Господи, но не творит воли Отца Моего” (Мф. 7; 23, 21). Так наказана холодность к Божественному слову Иисуса Христа Сына Божия. Так унижены мы и в собственных глазах, и перед лицом верующих братьев своих. Волею или неволею мы должны сказать: “Действительно, мы здесь смелые самозванцы. По совести говоря, Он чужой нам. Мы пришли сюда только по обычаю, для приличия себя показать и посмотреть обряд Церкви”.

Однако в нашей христианской среде есть и такие, которые сознают свою виновность в суете и ожесточении сердца, которые признают и исповедуют, что вне Голгофы и Креста Христова всемирная известная история человечества — есть брожение случайностей, борьба личных увлечений, столкновений и страстей, что только в событии Искупления получает история человечества смысл, гармонию, целесообразность. Словом — Христос вчера и сегодня, и завтра был и есть единственный, по выражению апостола (см. 1 Ин. 2; 1), *Ходатай* и *Избавитель*, *Создатель* вселенской Церкви, под знаменем которой идем за Ним к небесам.

Как же мы отнесемся теперь к Нему, в нарочитый день великой Страстной Пятницы? Как должны мы смотреть на печальные торжества, ежегодно возобновляемые для нас в Великую Пятницу? Об-

лечемся в глубокий траур в этот день? К чему это нужно? Посетим у Плащаницы Страдальца Спасителя, вздохнем о своей греховной жизни и уйдем отсюда с чем пришли, думая: “Пусть Мертвец почивает во Гробе, а живые пусть пользуются жизнью, пока свет ее не угас”?! Есть в этом очень хорошая сторона. Но в таком понимании не видно понимания нами крестного подвига и отношения Его страдальческой кончины к нам.

Нечто подобное делают и для обыкновенных мертвецов. Например, благородные дети чувствуют день годовщины своих родителей. Но очевидно: этого горького воспоминания о безвозвратной утрате любимых нами лиц до необъятности мало для такого Мертвеца, как наш Сладчайший Иисус, наш Учитель, Источник нашей радости и в настоящем, и в прошедшем, и в будущем. Воззрения наши при настоящем случае должны быть несравненно шире, чувства — глубже, намерения — решительнее. Не вздохи минутные здесь важны, а тем более преходящие впечатления.

Здесь, братья, друзья, сестры во Христе, место думам глубоким о безусловно обязательной для нас чистоте христианской жизни навсегда и везде. Здесь, у св. Плащаницы, место и час нашим намерениям о неотложном исправлении. Здесь самое лучшее место для решительного духовного перелома в нас: воздать Иисусу Христу исполнением закона справедливости за Его подвиг — подвигами во славу Его, просвещенной деятельностью, терпением, снисхождением; за любовь Его — любовью ко всему доброму, чистому, прекрасному, разумному.

Итак, у Плащаницы место думам глубоким, намерениям решительным. Мало нам унести от нее только вздохи и слезы о себе и о своих грехах: взять с собой мы должны у св. Плащаницы и думу глубокую об обязательности жизни христианской.

Иначе, смысл настоящего дня не будет нами понят, и мы пойдем отсюда, как и пришли: ни своими, ни чужими Христу, ни детьми, ни пасынками, ни мирскими, ни духовными.

О, да избавит нас от такой безмерной утраты Милосердный Господь! Братья мои, слушатели! Коснитесь устами и сердцем Плащаницы, подобно благообразному Иосифу, Никодиму и девственному Иоанну Богослову! Да сподобит вас, сестры мои и слушательницы, быть похожими на тех пресвятых и честных женщин, о которых свидетельствует 19 глава Евангелия самовидца Богослова! Дети, отроки и отроковицы, знайте, что ныне вспоминаем крестную смерть Начальника нашей веры, Совершителя нашего спасения, Богочеловека, Учителя всех, ласкавшего во время земной жизни и всегда любящего детей, чистых сердцем, прилежных, набожных, радующих родителей своим доброповедением. Из чад века жизни сошел во Гроб, чтобы самый Гроб для нас сделать дверью в царство жизни, света и блаженства. Божественные длани, распростертые на Кресте, а теперь — на персях, последней любви Его — принять нас всех в Свои объятия.

Почий, почий, дражайший Искупитель. Все мы преклоняем сердца наши к живоносному Гробу. И душа наша слышит кроткий голос сетующей любви: “Дети Мои, друзья Мои, *если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди*” (см. Ин. 14; 15). Это Гос-

подь говорит. Когда Господь говорит, то человеческому слову нет более места. Аминь.

1898 г.

ПОУЧЕНИЕ ДЕСЯТОЕ*

*Что мне сказать тебе,
чему уподобить тебя, чтобы утешить?*

*Твоя рана велика, как море;
кто может исцелить тебя?*

(Плач 2; 13)

С таким воззванием обратился однажды сетующий, но глубоко верующий пророк к окружавшим его слушателям. Как близко совпадают с настоящим настроением наших молитвенных чувств эти плачевные звуки, исторгшиеся из сердца скорбящего пророка.

Трудно себе вообразить этот ужасный в летописях человечества день.

Все и вся страдало.

Возлюбленный Сын Божий страдал. “Его предали архиереям, и книжникам, и бессмысленной раздраженной толпе. Над Ним они ругались, укоряли, били и убили Его”, — повествуют евангелисты. Какая глубокая скорбь заключается в каждом слове этих изречений и в соответствующей им действительности. Возлюбленный Сын Божий, “Утешение Израиля”, был оставлен одиноко, без утешения взывая к Отцу Своему: *Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил!* (Мф. 27; 46).

Он страдал. Печаль за печалью поражала сердце Искупителя. Предательство Иуды, одиночество в трудный час гефсиманской молитвы, боязливое

бегство учеников, отречение любимого ученика, заушения, насмешливые, терзающие издевательства черни, надменность и бессердечное легкомыслие Пилата, вопли, дышащие озлоблением неблагодарного народа, поставление Его имени наряду с именем разбойника, несправедливый приговор, тяжкое крестоношение, стыд обнажения пречистого Тела скверными руками, мука распинания, злорадство врагов, хула сораспятого злодея, горечь и горечь до последнего вздоха!

Он страдал невыразимо. “Господь предал Его грех ради наших” (Ис. 53; 6). Он страдал невыразимо. Неотразимый миг смерти для человека обыкновенного менее ужасен. Наше ничтожество, выражаемое всем нашим ограниченным бытием, облегчает страдания насильственной смерти. Животное выносит насилие смерти легче человека, человек слабый умирает легче сильного. Но Чудотворцу, возвращавшему других к жизни, быть обреченным на смерть и умирать — это превосходит всякие наши понятия и уразумения о неисцельной болезни Христа распятого! Вот почему день, воспоминаемый ныне, — день великой печали.

В этот страшный день были объаты глубокой печалью сами Ангелы, избранные для вечного блаженства. Все они желали бы подвергнуться скорбной смерти, чтобы их всецело любящей жертвой воцарились на земле мир и святость.

“В этот день, — говорит церковная песнь, — самые старые люди в человечестве оплакивают больше, нежели когда-либо, наслаждение, первородный грех, затворивший врата неба их детям, их потомкам. О, как они, Адам и Ева, горько плачут о том, что мы,

их дети, точно со связанными руками влечемся по этому пути погибели и непоправимых ошибок!”

Когда строгие в слове пророки предчувствовали этот день, они плакали. Их суровая речь переходила в тон глубочайшей нежности. Все выражения, все звуки грусти нашли оттенки в их сердце: *Тяжки мои стоны, и сердце мое изнемогает* (Плач. 1; 22).

Помысли о моем страдании и бедствии моем, о полыни и желчи (Плач. 3; 19).

Воззри, Господи, ибо мне тесно, волнуется во мне внутренность, сердце мое перевернулось во мне (Плач. 1; 20).

“Я стенаю, а утешителя у меня нет. Дети мои разорены, потому что враг превозмог. О дочь Иерусалима! Разинули на тебя пасть свою все враги твои. Они проходят мимо, качают головой и насмешливо говорят: «Погубили мы Его, только этого дня и ждали мы, дождалось, увидели»” (Плач. 1–2).

В горестный день смерти Господа, в томительный час стояния при Его Кресте, беспредельные страдания на нем оплакивала Богоматерь. Она, любящая Его, и возлюбленные Им выражали свою беспомощную скорбь слезами.

В этот день бесславного преступления сама молчаливая природа не стерпела поругания Святыни. Солнце скрыло свой огнезrachный лик, камни разрушались, горы открылись, воды всколебались, могилы открывались, гробы отверзались, земля и небо содрогнулись. Тяжелый день, страшный день!

Было ли хотя одно существо — доброе или злое — во всей вселенной, на котором не отразились бы Страсти Христовы?

Не было.

Этот день был ужасен для Иуды, погибшего от отчаяния; был ужасен даже для злых духов, всегда содействующих гибели всего доброго, чистого и святого. Гнет цепей проклятия, на них лежащих, стал со дня искупительной смерти вечным.

С какими же чувствами мы, грешные, родившиеся в слезах, предстанем ныне ко Христу, жившему на земле и умершему “нас ради человек и нашего ради спасения”? О Господи, Свет незаходимый! Дивны Твои дела. В подземной пещере Ты родился, встречал первую ночь земного бытия; в пещере плотию возлежишь и в последнюю!

Начиная дело спасения нашего, Ты был беден. Когда Ты был голоден, Тебе искусительно в пищу враг предлагал хлебы; Ты жаждал и в последние минуты жизни, а злые люди предложили дать Тебе в питье отраву — оцет и желчь!

Обозревая весь позор крайнего уничтожения при виде пещеры Твоей вольной, будем ли только бессильно плакать? О нет, Ты не хочешь наших слез, тех бесплодных слез, которые иерусалимские женщины проливали при Твоем крестном пути.

Мы все родились в мире со слезами, ими как знамением обозначая нашу грядущую долю в этом мире. Не такие, но иные слезные капли прольем ныне в день разлучения Христа с миром. Разве мы не знаем, разве забудем Его слова, сказанные ученикам пред смертью: *Лучше для вас, чтобы Я пошел* (Ин. 16; 7).

Да, для нас лучше Его смерть, нежели вечное Его пребывание с нами во плоти. Для верующего сердца, для верующей любви больше утешения

в этой видимой разлуке. Ведь любовь, преданная Ему, не погашается ни от пространства, ни от времени. Истинные, крепко любящие друзья — близки ли они один от другого? И в дали, трудно соединимой, они всегда верны один другому — и здесь, и там. Как сегодня, так и всегда. Истинно любившее сердце света своего не угашает — если бы и старалось погасить, а не может. Этим и познаются люди, сильные духом, люди благородные, люди верующие. Поэтому Иисус Христос говорил ученикам: *Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: иду к Отцу* (Ин. 14; 28).

Покажем же, братья и сестры, что мы любим нашего Спасителя всем сердцем. И у сего воспоминательного Креста и над этим Гробом прольем иные слезы — слезы теплой благодарности, благохваления и поклонения.

Поклоняемся Страstem Твоим, Христе!

Покажи, Господи, нам славное Твое воскресение! Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ПЕРЕД ПЛАЩАНИЦЕЙ В ВЕЛИКУЮ СУББОТУ

Вот и закончился погребальный обряд. Мы пели гимны похоронные, мы своим сердцем возносились к небесам и там искали разрешение недоумения разума: каким образом, выражаясь языком церковного песнопения, “Невместимый был ограничен, удержан Гробом и Печатями?” Церковь ныне обращает наш взор к Лику Умершего в состоянии Его гробового покоя и здесь, на самой крайней

степени Его унижения, под этим покровом мертвенности указывает в Его крестных страданиях и смерти, чудную глубину вольного Божественного истощания (Ирмос. 4 песнь). Этот Мертвец, заключенный во Гроб под землю, есть Тот державный Господь, Который Сам некогда покрыл волною морскою гонителя и мучителя отцов Его распинателей и был прославлен от них потом победными песнями. Церковь побуждает нас с трепетным благоговением смотреть на этот Гроб как на неизреченное чудо (Ирмос. 7 песнь). Всесильный Бог, сотворивший бесчисленно многообразные чудеса, во Гробе мертв, бездыханен полагается (Ирмос 7 песнь) для нашего спасения. Она обращает все наше внимание на то великое событие, потрясающее ужасом небо и основания земли, как “в мертвецах вменяется в вышних Живый, и во Гробе мале странно приемлется” (Ирмос. 8 песнь).

Указав на все это, Церковь нынешнюю субботу называет Великой. Чувству нашей скорби она дает уже спокойное и мирное выражение. Здесь, у этого Гроба, она вызывает в душе вздохи тихого умиления, которые окрыляются священным созерцанием тайн искупления и Воскресения. Сам Христос заприщивает в лице Своей Матери рыдания и скуку. Здесь приличны теперь слезы мироносиц — те слезы, из которых вырастает радость. Это слезы всепрощения, слезы чистого собеседования верующей души со Христом у Гроба Его о славной победе добра над злом, истины над ложью. У этой гробницы полагается в уме светлое убеждение о воскресении, о вечной жизни.

Перед этой гробницей вырастает значение человеческого достоинства и совершенно уничтожается опасение и боязнь смерти. Ведь все мы имеем в себе Духа Святого — следовательно, все мы вступим во врата вечности. Все мы напоены благодатью Духа Божия, Духа разума и премудрости, и не можем, следовательно, не видеть очами веры, что смерть есть не более, как сон. Тому умирать страшно, у кого исчезли из души чувства веры, надежды и любви. А мы все, по милости Божией, веруем, любим и уповаем. Потому-то для нас эта гробница, эти пелены смертные, эта плащаница есть светлый богооткровенный символ и образ, как говорит апостол Павел, того упования, что когда земная храмина тела нашего разорится, то мы получим там, на небесах, другую храмину — *нерукотворенную, вечную* (2 Кор. 5; 1).

Итак, Спаситель из Гроба велит нам жить без боязни смерти, успевать в христианских добродетелях, трудиться добрыми делами, достигать совершенства. Умножайте свое внутреннее счастье и не бойтесь ни старости, ни смерти, потому что с нами во всем присутствует воля Господня: зло, как бы оно ни было сильно, слабее добра. Как ни неприятна смерть, но ее влияние ограничено: за пределом ее, за рубежом могилы у нас есть Небесное Отечество. Там будет деятельность и жизнь по сердцу. Ее даст нам Тот, в честь Которого мы сегодня торжественно поем хвалебные гимны жизни и Воскресения, ибо Он сказал: “верующий будет иметь жизнь вечную” (Ин. 3; 36), *ибо Я есмь Воскресение и Жизнь* (Ин. 11; 25). Аминь!

КРАТКИЕ ПОУЧЕНИЯ ПРИЧАСТНИКАМ

ПОУЧЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бесконечная и неизглаголанная милость Божия: многих из нас уже удостоили принять величайший дар благодати — Причастие Божественных Тайн Тела и Крови Христовой. Одни удостоились принять Святые Христовы Тайны вчера, другие — сегодня; третьи готовятся и ждут воспринять Христову благодать. Этот дар очень велик, и нет в целом мире другого, к которому можно было бы его приравнять.

Величие Причастия Святых Тайн изобразил Сам Иисус Христос в следующих словах: *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день* (Ин. 6; 54). Из этих слов Спасителя мы должны уразуметь:

1. Достойное принятие Св. Тайн соединяет человека с Богом навеки, навсегда. Такой человек в себе самом носит благодать Божию. Он так же близок к Господу, как близка зеленеющая ветвь с плодоносным деревом, на котором растет. В этом смысле Спаситель сказал Своим последователям: *Я есмь лоза, а вы ветви* (Ин. 15; 5). Только от ветвей здорового дерева можно ожидать плодов. Только здоровая и неиспорченная ветвь способна извлечь из корня древесного живительную влагу. Сухой отломленной ветви нельзя привить жизни. Таким образом, человек, причащаясь благоговейно Св. Христовых Тайн, воспринимает в себя способность жизни чистой, святой — такой именно, какую заповедовал Христос нам, Своим детям и ученикам. Приняв

Христовы Тайны, мы должны свою жизнь украсить добродетелями, должны из себя представить ветви христианства и православия.

2. Достойно причастившимся обещана Спасителем вечная жизнь. Спаситель наш Своим учением ведет людей к познанию этой жизни. В Спасителе как Истинном Боге воплощается эта вечная жизнь. Для человечества Иисус Христос есть Жизнь и Источник Жизни. Кто достойно приобщился Св. Тайн, тот не умрет. Не страшны такому человеку ни бури жизненных бедствий, ни подводные камни житейских обстоятельств, от которых мы, слабые, так часто и малодушно теряем свою голову. Не страшна человеку тяжелая бедность; не страшна для него ни сума, ни тюрьма, ни обида людская, потому что он — участник Божий. Бедствия — принадлежность земли; счастье — удел неба. Горе и страдание ранят и терзают только тело; они уязвляют, но не убивают обласданную душу. Всякая жгучая скорбь, всякое страждущее одиночество находит себе успокоение и утешение в Спасителе, не только пролившем Свою бесценную Кровь за нас, но и даровавшем ее нам как целебное, чудотворное врачевство, способное воскрешать, животворить, просветлять верующую душу, внести небесную радость в тоскующее сердце.

3. Достойно причаститься — это уже есть начало небесного царства. Удостоившийся благодати Божией не может быть равнодушен к величию Божественных совершенств, которыми он окружен. И станет его жизнь уже не грубым существованием изо дня в день — существованием, напоминающим бродящую тень или движущийся мертвый труп, — но

существованием благородным, святым, при котором доступно понимание и прожитого, и переживаемого.

Раз коснулся нашей души луч Божественной благодати — и мы уже не захотим ходить во тьме или уподобляться неразумным животным. В нашем уме и в нашем сердце слагаются силой Божественной благодати ясные стремления — чистые, благородные. Совесть наша делается стыдливой, желания — умереннее, намерения — благороднее, воля — крепче. Да и само наше бренное тело просвещается славой бессмертия — как храм благодати, как носительница даров благодати.

4. Помните же, причастники, о цене принятого вами дара благодати. Тяжко и горестно, если сегодня мы причастники, Божьи люди, а завтра опять попадем на прежний путь. Опять поведет нас злая рука врагов невидимых. Опять страсти и мутно-грязные волнения, опять сомнения, грехи и беззакония! Пусть не будет с вами такого болезненного падения. Постараемся сохранить себя в целости.

Зачем идти к бездне, когда пред нами лежит прямой, безопасный путь, ведущий к радости и блаженству? Идите с миром, как Богом избранные и Богом очищенные; отдалитесь от дурных товарищей и от вредного празднословия. Не позабудьте, что отсюда, из храма, с вами пойдут святые Ангелы-Хранители ваши. От вас самих зависит решить вопрос: долго ли будут эти небесные гости с вами. А они будут с вами до первого греха. Уйдут Ангелы Божии от вас плачущие и рыдающие. Их уход вы также заметите: про то скажет вам ваша совесть. Грустно, если она вам скажет: “Ты потерял Святыню. Отлетел от тебя Ангел-Хранитель”. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ВТОРОЕ

Великое благодарение Господу: по Его великой и неизреченной милости сегодня наша совесть успокоена и святые наши намерения исполнились.

В нашей душе проявилось желание очистить совесть, освятить свое существо. На это честное намерение отозвался Сам Господь наш Иисус Христос. Он явился к нам и каждому из вас преподавал Св. Дары за нашу любовь к Нему, за наше усердие в говении, за наши труды в минувшие дни поста.

Мало мы трудились, однако получили много больше, нежели стоило; гораздо больше, нежели ожидали. Таково милосердие Божие; оно бесконечно и неописанно. Оно отверзает рай разбойнику за его смиренно-возвышенное чувство покаяния; оно умиляется слезами бедной падшей женщины и возводит ее на степень равноапостольной. Оно презираемым и отверженным грешникам мытарям является Утешителем, отверзающим свет истины и блаженства.

Итак, мы спасены. Спасены не за свои подвиги духовные, не за свое говение, но по благодати. В каждом из вас, причастники, в этот час находится всеосвящающая благодать. Каждый из вас в себе самом носит тайну Божественную. Несите же ее к себе в дом. Встретите ли там приятное или неблагоприятное — не смущайтесь: с вами Сам Христос; нет выше блаженства, которое с вами теперь! Молю Господа: да пребудет Он с вами и в радостях, и в напастях; да пребудет с вами ныне и присно. Для меня же как духовного отца вашего выше другого утешения нет, если я буду слышать, что дети мои

духовные, очистив себя исповедью и покаянием, ведут себя благочестиво и православно. Именем Господа призываю на вас и всех домашних ваших Божие благословение. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Благодарим и славим Господа милосердного. Он в нынешнем году дозволил нам, грешным приобщиться Святым Даров благодати Божией. Испрашивая ниспослания благодати, Церковь внушала, чтобы мы молили: “Да будет нам Причащение Святых Тайн во исцеление и здравие тела”. Такова молитва, самая нам, немощным, ближайшая по расположению нашему всегда желать себе земного безбедственного состояния. “Но, — спросите вы, — справедливо ли помогают Христовы Тайны причащающимся в подкреплении телесных сил?” Отвечаем на этот вопрос утвердительно. Кто читал внимательно жития святых подвижников, тот найдет много свидетельств в подтверждение животворящей и дивной силы Святого Причастия для нашего тела.

Многие подвижники в продолжение св. поста не вкушали совсем пищи и поддерживали свою жизнь ежедневным Причащением Св. Тайн. Так, известно, например, о преподобном Герасиме, память которого празднуется 4 марта, что он в посты и учрежденные постные дни не обедал и не вкушал пищи, но всегда в эти дни причащался. И этот подвижник был бодр, мужествен. День его проходил в труде и в беседе с народом, а ночь — в молитве. Пост его нисколько не изнурял, а, видимо, укреплял и придавал всем его силам, телесным и душевным, осо-

бенную свободу и могучесть. Он сам объяснял причину своего цветущего телесного здоровья частым Причащением Христовых Тайн.

Не говоря о временах, давно прошедших, мы, по милости Божией, бывали свидетелями благотворного влияния Христовых Тайн на людей даже в наше время. Очень нередко бывает, что больные, на смертном одре лежащие, получают чудесное исцеление и укрепление своих сил и встают от болезни животворной силой Тела и Крови Иисуса Христа, когда они причащаются их с полной верой и чистой совестью. Бывали многократно случаи, когда многие, подверженные страсти пьянства и буйственности, прекращали эти безобразия после принятия Св. Христовых Тайн. Они сами открыто говорили: “Словно каким-то чудесным огнем была опалена душа наша, и мы после этого получили полнейшее отвращение от винопийства и внутреннего озлобления”.

Если Причащение Св. Христовых Тайн здесь, на земле, видимо и благотворно действует на нас, то нет сомнения, что во всем величии своем оно явится там, в будущей жизни. Здесь обнаружение полной силы этого Таинства невозможно, потому что все мы люди смертные, каждому из нас рано или поздно суждено умереть. Бессмертие начнется для нас за пределами гроба. Люди, причащающиеся достойно Св. Христовых Тайн, вносят в себя начало и зародыш вечной жизни, того обновления, в котором наши тела воскреснут в день всеобщего воскресения и оживотворятся. Сам Спаситель сказал: *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет*

жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день (Ин. 6; 54).

Таким образом, причастники Св. Тайн должны быть убеждены, что они приняли в себя такой великий Дар, который и душе, и телу сообщает жизнь в этом мире и в будущем. Такой спасительный дар ничем ни оценить, ни заменить нельзя. Он дороже всяких ценностей, выше всяких почестей. Кто в себе носит этот дар, тот имеет в себе Духа Святого. Пред причастником все враждебное никнет и падает. Самая могила — светла, Страшный Суд для него — оправдание, вечность для него — бесконечное блаженство.

Памятуйте же, чада мои духовные, сказанное мною. Памятуйте, что в эти минуты все вы святые, что каждого из вас просвещает свет Христов. Горе, несмываемый стыд и слезы тоскливые всем тем, кто неблагодарно и небрежно угасит этот незаходимый свет Божий, кто изменит тайне Божественной, которую восприняли вы в прощение всех грехов и в жизнь вечную. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Господь наш Спаситель Иисус Христос по Своему человеколюбию удостоил нас Святого Причащения. Если мы понимаем значение этой Божественной милости, то не знаю, в каких словах выразить нам пред Христом свои благодарные чувства!

1. Поймите и оцените. Через Причащение очистилось и освятилось тело каждого из нас. Теперь,

в эти минуты, между нами нет ни единого грешника. Все наши грехи, какие бы они ни были, если мы в них раскаялись и со смиренной душой и чистым сердцем вняли голосу назидания в Таинстве покаяния, — все наши грехи прощены. За нас пред небом, пред Божественной правдой, ходатайствовал Сам Господь, наш Спаситель. Он взял всех нас под Свою всемогущую десницу, всех омыл, и освятил, и напоил Божественной Своей Кровью, всех напитал Своим Пречистым Телом. Теперь где Он находится, там и мы. Он Сам сказал: *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день* (Ин. 6; 54). Итак, у всех ныне причастившихся тело есть храм Святого Духа, жилище благодати. Наше тело в эти спасительные минуты так же чисто, каким оно будет в тот день, когда все люди воскреснут. Великое счастье тому, в ком не иссякнет отныне этот чудный, таинственный животворный дар святости и чистоты.

2. Но в человеке, кроме телесной жизни, есть другая жизнь — это жизнь души. Жизнь души поддерживает свое бытие и существование Духом Святым: “Духом Святым всяка душа живится и чистотою возвышается, и светлеется присно”. Животворящая благодать Святого Духа ниспосылается нашей душе чрез Таинство Причащения. Поэтому в молитве пред св. Причащением Церковь влагает в наши уста такие слова: “Господи, да будет нам Тело и Кровь Христовы во очищение, в просвещение, во исцеление, во здравие души, в возвращение добродетели и совершенства, в жизнь вечную”. Вот почему истинные христиане всех времен, самые великие подвижники и угодники Божии в искуше-

ниях, в скорбях, в немощах, при напастьях, в приготовлениях к какому-либо многотрудному делу, при страхе, невольном и безотчетно охватывающем душу, всегда укрепляли себя Св. Христовыми Тайнами. Они впадали в печаль, если не могли почему-либо ежедневно причащаться. Святой Игнатий Богоносец в письме проповедническом к своей римской пастве на вопрос о том, как он живет, какие желания занимают его, отвечал: “Тленной пищей не увеселяюсь. Божьего Хлеба хочу, Хлеба небесного, Хлеба животворного, иже есть Плоть Христа, Сына Божия; и пить хочу Кровь Того, Иже есть Любовь нетленная и Живот вечный”.

Будем же помнить, какой великой благодати мы удостоены, и будем хранить в себе это бесценное сокровище. Будем помнить, что “Святая святым” предлагается, а не недостойным. Будем молить милосердного Господа, чтобы и впредь не лишал нас этого насущного Хлеба нашего и возможно чаще достаивал причащаться во спасение и жизнь вечную. Святой Иоанн Богослов во всю сравнительно долгую жизнь ежедневно сам молился и других поучал молиться этими словами: *Господи! подавай нам всегда такой Хлеб* (Ин. 6; 34). И вы возьмите себе к сердцу ближе эту молитву, сами ее повторяйте и, при помощи Божией, приводите в исполнение, в особенности же тогда, когда вас будут обуревать страсти, когда нападать на вас будут соблазны, когда будут грозить вам ваши враги, видимые и невидимые.

Веруйте и уповайте, что Христовыми Тайнами вся прелесть упразднится, все самое темное, грязное убелится и освятится, все больное и заражен-

ное в нас грехом и пороком исцелится для жизни временной и вечной. И с этими Святыми Дарами перейдем от земли в вечное царствие Божие, где увидим Господа Спасителя. Он узнает нас, потому что мы причащались Его Плоти и Крови, и, таким образом, мы, по выражению ап. Павла, суть не иное что, но *члены тела Его, от плоти Его и от костей Его* (Еф. 5; 30). Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ПЯТОЕ

Благодарение Господу: задача трудная нами разрешена. В награду за усердие одним, по Божественному неоскудевавшему милосердию другим преподаны в снедь и питие Пречистое Тело и Пречистая Кровь нашего Спасителя. Преподавая вам эти величайшие и страшные Христовы Дары, священнослужитель присовокупляет: “Причащается раб Божий (или раба Божия) во оставление грехов и жизнь вечную”.

Итак, всем вам прощены грехи, всех вас освятили Св. Таинства. За вашу веру, которую вы засвидетельствовали пред Отцом Небесным, за ваше чистосердечное и слезное покаяние Господь простил вам и неправду, и беззакония ваши. Радуйтесь же о Господе и, не унывая, помните, что на каждом из вас ныне сияет венец Господа Славы: теперь вы — истинные, живые члены Господа нашего Иисуса Христа.

Охраните же полученные вами Св. Дары. Охрана их требует не больше, как соблюдения заповедей евангельских — тех заповедей, в которых заключается все наше спасение и вся наша истинная

жизнь. *Если любите Меня*, — говорит Иисус Христос, — *соблюдайте Мои заповеди* (Ин. 14; 15) — вот Его к вам слово, сказанное Им пред крестной смертью в последней, прощальной беседе.

Прошу и молю вас: начертайте глубже в душе своей образ Божественного Спасителя, Которому вы нынче приобщились. Да будут Его Тайны для вас светом, просвещающим душу на пути к могиле и жизни вечной. Да будет нынешний день для вас незабвенным утешением во всех скорбях и печалях нашей жизни, полной тревог и суеты.

Если бы мои благожелания исполнились, то и мне, как руководившему вас к Таинствам св. покаяния и Причащения, можно было бы повторить слова Иоанна Богослова о духовных его детях: *Для меня нет бóльшей радости, как слышать, что дети мои ходят в истине* (3 Ин. 1; 4).

Поручаю вас заступлению Пресвятой Богородицы, Ангелу-Хранителю и призываю на всех Божественную благодать. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ШЕСТОЕ

Милосердный Господь еще сподобил нас узреть светлый и радостный день Причащения Св. Тайн. Воздадим Ему славу и благодарение за такое к нам милосердие.

Ныне для нас, причастников, “всё исполнишася света”: между нами не должно быть ни скорбящих, ни плачущих. Почему же? Потому, что мы приобщились духовного мира. Он к нам приблизился и оживил нас: когда солнце весной приближается к земле, все творения земли оживают и приносят ве-

сенный цвет — самый чудный, отрадный цвет. Ныне Солнце правды — Христос — осветил нас. Приблизил нам на землю вечную радость и блаженство. Господа ради не убегайте же, причастники Христовы, во мрак. Сегодня все мы оживлены, сегодня, по слову Божию, все мы праведники, ад от нас далек. С нами не только присущие всегда нашей христианской душе Ангелы-Хранители, но Сам Иисус Христос.

Будем же стараться так себя вести, чтобы не зашло в нас Вечное Солнце. Пусть в душе нашей не усыпает ни на минуту чаяние новой жизни. Любите Христа — тогда Он не отступит от нас. Он будет в душе нашей Светом просвещающим, животворящим. И день и ночь Он будет с нами, и тогда нам ничего не нужно, кроме одного, — жизни со Христом. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Господь Бог удостоил нас причаститься Христовых св. Тайн. В чем же здесь тайна? Тайна в той любви, какую показал нам Иисус Христос. Каждый из причастников есть отныне друг Христа: мы соединены со Христом самыми теснейшими, неразрывными узами. Горе нам и стыд, если мы вступили в этот союз с опрометчивым легкомыслием, — горе, потому что на душу нашу ложится измена Иуды-предателя. Ведь и этот вероломный человек причастился из рук Господа и лобзал Его, но по Причащении не усомнился предать Его врагам на позорную смерть. “В Иуду, — говорит евангелист, — после Причащения вошел сатана и погу-

бил его” (Лк. 22; 3, Ин. 13; 27). Стыд несмываемый нам, если мы в свою душу приняли Тайну и не сохранили ее. Ничего нет в мире грознее оклеветанной и опозоренной святыни. Бойтесь же оклеветать Святыню, которая внутри вас. И в человеческом нашем обществе человек, обманувший чувства дружбы и любви другого, считается негодным, достойным названия злодея. Обманувший же любовь Иисуса Христа достоин назваться врагом истины.

Вы послушайте, так говорит нам, причастникам, Иисус Христос: “Есть родители, которые нередко отдают питать другим своих детей, но Я,— говорит Спаситель,— поступаю не так. Собственной Моей Плотью Я вас питаю, самого Себя предлагаю в пищу вам, желаю, чтобы все вы имели высокое достоинство, и обещаю вам добрые надежды в будущем. Цените же Мою любовь к вам. Если Я здесь предаю вам Себя, то чего не можете ожидать от Меня там? Ради вас Я сошел на землю, родился на земле, жил с вами как Друг ваш, ради вас общился Плоти и Крови и вот опять вам преподаю ту Плоть и Кровь, которыми Я сроднился с вами. Я даю вам больше, нежели вы заслужили. Я даю вам больше, нежели вы могли надеяться”.

Итак, это сладчайший голос Христа. Вникнем в эти слова умом и сердцем: мы уже не грешники, но над каждым из нас сияет венец небесного царствия Божия.

Братья и сестры! Будем же мужественны, добры. Радуйтесь: с вами Сам Иисус Христос ныне и присно, и во веки веков! Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Богу благодарение: Он сподобил вас причаститься Св. Христовых Тайн. Радуйтесь, причастники! Выше этой радости ничего не может быть на свете. Ее нельзя купить деньгами, нельзя приобрести ни умом, ни красотой, ни силой. Эта радость посылается душе от Самого Господа за ее любовь к Нему, за то чистосердечное раскаяние, которое она принесла Ему, и за краткое, но усердное, охотное говение, которое вы совершили во дни Поста.

Скрывать нечего, говение нелегко: скорбит душа, изнывает тело, но, как говорит святой Давид в псалме, *сеющие со слезами пожнут с радостью* (Пс. 125; 5). Благо и счастье всем тем, кто из вас во всю свою жизнь или даже в эту неделю являлся работником Господа, кто работал со *смирennemудрием, целомудрием и многими слезами* (Деян. 20; 19).

Ваша нива поспела и созрела, причастники. Вы ради Господа потрудились, сеяли доброе семя, и оно же возросло. Вы понесете домой благословенный плод его: в вас будет Пречистое Тело и Пречистая Кровь Спасителя нашего Иисуса Христа.

Молю же вас, братья и сестры мои, идите из храма этого с радостью и сохраните Святые Дары подольше, возможно дольше в себе. И какую же вы мне доставите этим радость! Если бы мне можно было сказать о вас пред Господом и своей совестью, как сказал Иоанн Богослов о своих духовных детях: *Для меня нет бóльшей радости, как слышать, что дети мои ходят в истине* (3 Ин. 1; 4).

Господь с вами ныне и присно, и во веки веков. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Бог милосердия и щедрот наградил вас, гоневшие и покаявшиеся! Исповедуя свои грехи, многие из вас, приметил я, плакали. Их совесть упрекала за сделанные грехи. Но вот Мать наша, Св. Церковь, поспешила усладить горечь наших прежних ощущений бесценным даром милосердия Божия.

Теперь вы — все вы, без исключения — святые, и братья и сестры. И не только ваши души, но и тела ваши святы.

Вы не только видели, но и вкушали от Пречистого Тела и Пречистой Крови нашего Спасителя. Однажды пророк Исаия увидел своим взором Господа, восседавшего на Престоле небесном, окруженном Херувимами и Серафимами. В страхе и трепете он мог только воскликнуть: *Горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа* (Ис. 6; 5). Что же нам сказать, если Господь явился к нам в столь простом образе?

В этом образе, с Пречистой Кровью, истекшей из Его живоносных ран, Иисус Христос говорит нам: “Не бойтесь! Я с вами”. “Не бойся, Я с тобой! — говорит Он бедной грешнице. — Тебя люди осудили. Тебя совесть истерзала. Но Я простил тебя и останусь с тобой. В твоей душе царит беспросветная ночь. Но Я не отдам тебя на пагубу: возьми Мой дар и смело иди вперед. Живи не так, как хочешь, но как тебе велит Господь. Неси Мой дар с собою”.

О, как велик этот дар! Знайте и ведайте, что Господь в день Страшного Суда не откажется от

владеющего таким даром. Он вспомнит слезы вашего покаяния и вспомнит то слово прощения и разрешения, которое было прочитано над вашей головой, накрытой священной епитрахилью, во время святой спасительной Христовой исповеди.

Несите святой дар с собою и не расточайте. Скажите своим детям, своим братьям и слугам, своим мужьям, женам и друзьям, что вы получили благодать и право на вход в небесное царство. — Еще раз повторяю, молю и прошу вас: не расточайте же легкомысленно этот Дар. Не лобзайте Чашу мертвыми, бесчувственными устами, но, прикасаясь к Чаше Христовой, в лобзании этой святыни обретите благочестие и чистоту во имя Господа нашего Иисуса Христа. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Первая Литургия совершилась на Тайной Вечере. Первые Христовы причастники — апостолы. Когда окончилась Вечера, ученики могли идти, куда они хотели.

И вы, кончив молитвенный подвиг, можете идти, куда хотите.

Но ученики с Вечери пошли двумя дорогами. Одни пошли за Христом: с Ним они хотели бодрствовать, страдать и молиться. Иуда пошел к врагам Иисуса — туда, куда влекли его страсти греховные, злая воля.

Куда вы пойдете?

Идите за Иисусом! Идите, как шли апостолы. Может быть, и вам случится искушение, падения на жизненном пути. Ведь падал же апостол Петр;

но он падал и вставал. Восстал еще лучшим, чем был до своего падения, — лучшим, потому что его сердце выплакало, слезами раскаяния умыло грех.

Идите за Господом, причастники! Вы избрали добровольно этот путь и в храме, пред Царскими вратами и святой Чашей, исповедали преданность Христу. Вы исповедали: “Я не дам Тебе, Господи, лобзания Иуды”. Не давайте: ложная любовь, ложная исповедь будет жечь вашу совесть и сердце мукой.

Вы исповедали Христа, как благоразумный разбойник на кресте. Если бы благоразумному разбойнику досталось сойти с креста живым, без сомнения, он всю бы свою жизнь посвятил Господу.

Пусть же ваши души, причастники Христовы, сияют светом незаходимой любви к Господу. Они взяли свет Христов из источника любви, из св. Чаши. Да будет этот свет животворящий и просвещающий.

Да будет душа ваша перед Христом лампадой неугасимой любви, хранящей свет Христов, а тела ваши будут достойными храмами для воспринятой вами Святыни. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Приветствую вас, причастники! Вот теперь вопрос: как расположить нам свою жизнь? Мы получили много; как нам сохранить это бесценно дорогое сокровище?

На эти наши запросы отвечает Св. Церковь. Она убеждает нас быть внимательными к себе и своим христианским обязанностям. Каждый из нас

должен беречь принятое сокровище, а не бросать его как попало. Каждый из нас должен не забывать ни того, что он есть христианин, а главное, что он причастившийся христианин. При всяких искушениях он должен вспоминать, что причастился страшных Христовых Тайн в жизнь вечную, что он с Причастием не готов расстаться, ни променять их на удовлетворение какой-либо страсти. Каждый из нас должен вспоминать настоящие светлые минуты, когда мы все чисты пред Господом, омыты Его Пречистой Кровью и напитаны Его Пречистой Плотью. Каждый из нас должен памятовать любовь к нам Господа и ту любовь, какую мы пред Ним засвидетельствовали. Мы сегодня говорили Господу: “Веруем и исповедуем, что Ты Сын Бога Живаго, пришедший в мир спасти грешников; веруем, что не в осуждение я принимаю святыя Тайны, но во исцеление души и тела. Я лобзал Тебя, Господи, не изменническим поцелуем Иуды — предателя, но лобзанием невинным и святым”. Если позабудем про это, то нас позабудет Сам Господь. И мы снова будем блуждать во тьме греха, и отнимется от нас свет Христов, отнимется от нас радость и спокойствие совести, больше и нужнее которого ничего нет в целом мире. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Благодарение Господу, вы, сегодняшние причастники, удостоившись принятия благодатных даров Тела и Крови Христовой, благополучно закончили Четырдесятницу. Все вы уподобляетесь тем благим и верным рабам, которые, говорит Еван-

гелие, перенесли холод, и зной, и тяготу дня, исполнили заповедь Христову. Ко всем вам относится теперь притча Христова о мудрых девах, стяжавших светильник живой веры, надежды и любви. Войдите же в радость Господа Своего. Напитавшись душеспасительной Трапезы, усладитесь чувством благодарности за Чашу дарованного бессмертия.

Будьте отныне любящими учениками Господа. Оставайтесь с Ним в напастях до конца. Теперь наступают дни Страстной недели. Господа ради не омрачайте это время суетой мирской. Помните и знайте, что вкусили от Древа жизни; не предавайтесь невоздержанию, но стойте на высоте вашего духа, который ныне принял под свой кров верховнейшую Любовь и Премудрость — Самого Христа Бога.

Помните и знайте, что много уже великих Четырнадцатидесятниц провели мы; но много ли увидим еще? Много раз мы приобщались, но удостоимся ли еще впереди быть причастниками Господа? Много раз мы обещали пред крестом и Евангелием исправление и улучшение себя, много проповедей слышали мы и все остались теми же. Неужели нас от сна греховного способна разбудить только одна труба архангельская? Но ее звуки ужасны; они сильнее грома поразят сердца грешников.

Будем же усердно молиться, чтобы благодать Всесвятого Духа Божия снизошла на нас, обновила нас, оживотворила наши души, истлевшие от страстей, и создала нам сердце чистым и непорочным. Чтобы наши сердца стали храмом благих помыслов, чистых и небесных желаний.

Господи! “Просвети одеяние души моя, Светодавче, и спаси мя!” Вот голос вашей, причастники, молитвенной просьбы в эти великие и торжественные минуты жизни. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

По бесконечному милосердию Своему Господь удостоил вас приобщиться Даров Его благодати. Этой милостью ваши души введены в рай. Выше и ценнее ничего не может быть и нет на земле для человека, как примирение со своей совестью, как убеждение в том, что Господь очистил, освятил наши души и простил нас от всех грехов. Не за заслуги наши совершилась такая милость, но по милосердию Божию — тому милосердию, которым помилована была блудница и введен в рай разбойник. Пред алтарем сегодня каждый из нас исповедал молитву разбойника: *Помяни меня, Господи, когда приидешь в царствие Твое (Лк. 23; 42)*. Мы искали ключа, отворяющего рай.

1. Пусть же каждый из нас знает, что любящий Христос отверз рай покаявшемуся разбойнику не по случайной молитве, но за его простоту совести, открытой правосудию Божию. Бедный преступник умирал мучительной смертью. Не ропот, не угрозы, не проклятия были в его устах, но твердое сознание того, что страдает за дела свои по правде. Вот его заслуга. Самоосуждение есть очищение души. Итак, каждый из нас должен стараться развить в себе свойство: глубоко сознать свой грех, самоосудить свои деяния и таким образом сокрушить свой грех.

2. Разбойник на кресте искал Бога: он, умирая, верил в бессмертие. В те самые минуты, когда яростная и безумная толпа архиереев, князей и ученых книжников смеялась и хохотала неистово над Страдальцем Иисусом, разбойник в этом Страдальце видел Бога, Спасителя. Он Ему, Христу, принес в жертву все, что имел. У него были свободны только уста и сердце. Сердцем он уверовал во Христа и устами Его исповедал. Это уже подвиг. Из нас никто не испытал, как тяжело мученичество; однако кому не случалось впадать в маловерие и мало-душие даже при легких житейских неприятностях.

Принявши Святые Христовы Тайны, сегодня мы, руководствуясь молитвенной исповедью благоразумного разбойника, должны положить в своих сердцах начало богоугодной жизни. Следует и необходимо отложить гордость, осуждать себя, а не других, когда постигают нас неприятности, неудачи, оскорбления; быть убежденными, что мы достойное по делам нашим восприемлем. Но в часы испытаний и скорбей не позабудем, что близ нас находится Господь, подобно тому как в часы Его распятия *и сделалась тьма по всей земле* (Лк. 23; 44), но свет спасения с Его Креста уже изливался в сердца уверовавших. Главное и самое ощутительное в принятии Святых Христовых Тайн составляет то, что они способствуют подъему человеческих сил. Они должны привести наши чувства в ровное состояние, они успокаивают нашу совесть. Сегодня вам, причастникам, предоставляется идти путем христианским: вы омыты и исцелены Кровью Спасителя, вы насыщены Его Пречистым Телом.

Будем все молиться, чтобы эти Дары сохранить нам в самих себе, чтобы не расхитили их у нас враги видимые и невидимые, чтобы сами мы ими не пренебрегли и не унизили Бога Спасителя, не загрязнили свою совесть и не осквернили в себе самих Божий образ Христа Спасителя, нас ради Пострадавшего и Воскресшего. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Иисус Христос так говорил и учил о Таинстве Св. Причащения: *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день* (Ин. 6; 54). Этими словами Он хотел всех нас утешить в том, что теперь мы с Ним, и Он с нами; мы в Нем, и Он в нас отныне и до века!

Великий дар, принятый вами, обязывает всех нас быть осторожными и осмотрительными в делах, словах, желаниях и мыслях наших. Всякий причастник есть не что иное, как кость от живоносной кости Спасителя и плоть от животворящей Плоти Его.

Теперь всякий грех, соделанный нами, будет оскорблением, нанесенным Господу; всякое порочное действие — явной обидой Сладчайшему Искупителю. Всякое злоупотребление нашего тела будет оплеванием, заушением и биением, которые Он претерпел от врагов. Теперь уже мы не одни, но с нами и в нас Господь. Мы не должны отказываться от добрых дел, от подвигов благочестия.

А главное, причастники должны быть благодушными и великодушными во всех обстоятельствах жизни. Во всех наших добрых чувствованиях участвует Господь. Он скорбел с сестрою Лазаря и

всегда, следовательно, может разделить наши слезы и нашу печаль. Он радовался с обрадованными апостолами — может ли Он не разделить нашу радость?! Он, будучи во плоти, терпел искушения и сострадает нам в подвиге искушения.

Только одно условие: не отступим мы сами от Господа; Он же пребудет с нами вовек. Скорее небо и земля прейдет, нежели останется без исполнения Его Божественное слово: *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день* (Ин. 6; 54). Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Какое сугубое богатство и обилие благодати Божией пред вами сегодня: всего вам предложил Христос. Он напитал вас пречистым Своим Телом, напоил и омыл животворящей Кровью Своей; Он из Гроба на каждого из вас простирал луч бессмертия и славы. Чего же больше нужно для ваших душ?

1. Итак, вам все дано. Но кому дано много, с того много взыщется. Возвращайтесь домой в удовольствии и покое. Пусть далеки будут от вас суетные потребности плоти, страстей и пороков. Теперь вы смелей и уверенней, чем когда-либо, можете возвергнуть на Господа печаль свою и не бояться лукавых искушений. Ведайте же, что возвергший все на Господа мирно и безропотно проводит дни своей жизни.

2. Знайте, убеждайтесь, что жизнь — не пир, но труд. Надо работать больше, как можно больше трудиться для водворения добра, истины и красоты

в себе самом, в семьях наших, в обществе и в целом человечестве. Это значит — работать для Бога. Каждый должен трудиться по своей силе, ибо и таланты от Господа даются сообразно силе и возможности каждого. Искушения же, посещающие нас, должно принимать не только безропотно, но и благодарно. И вот, когда станут вас одолевать искушения, вспомните про нынешний день: ныне вы причастились Святых Тайн у гроба Спасителя, завещавшего не страшиться ни искушения, ни тяжелых крестов, но побеждать искушения и нести крест вослед Ему, то есть так же жить, как Он жил.

3. Если грех случится с вами, если поскользнетесь и упадете, то не услаждайтесь грехом, но, как повинные, преступные, скорее притекайте к подножию Животворящего Креста, всегда памятуя слово Божественного милосердия: “Не хочу смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему”.

4. Но принявшие Св. Дары, получившие право работать в вертограде Христовом, не возгордитесь, но еще более смиритесь, ибо жизнь наша есть великая тайна, которая разрешится только для тех, кто смирится. Всякий смиряющий себя, во всем смиряющий, вознесен будет Богом. Если Господа ради будете бедствовать, говеть, молиться, то Господом будете и прославлены. В день последнего Страшного Суда Господь воздаст тебе, *благой раб* (Лк. 19; 17), полное воздаяние.

Теперь же веруйте, уповайте и любите. Да будет благословение Божие и мир Божий со всеми нами. Аминь!

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

(На Евангелие от Марка, 2; 6; 7)

I

При слушании и чтении священной истории земной жизни Господа нашего Иисуса Христа невольно является недоумевающий вопрос: “Как могло статься, что иудеи не уверовали в Спасителя после всех неисчетных и безмерных чудес, совершенных среди их и над ними?” При чтении жизнеописаний страстотерпцев и истинных подвижников веры и благочестия, учителей, благодетелей, называемых великими людьми, не удивишься, почему их современники могли оставаться холодными, бесчувственными и часто жестокими к ним, которым, когда уже смерть порвет труженически страдальческую жизнь, начинал воздавать и честь, и поклонение весь мир.

Краткий, но назидательный ответ на все сие представляет евангельское повествование о расслабленном, которому Господь восстановил и телесные, и духовные силы. В этой простой, как всегда должна быть истина, евангельской истории слышится объяснение того, как страсти порабащают людей, влекут умы к нелепостям, волю к упорству, совесть к бесстыдству.

По сказанию Евангелия, Иисус Христос проповедовал в Капернауме Свое учение с такой увлекательной приятностью, что к Нему *собрались многие, так что уже и у дверей не было места* (Мк. 2; 2). В это же время исцелил Он расслабленного, принесенного к Нему четырьмя сострада-тельными людьми. Но тогда как весь народ удивлялся и славил Бога, говоря: *никогда такого мы не видали* (Мк. 2; 12), — *некоторые из книжников* (Мк. 2; 6), назирая за всеми делами Господа Иисуса Христа и прислушиваясь к каждому слову Его, хотели привязаться к выражениям Его, сказан-ным расслабленному: *чадо! прощаются тебе грехи твои* (Мк. 2; 5). Они *помышляли в сердцах своих: что Он (Иисус Христос) так богохульствует? кто может прощать грехи, кроме одного Бога* (Мк. 2; 6—7).

Господь, знающий все тайные помышления чело-веческие, немедленно заметил им, говоря: *Для чего так помышляете в сердцах ваших? Что легче? сказать ли расслабленному: прощаются тебе грехи, или сказать: встань, возьми постель твою и ходи?* (Мк. 2; 8—9). Очевидно, на этот вопрос книжники не могли дать ответа, потому что не могли ни грехов отпустить, ни восстанавливать силы расслабленным, а потому и не могли судить о боль-шей или меньшей удобности того и другого дела.

Заметим кстати: книжники у иудеев были офи-циально признанными проповедниками и наставни-ками Божественной истины. Однако, как большей частью бывает между людьми, вместо того, чтобы смотреть за собою, за своим сердцем и языком, эти законники смотрели только друг за другом, подо-

зревали в другом то, чего не думали видеть в себе, то есть ложь. И по мере того как другой обличал в свою очередь первого, сей платил ему раздражением, враждой, доносами. И вот среди таких страстных учителей явился единый Истинный Учитель человеков — Христос (Мф. 23; 10).

Никто столько не обличал лжеучений, как Сей Учитель, и никто с такой непреодолимой силой и властью не представил Божественного учения, как Он. Все множество оных учителей восстало на Сего Единого и, несмотря на свою разрозненность, сумело согласиться на одном и том же заключении: что Иисус из Назарета *обольщает народ* (Ин. 7; 12), *развращает народ* (Лк. 23; 2), *богохульствует* (Мк. 2; 7, Лк. 5; 21) и — конец всего — за Свое служение Богу *повинен смерти* (Мф. 26; 66). Сверх Его учительства Он был еще и чудотворец. Что оставалось делать Его поносителям? Для примера посмотрим, как они вели себя при обстоятельствах, о которых рассказывает упомянутая евангельская повесть.

Поелику для Иисуса Христа как Всемогущего Бога в человечестве равно удобно как грехи отпустить, так и расслабленного исцелить, то Он, совершив первое, совершил и второе: отпустивши грехи, восстановил расслабленного, сказав ему: *Встань, возьми постель твою и ходи* (Мк. 2; 11). Дело не в словах, но в силе их. Книжники, постоянные противники Иисуса Христа, что ни говорили бы, от их слов ничего бы не совершилось, а Иисус Христос сказал немного и совершил явное чудо, *так что все изумлялись и прославляли Бога* (Мк. 2; 12).

“Кто может оставлять грехи?” есть вопрос важный и стоящий общего внимания. Решение его за-

висит от определения мысли, заключающейся в выражении “оставлять грехи”. Оставлять грехи значит отменять следуемые за них наказания, временные и вечные. Чтобы отменить эти наказания, необходимо отделить действия от их необходимых последствий: соделать, например, чтобы болезнь не ослабляла, огонь не жег, вода не топила, правосудие не наказывало, а грешник, стоящий ада, поступил в рай наряду со святыми. Кто же это может сделать, кроме единого Бога?! Таким образом, мысль книжников, что оставлять грехи, т. е. отменять наказания за них, временные и вечные, может только один Бог, есть мысль верная.

Но Бог, *Который обитает в неприступном свете* (1 Тим. 6; 16), всю Свою деятельность в мире проявлял и проявляет чрез Единородного Своего Сына. Им творил Он мир, как уверяет св. евангелист, говоря: *все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть* (Ин. 1; 3). Им Он содержит все, как уверяет апостол, говоря, что *все в Иисусе Христе стоит* (Кол. 1; 17). Им искупил мир, как уверяет Сам Иисус Христос, говоря: *так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3; 16). Ему предоставил и весь суд над миром, как уверяет Сам Спаситель, говоря, что *Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну, дабы все чтити Сына, как чтут Отца* (Ин. 5; 22–23).

Облеченный правом суда над целым миром, Богочеловек Иисус Христос неоднократно говорил: *знайте, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи* (Лк. 5; 24), — и, сказав напе-

ред расслабленному: *прощаются тебе грехи твои* (Лк. 5; 20), присовокупил: *встань, возьми постель твою и иди в дом твой* (Лк. 5; 24). Пребывая с верующими, по непреложному Своему обетованию, *во вся дни до скончания века* (Мф. 28; 20), Иисус Христос поставил Своей Церкви одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых на дело служения, для создания тела Христова (Еф. 4; 11–12).

Когда Христос жил на земле, Его окружали мытари и блудницы, исповедуя грехи свои и приемля от Него отпущения беззаконий. Потекли *прекрасными ногами* (Рим. 10; 15) апостолы на евангельскую проповедь во все концы вселенной, и везде, где только с верою принято имя Христово, слышалось исповедание грехов пред ними.

В них, как служителях алтаря Господня, Христос, по выражению ап. Павла, положил *слово примерения* (2 Кор. 5; 19), соделал их посредниками между Богом оскорбляемым и человеком, прогневающим Бога. Им даны от Бога *ключи царства небесного* (Мф. 16; 19), власть разрешать и вязать — прощать грехи искренне кающимся и не прощать грехов за беспечность о покаянии или холодность сердца. Сам Господь по воскресении из мертвых облек их правами священной власти, говоря: *Примите Духа Святаго. Кому отпустите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся* (Ин. 20; 22–23).

Вонмите, как важно служение строителя Таин: уста священника, а суд Божий; иерейская рука видимо разрешает или связывает, а десница Господня неви-

димо действует; что определяется для кающегося на земле, то утверждается в небесах. *Что свяжешь на земле,— сказано в лице св. Петра каждому священнослужителю, правильно рукоположенному,— то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах* (Мф. 16; 19).

Где Бог вступает в завет, там открывается деятельность Посредника. Бог входит в вечный завет с человечеством — здесь являет Свое неизреченное величие Ходатая Сын Божий. Господь вступает в завет с израильским народом — призывается боговдохновенный Моисей. Когда входит Господь и Спаситель наш в завет с сынами и дочерьми Церкви христианской, то здесь посредниками назначаются избранные священнослужители Его алтаря. Так как Таинство покаяния есть не иное что, как завет, в силу которого искренне, с верой и упованием исповедующийся снова принимается в благодатный союз с Богом, то представителем власти Царя Небесного, Господа нашего Иисуса Христа является строитель Таин, раб Господень, благодатию Святого Духа призванный к священнослужению. И кто дерзнет самочинно восхитить священную власть сию? *Никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как и Аарон* (Евр. 5; 4).

Посредником между Господом и исповедующимся грешником становится человек. Этим облегчается состояние кающегося. Если бы снисходил с неба внимать нашему исповеданию чистейший Ангел, бесплотный дух, то исповедь могла сделаться обрядом, наводящим неодолимый трепет. Но нашим духовником является ближний наш, нам подобострастный, одинаковою плотью облеченный, склонный к таким же па-

дениям, как и мы. Он же является и нашим братом по благодати возрождения. Не охотнее ли он окажет снисхождение к немощам нашим? Не удобнее ли может оказать помощь искушаемому тот, кто по личному опыту знает силу искушений и покаяния?

Вот ты унываешь — благосердый строитель Таин Христовых возлиет вино и бальзам на раны твоего сердца. Ты холоден к людскому горю, рассеян в исполнении обязанностей — тогда он обличит твой эгоизм, устыдит за легкомыслие. Ты с духом гордости, или злопамятства, или лицемерия дерзаешь приступить к алтарю — он уничтожит твою надменность, сорвет с тебя личину лицемерия. Ты борешься сам с собой, со своими страстями, со своей совестью — он внесет мир Божий в твое сердце.

Ты не ведаешь, как вести брань с соблазнами, каким оружием, но опытный духовник преподаст спасительный совет и в этом случае. Ты по малодушию опасаясь открыть всю правду о своих грехах, но духовник — во имя присяги и под страхом анафемы — обязан сохранить вверенную ему тайну. Ты стыдишься его присутствия, но он словами Церкви приветствует тебя умиленным увещанием: “Се, чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое; не устыдись, ниже убойся — не обинуясь рцы вся, елико соделал еси, да примеши оставление от Господа нашего Иисуса Христа” и т. д.

Какое утешение для смущенного, огорченного грешника, когда священник данной ему от Бога властью его прощает и согрешения его разрешает! Какое мирное, незабвенное назидание для кающегося, когда священник — духовник его — отпускает его, говоря: *ты выздоровел; не грешь больше, чтобы не*

случилось с тобою чего хуже (Ин. 5; 14)! В душу раскаявшегося христианина возвращается снова мир, изгнанный грехами; совесть полна благодати и свободы духа, уста полны благохваления.

Не нам судить о достоинстве или недостоинстве духовников. Оно уже обсуждено Всевидящим их Избирателем, Иисусом Христом. Преступники, раскаивающиеся, и просящие себе помилования от царя земного, и получающие себе прощение или не получающие, не рассматривают достоинство или недостоинство представителей власти земного царя, объявляющих им его волю. Подобным образом и все кающиеся грешники и просящие себе помилования от Господа отнюдь не должны судить о достоинстве или недостоинстве духовников, возвещающих им волю Христа Спасителя. Объявляемое духовником есть действительная воля Самого Иисуса Христа, Которому дана *всякая власть на небе и на земле (Мф. 28; 18).*

Всем и каждому доступна духовная лечебница. Во всех христианских храмах поставлены благопечительные врачи для уврачевания душевных недугов. Каждый день есть день, благоприятный для исповедания согрешений, особенно дни постов. Приходите к алтарю Господню с дерзновением. Поведайте тайны сердец ваших хранителям и строителям Таин Господних. Исповедуйте пред ними как свидетелями исповедания вашего согрешения свои, явные и тайные, великие и малые, с детской искренностью, простодушной откровенностью, с сердечным сокрушением, с искренним намерением впредь удерживаться грехов. И Господь, Который “имеет власть на земле отпустить грехи”, отпустит их вам чрез избранных Своих служителей.

II

Что же расположило лжесвященников, по званию — книжников, к злословию на Иисуса Христа при исцелении Им расслабленного? Почему они Его святейшие слова об отпущении грехов искренне кающимся обозвали “богохульством”? Само собою разумеется, что знали они событие в жизни Царя Давида, когда пророк Нафан обличил его, а смиренный сын Иессея исповедал пред ним как служителем Господа свой грех, говоря: *согрешил я пред Господом* (2 Цар. 12; 13). Известны были капернаумским книжникам песнопения Давида, в которых он оплакивал пред всей иудейской Церковью нравственные падения человеческие, наименованные в 31-ом псалме (ст. 4—5) *нечестием сердца*.

Святитель Божий Иоанн Златоуст с константинопольской кафедры назвал образ действий книжников “завистью и злословием”. Его словами как будто сама Св. Церковь всех слышавших евангельскую повесть о завистливых книжниках благословляет в назидаение наше говорить, читать и размышлять о зависти и злословии. Несомненно, и теперь повсюду находятся люди, претерпевающие от злоречия и зависти, и, к сожалению, здесь же находятся люди, омраченные недугом этих гнусных пороков. Первым пусть наше слово послужит в утешение, а вторым, завистливым, подглядывающим доносчикам, соплетающим порицание и хулы на ближних, — в наставление.

Утешьтесь, страдальцы от зависти! Сам Господь Спаситель терпел от нее. Он, безгрешный, был опорочиваем языком нечестивцев во всех грехах. Он, Сын Божий, был называем устами лжесвященников “богохульником”. Да, великое утешение нрав-

ственное мы, раненные доносами и меткими стрелами злословия, имеем в примере Иисуса Христа.

А вот пример, взятый хотя из Библии, но из жизни подобострастных нам людей. Завистник Каин убийственно наложил свою дерзкую руку на Авеля. И что же? Каин остается чудовищем ужаса и проклятия от начала мира и доселе. Маловозрастная девочка и юнейший отрок знают историю первого братоубийства, с испугом в первый раз слушают ее и помнят ее, пока вырастут, пока поседеют, пока умрут. Назвать человека каином — обида; назвать человека авелем — почесть его похвалой.

Если перевернете несколько листов в книге Бытия, то найдете грозного Исава, завистливого по отношению к своему брату Иакову. Он грозит ему смертью. За что же? За то, что последний кроток, а в его понятиях кротость — лицемерие. Иаков благоразумен, а в понятиях Исава благоразумие есть коварство. И вот Исав достигает того, что Иаков уходит из отеческого дома, лишен ночлега, проводит ночь в пустыне, вместо изголовья имеет полевой камень. Но на этом холодном, нечистом, омытом слезами сироты Иакова ложе является ему дивное видение лестницы, по которой нисходили и восходили Ангелы Божии, а вверху был Сам Господь, Иегова, Вечный!

Не бойтесь за судьбу несчастного Иакова: он стал Израилем. У Израиля — елей, ароматы иерихонских роз, виноград и смоквы. У него — пение и кимвалы, торжество и органы. У Израиля — история, пророки... А у Исава? Он лишился даже и отеческого дома; он кочующий араб доселе. За пять тысяч лет существования нет у него достойной, на-

зидательной истории; нет даже точного имени и пред человечеством нет заслуг.

А история Иосифа Целомудренного? Он претерпел столько, что сказание о его скорбях, слезах, темничном заточении и теперь душу добрую наполняет печалью. Утешьтесь же, жертвы зависти! Ров, в который бросили Иосифа братья, — это наша жизнь. Кровавое платье, принесенное отцу его братьями, — это доносы и клеветы, которыми негодные люди, пятнающие нашу честь — лучшее наше наследие, — стремятся обманывать наше начальство и восстанавливать на нас общественное мнение. Но Иосиф — прообраз Христа, а братья его остаются примером людей малодушных, недостойных, порочных, отвергнутых Богом.

Завистью дьявола вошла смерть в мир, — сказал премудрый Соломон (прочтите 23 главу книги Премудрости). Все пророки и многие праведники Ветхого Завета были жертвой зависти и злословия. Прочтите из Послания к евреям 11 главу святого ап. Павла, в которой он описывает их бедственное состояние: *иные же замучены были, другие испытывали поругания и побои, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли (Евр. 11; 35–38).*

Не достало бы ни времени, ни сил, ни места на этих страницах излагать ужасные жестокости, которыми полна история христианской Церкви. Но обратите умственно благоговейные взоры к нетленным мощам св. мученика Царевича Димитрия, почивающим в Московском Архангельском соборе.

Он — жертва зависти и злословия. Про него распускали слухи по Москве и даже по Русской земле,

будто Царевич имеет склонность к жестокости, подобно его отцу: любит кровь, смотрит с удовольствием на избиение животных и сам для забавы их мучит. Простой народ слухам не верил, но колебался смутой. Тогда те, кому Царевич был помехой, нашли извергов: мамка Царевича взялась отравить его. Но Господь устроил так, что отравы ему не вредила ни в пище, ни в питии. Злодей Битяговский, смотритель хозяйства в царском дворце (вдовствующей Царицы), достиг гнусной цели: 15 мая 1591 г. юный сын Грозного пал бездыханным в городе Угличе.

Но Господь прославил и прославляет мученика чудотворениями, исходящими от его открыто почивающих останков. Через двенадцать лет после его смерти народ молился убитому Димитрию как святому мученику, а память Бориса Годунова покрыта анафемой. Фальшивый же следователь страшного события Шуйский царствовал еще менее Годунова. История Годунова и Шуйского — ужаснейшая трагедия, вызывающая доселе чувство страха. Никто не носит их фамилий в целой России, а пред мощами неповинного страдальца, мученика, преклоняют молитвенно колени Цари, Царицы, иерархи, вельможи и весь народ Царства Русского, православного, правоверующего.

У Годуновых, Битяговских, Шуйских нет даже потомков: их память погибла с позорным шумом. Никого нет, кто бы благодарно вспомнил о них на всем белом свете из живущих. А Царевича Димитрия народ православный называет “райским цветочком”. Так он его назвал, когда видел его, царского сына, малюткой, младенцем. Соименный Царевичу

святитель Ростовский Димитрий написал о нем поучительную книгу, назвав ее “Райским цветком”.

От злословия, зависти и сплетников, дьявольских помощников, никто, никогда и нигде укрыться не может. Прячься от них куда угодно, закройся как хочешь, удаляйся всеми возможными средствами, затвори туго-туго дверь своей квартиры, пускай в свой дом с молитвой и страхом Божиим гостя, безмолвствуй в своей келье, удаляйся в пустыню, стой даже у престола и жертвенника Божиего, но глаза завистливых людей везде тебя увидят, везде подсмотрят, везде заметят за тобою что-либо худое. Не за тобою только, но за дочерью твоею, за сыном твоим, за другом твоим, за книгою, которую читаешь, за блюдом трапезы твоей, за ночью, которую ты проводишь... И везде заметят что-либо худое — доброго никогда не заметят.

Какие же страшные у них глаза! Какое адское всезнание! Не только действительное, но и небывалое видят! Если часто посещаешь храм и благочинно молишься — лицемер. Если убегаешь, не желая встречи с ними даже в святом храме, — ленивец! В твоих устах улыбка — им соблазн. В твоих руках монета — твое корыстолюбие. Твоя помощь людям — житейский расчет. Твоя искренность — коварный умысел.

Что же нам делать в отношении завистников? Уйдем под гору — они скатываются туда быстрее ручьев с горы. Велят взойти на гору — всходим, но враги достигают нас ближе и всемерно желают схватить, чтобы бросить в преисподнюю. На последователей Христовых выдумывают клеветы утонченные, злоречия облагороженные, лжи благовидные.

Сколько изобретено ненавистных прозвищ, которыми клеймят Христовых праведников. У современных книжников они чествуются именами фарисеев — лицемеров, фанатиков, святош. Что же нам делать? Есть верное средство: терпение. Пока не пригвоздила нас смерть, ускоренная завистью, будем терпеть, а зависть презирать; за одержимых же ею творить посильные молитвы.

Теперь обратимся к людям, одержимым завистью. Священная история для них не назидательна: у них достанет бессовестности обратить на нас примеры, нами сейчас приведенные. Они нас очернят хуже Каина и продадут дешевле Иосифа — продадут не за двадцать сребреников, а бескорыстно, потому что завистники, убивая ближнего, всегда мнят, что они своим убийством *служат Богу* (Ин. 16; 2), — говорит святейшее Евангелие.

Что же такое зависть? Зависть есть печаль о благополучии ближнего, соединенная с желанием сделать его злополучным. Таково определение зависти. Другие грехи имеют, по крайней мере, какую-нибудь цель для самого грешника. Например, гордец стремится к приобретению славы, сребролюбец домогается богатства, ленивый — покоя, памятозлюбный — мщенья, плотоугодник — удовлетворения своим страстного воображения созданиям, низким порывам. А зависть домогается только зла ближнему. Завистник хочет видеть честного человека бесчестным, богатого — нищим.

Другие грехи дают их содетелям хотя недолгую радость. Видали мы честолюбцев, восхищающихся славою, которой они добились низкопоклонством; смеющихся сребролюбцев, увеличивающих свое бо-

гатство *неправедною мздою* (Деян. 1; 18); ленивых, похваляющихся сном, аппетитом и здоровьем животного; плотоядцев, удовлетворившихся сладострастием, точно воронов, насыщенных гнилостным трупом. Но завистника удовлетворенного ни мы, ни вы не видали: завистник всегда печалится о благополучии ближнего.

Зависть есть мука для грешника. Зависть есть то, что называется на простом языке негодяйством. Горе обществу, если этот порок привьется корнем на его почве! “Аще против друг друга вооружаемся завистью, не диавол убо нужен” (слова св. Златоуста в старинном русском переводе XVII века). *Если же друг друга угрызаете,* — говорит святой ап. Павел в Послании к галатам (5 глава), — *берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом* (Гал. 5; 15).

Не надо завистнику желать ни в настоящей, ни в будущей жизни иного мучения, кроме самой зависти. В настоящей жизни его мучение — глядеть на честное, благородное, открытое лицо подвижника, труженика, исполняющего свое дело, ему данное, — на внутреннее счастье ближнего. А в будущей завистнику вместе с дьяволом довольно будет и того мучения, чтобы видеть славу ближних.

Братья мои! Мы ради того молимся и страдаем, чтобы иметь жизнь вечную. Пусть с нами делают завистливые люди что хотят или что могут по данной им от диавола силе. Мы утешимся не здесь, а там, где Авель, где целомудренный Иосиф, где все праведники, подвергавшиеся здесь уколам меча, отравленного завистью.

Братья и сестры возлюбленные! Ради Евангелия, нами содержимого; ради Церкви, Святой Матери нашей, которая есть единение всех верующих, умоляю вас не предаваться зависти, не увлекаться ее внушениями, не мучить ни других, ни себя. Неужели мы оставим без внимания слова Спасителя: *По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою (Ин. 13; 35)?*

Это те, кто, несмотря на различие состояния, достоинств и даже нравственности, при всех обстоятельствах во всяком человеке видят собрата, достойного любви и, если нужно, попечений и благодеяний. Любя ближнего, они не превозносятся, не гордятся, не завидуют, не *ищут своего* (Флп. 2; 21). Имея непорочную совесть, они ко всем ласковы, искренни, дружелюбны. Это утешение неба, украшение для земли. Такая любовь слагается из многих пожертвований своими выгодами, из всегдашней внимательности к своему сердцу и часто из сильной борьбы с самим собою.

Так трудно, так тяжело обуздывать, обессиливать личное самолюбие, выносить напраслину, быть отталкиваемым по подозрению, без гласного обвинения! В этом состоянии плоть часто то рыкает как лев, то сетует, как полевая горлица! Но потворствовать плоти не станем: перелом страстей необходим. Устоявший в этой брани может утешаться именем ученика Спасителя, любящего крепкой любовью всех — и самых врагов, и Своих убийц.

Итак, любовь, бескорыстную любовь, от Христа заповеданную, будем иметь между собою. От искреннего чувства любви зависть тает, как воск от огня. Лжеучителю и завистнику нет места среди любящих. Против же любочестивых завистников будем

носить оружие, которое, по учению святого ап. Павла (Еф. 6; 11), называется *всеоружием Божиим*, именно: истину, правду, веру, упование, слово Божие.

“На что истина?” — спросите. Чтобы осветить ею ум для обличения слуг диавола во лжи. “На что правда?” Чтобы ею прикрыть сердца как броней для отражения клеветы и неправды. “На что вера?” “Она, — говорит святитель Тихон Задонский, — служит щитом”. “А упование?” Оно спасает от уныния. “А слово Божие для чего?” В борьбе со злыми книжниками оно меч духовный, рассекающий всякое их лжемудрствование.

III

И святой ап. Павел в 13 главе Послания к евреям простирает к нам убедительное благожелание: *Братие, братолюбие между вами да пребывает* (Евр. 13; 1). Где же и быть братолюбью, как не в Святой чадолюбивой Христовой Церкви, между чадами ее, между братьями и сестрами во Христе, между нами? Мы соединены узами естества, собраны узами благодати. Как же нам не любить друг друга любовью чистою, святою, благожелательною? Мы имеем одного Спасителя — Отца, одну Матерь Церковь, чаем одного наследства вечной радостной жизни, управляемы одним законом Православия. Как же нам не любить друг друга?

Братие и сестры о Господе! Братолюбие да пребывает между нами ныне и присно. Взаимная братская любовь делает сладчайшими радости, посылаемые нам от Господа. Взаимное сочувствие любящих сердец придает утешениям новую силу, благородное торжество и жизнерадостность.

Взаимная братская любовь облегчает скорби, которым подвержена наша жизнь. Кому не известно, как добрый дружеский совет, поданный ближним, облегчает удрученное печалью и безнадежностью сердце! Сердца, испытавшие какие-либо горести или утраты в жизни, опытно знают, как дорого соборное, приносимое вовремя. Дорога милостыня во время скудости, дорого утешение во время скорби. А так как скорби и тела, и души почти непрерывны, то братское общение является истинным целебным элементом братской любви.

Взаимная братская любовь подкрепляет наш дух в борьбе с врагами. *Брат, от брата получающий помощь, как город неприступен*, — учил ветхозаветный боговдохновенный мудрец (Прит. 18; 19). Если и враги соединяются в брани против избранников Божиих, как соединились в синедрионе фарисеи с саддукеями, иудейские священники с римскими придворными чинами против Истинного Мессии — Иисуса Христа, то как же Божиим избранникам как одной семье во Христе, одной народности, людям одного языка, одного и того же воспитания чуждаться общения и взаимного подкрепления в духовной брани против врагов?

Оружие любви есть непреодолимое оружие. Им владеет лишь тот, кто носит в сердце любовь Христа. “Сила братственной соединенной любви, — свидетельствует ап. Павел, — сокрушает стрелы, неправдой и злобою разжженные” (см. Еф. 6; 16). Где братолюбие пребывает, там венчается желанным успехом всякое доброе намерение на пользу Церкви и общества. Мирным согласием граждан процветают царства, благоденствуют народы. От бескорыстного общения любви чад Святой Церкви успешно создаются святые храмы, человеколюбивые братства

трезвости, богадельни, приюты для старых, малых, немощных, училища общего и специального просвещения, школы всенародного обучения.

Вот и эта воскресная духовная беседа предложена вам мною от веры и любви, призывающих вас, как повелел святой ап. Петр, приходить к Камню Живому — Иисусу Христу, — да и сами вы *устройте из себя дом духовный* (1 Пет. 2; 4–5).

Братие и сестры во Христе! Будем умножать и в себе, и в ближних, по учению святого ап. Петра, “богатство духа” *нетленное, неувядаемое* (1 Пет. 1; 4). И бедные, и богатые, и знатные, и незнатные, и жены, и мужи в благожелательном общении будем сподвижниками добродетели на всех ступенях нашей деятельности. Будем искать мира, избегать соблазна, хулы, осуждения, злословия и окаянной зависти. *Бог мира* (Рим. 16; 20) *да утвердит нас во всяком деле благом* (2 Сол. 2; 17).

Господу нашему Иисусу Христу подобает всякая слава, честь и поклонение с Отцем и Св. Духом ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

18 февраля 1896 г.

БЕСЕДА ВТОРАЯ

(На Евангелие от Луки, 10; 38–42; 18; 31–33
и Евангелие от Иоанна, 11, 12; 1–8)

I

Ныне утром* наш златоглавый, златоверховный Кремль с соборными и дворцовыми

* Настоящая беседа была произнесена в первое воскресенье Великого поста, в неделю Православия.

храмами представлял собой чудное зрелище оживления. Массы народа всякого возраста, сословия и звания, словно волны быстрого, но тихого потока, приливали в его стены от всех мест и концов нашей первопрестольной столицы. Что же вызвало такое многообразное собрание людей в Кремль в дни поста, говения и покаяния? Причина та, что в Кремле ныне совершался торжественный чин христианского богослужения. Люди всей Церковью — иноки, священники, миряне, мужи и женщины, — ублажали святое Православие.

Едва ли в других местах обитаемого мира слово “православие” находит в себе столько сочувствия, пользуется таким всенародным значением, как в нашем Отечестве. “Церковь Православная”, “мир православный”, “Русь православная” — это именованные понятия, сердцу понятные и отрадные. За охранение их русский христианин ратовал и готов ратовать во всю глубину и широту русской силы, русской мысли, русской жизни. История обручила их ему навсегда кольцом самых величественных событий. Она сочетала глубочайшую древность с отдаленнейшим потомством во единое тело государственное и во единое тело Христово.

Чтобы в сознании и жизни укрепить мысли, чувствования и действия, достойные Православия, постараемся воскресить в памяти события священной евангельской истории. Ближайшая цель предлагаемого поучения — вызвать в душах православных христиан воспоминания евангельских событий. Может быть, из этих воспоминаний воображение и память наполнятся и украсятся мысленными образами правды, любви, добра и красоты. Может быть, мно-

гие почувствуют желание извергнуть из себя нечистые образы мира и возревнуют о восстановлении в самих себе образа Божия, чтобы прославить Бога и в душах своих, и в действиях своих. В этом обширном смысле они станут правоверующими, православными.

Вот события из 10 главы Евангелия святого, славного, всехвального апостола и евангелиста Луки и 11 главы Евангелия святого, славного и всехвального апостола и евангелиста Иоанна Богослова, относящиеся к истории вифанского семейства, жившего в дни земной жизни Иисуса Христа.

На восток от Иерусалима, в четырех часах расстояния от него, в узкой долине Елеонской ютилось израильское поселение Вифания. Сюда Иисус имел обыкновение иногда приходить из Иерусалима и находил приют в одном благочестивом семействе, жившем здесь и состоявшем из трех членов: Лазаря и двух его сестер, Марфы и Марии. Здесь после утомительного дня и столичного шума проводил Он вечернее время в кругу сердечно преданных Ему людей. Здесь Божественный Гость находил успокоение, радушие, признательность и дружеский прием.

В один из дней Иисус пришел к Своим вифанским друзьям. Его прибытие внесло в дом неопианный восторг. Обе сестры всемерно старались оказать внимание и благоговение Высокому Гостю. Одна из сестер всецело отдалась заботам о том, чтобы приготовить возможно лучшее, по словам евангелиста, “самое большое угощение” (Лк. 10; 40). Мария же, не обращая ни на что и ни на кого внимания,

в глубоком смирении села у ног Высокого Посетителя, внимая драгоценным словам уст Его.

Марфа до блаженства готова была все сделать, чтобы выразить свой привет Иисусу и свое усердие. Она желала бы их проявить в высшей степени, с помощью любимой сестры. В косвенном, но дружеском упреке, уловив минуту, приблизившись к Иисусу Христу, сказала: “Господи! Сестра моя одну меня оставила служить! Скажи ей, чтобы она мне помогла!” И, отвечая, сказал ей Иисус: “Марфа! Марфа! Печешься и заботишься о многом, одно же есть на потребу. Мария благую часть избрала, и та не отнимется от нее” (Лк. 10; 40–42).

Что такое “единое на потребу”, или, по-русски, “одно нужное”? Это видно из того, что говорится о Марии: нужно обращение к Господу всего человека, преданность Ему, спокойствие в слушании слова Божия. У ног Спасителя сидела Мария и внимала сердцем и душой тихим благим речам Господа. Что ей до пищи и упреков многозаботливой сестры! Для нее единое на потребу — чтобы не проронить ни одного слова, излившегося из святейших уст Христа.

Ведь Он поучал не избирать путей широких, врат пространных, вводящих в пагубу, — идти, идти и входить в сень жизни узкою стезей! Ведь Он, наш Христос, поучал не осуждать, благодетельствовать, радеть о скорбных, неимущих, любить ненавидящих нас, добро творить везде и всем, даже проклинающим, глумящимся и издевающимся над нами, презирающим нас, устно хвалящим, письменно порочающим. У Марии было одно на потребу за этой Божественной речью: заплакать сладко пред Ним, Христом, и за Ним лететь душой к небу, в святую Родину Его!..

Господь наш Иисус Христос, обтекая города и веси Иудейской страны со Своими учениками, посетил Заиорданскую страну. Здесь Он занимался делами благотворения, поучал народ и беседовал с учениками. Народ знал Его как любвеобильного учителя и прозорливого пророка. Не только слово, но и безмолвное благословение Его принималось с благоговением.

Здесь до Него достигла неожиданная и печальная весть. Тихое счастье дружественного Иисусу вифанского семейства внезапно было возмущено. Лазарь, единственный, нежно любимый брат Марфы и Марии, подвергся тяжелой болезни. Самый нежный, тщательный уход за больным нисколько не улучшал его положения. Робкие опасения волновали двух сестер, когда они видели, что находится в опасности самое дорогое их сокровище на земле.

Когда какое-нибудь горе или болезнь посещали дом этих трех единоутробных друзей, они нередко со вздохом говорили: “О, если бы Иисус был здесь!” То же думали и говорили сестры между собою и теперь, при виде своего болезнью ослабленного, чуть живого брата. Так как болезнь и опасность все более возрастали, Мария и Марфа послали к Иисусу сказать: *Господи, вот, кого Ты любишь, болен!* (Ин. 11; 3). Они ничего более не указывают Ему, что Он должен делать, так как Он есть Господь и Учитель. Они не просят Его обстоятельно, так как Он друг их сердца. Они только извещают Его, что болен Его друг. Они уверены, что Иисус сделает все для них лучшее и спасительное.

Занятый Своим великим делом духовного просвещения людей, Спаситель послал сестрам Лазаря

краткий ответ: что *эта болезнь не к смерти, а к славе Божией* (Ин. 11; 4). Прошло два дня после произнесения этих слов. Иисус Христос не изменил Своего местопребывания. А между тем положение вифанского страдальца становилось опаснее, и пришел его последний час. На третий только день Иисус сказал Своим ученикам: *Лазарь уснул, но Я иду, чтобы разбудить его* (Ин. 11; 11).

Слово это ученики поняли в том смысле, что вифанский друг выздоравливает. Ни один из учеников не сообразил, что Спаситель говорил о смерти как сне. Ни одному из учеников не желалось, чтобы Иисус возвращался в Иудею, где незадолго пред этим изуверные люди покушались схватить беззащитного Спасителя, как виновного, и побить камнями, как страшного преступника. Спаситель, чтобы рассеять недоумение окружавших Его спутников, прямо сказал: *Лазарь умер; пойдём к нему* (Ин. 11; 14–15).

Все ученики Иисуса Христа молчали. Их сердца обливались кровью от страха и мрачных предчувствий опасности. Но вот один из спутников-учеников, искренний, чистосердечный Фома, не возражая, не отклоняя намерений Своего Учителя и Господа, произнес с мужественной печалью: *Пойдем и мы, умрем с Ним!* (Ин. 11; 16). О, какая чудная душа у этого ученика: с Ним идти в жизни, с ним и окончить ее, умереть! Вот доказательство любви и дружбы между людьми во Христе!

II

Иисус Христос со Своими учениками отправился в Вифанию. Он был погружен в глубокую думу.

Последний час Его как земного Человека подходил все ближе и ближе. Спутники нашего Спасителя, шествуя вослед Его пречистых ног, не осмеливались прерывать нить Его размышлений. Умы были переполнены предвзятыми, разнородными мыслями: боязнью козней, на которые всегда способны злочестивые люди, и смутной надеждой о скором наступлении Божия царства во всем его величии. Наконец, Спаситель остановил Свой кроткий взор на учениках, подозвал их к Себе. Благостные уста Его пророчествовали святейшие глаголы. Вот текст Евангелия: “И, призвав двенадцать учеников Своих, сказал им: «Мы идем в Иерусалим; и совершится все, пророками писанное о Сыне Человеческом»”. *Предадут Его язычникам и поругаются над Ним, и оскорбят Его, и оплюют Его, и будут бить, и убьют Его, и в третий день воскреснет* (Лк. 18; 31–33).

В третий раз ученики слышали от Спасителя это вещание. В первый раз Он, как свидетельствует евангелист Матфей в 16 и 17 главах, а евангелист Марк — в 18 главе, благовествовал им откровение о Своих страданиях в городе Кесарии, где ап. Петр усиливался убеждать Его, чтобы Он оставил такое намерение, говоря: “Пощади Себя, Господи, да не случится этого с Тобою” (Мф. 16; 22) — В другой раз — после дня Своего Преображения. Как тогда, так и теперь ученикам Спасителя Его речь о страданиях была невнятна.

Наше сердце гораздо беднее силою и содержанием добра и вдохновением, чем были чуткие, человеколюбивые сердца первопризванных учеников Христовых. Однако как оно страдает, как оно бедствует

и мучается, когда видим или слышим о несчастиях, готовых бурею невзгод разразиться над честным человеком-тружеником. Оно не желает уразумевать, чтобы добрый погибал, а негодный торжествовал.

Будущие апостолы крепко любили Иисуса. Поэтому-то пророчества о Его страданиях оставались для них сокровенными. В самом деле: нам легче сносить предвещания и угрозы о торжестве порока и унижении добродетели, так как мы имеем уверение из уст Истины. Сладчайшими устами Господа Спасителя она сказала нам: *Да не смущается сердце ваше.* “В мире скорбны будете. Мир вас возненавидит, но не падайте духом: Я победил мир” (Ин. 14; 27, 15; 18—19, 16; 33). Но ученики слышали от Иисуса Христа эти одушевляющие обетования позже, а теперь они были оглушены только откровением пророчества о страданиях своего Господа.

В эти же знаменательные дни на пути Спасителя к вифанскому семейству произошел и еще один случай, доказывающий, с одной стороны великое благоговение верующих пред Иисусом, а с другой — великую, неизъяснимую любовь Христа к тем, кто бесповоротно отдал или уже готов отдать свое сердце и всю свою жизнь служению добра и истины.

Верная последовательница Господа, одна из Его неотступных спутниц, Саломия, при высоком представлении царства Божия обратилась к Иисусу Христу с просьбой: “Дай двум сыновьям моим сесть у Тебя в царстве: одному — по правую сторону, а другому — по левую!” (Мф. 20; 21). В ее словах выразилось наивное, ошибочное представление о царстве Иисуса Христа. Этой благоговейной любящей матери и ее двум сыновьям не могло прийти на мысль,

что они желали иметь положение, которое лишь несколько дней спустя должны были увидеть, именно: трудно вообразимый позор и лютое мучение Иисуса Христа на Кресте, между двумя разбойниками.

Поэтому Иисус ответил Саломии и двум ее сыновьям, Иакову и Иоанну:

Иисус сказал в ответ: не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь? Они говорят Ему: можем. И сказал им: чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься, но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня зависит, но кому уготовано Отцем Моим (Мф. 20; 22–23).

Это пророчество исполнилось на двух сыновьях Саломии. Иаков как первый мученик между апостолами был обезглавлен Иродом (Деян. 12; 1–2). Иоанна били (Деян. 5) за исповедание Христа, а потом он был сослан на остров Патмос, где он называет себя *соучастником в скорби и в царствии, и в терпении Иисуса Христа* (Апок. 1; 9)!

Подозвав же всех Своих двенадцать учеников: Иисус сказал (Мф. 20; 25–28): “Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть бóльшим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих”.

Итак, благочестивые читатели, вот образ жизни и деятельности последователей Иисуса Христа. Он высказал нерушимую истину, что велики только те христиане, которые самоотверженно преданы началам правды, не добиваются места первенства пред ближними, а законно заняв его, работают больше всех, им подчиненных.

И там, где увидите, что старший не выставляет напоказ своего первенства, как господин, но служит для других примером бескорыстного труда, беззаветной преданности, правды и нравственной чистоты, вы можете назвать его, если он вам начальник: “Он слуга Божий. Он первый, а между тем — среди нас, он среди нас — как наш раб”. Таким начальствующим, таким над нами первенствующим с радостью отдадим свое сердце, свою жизнь! Но и то, и другое им, может быть, не нужно — будем возносить за них ко Христу в смирении сердца молитвы об их благополучии.

III

Четыре дня протекло после погребения Лазаря, когда Иисус со Своими учениками приблизился к Вифании. Навстречу из дома печали вышла Марфа. Она сказала Иисусу: *Господи, если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой* (Ин. 11; 21). В кротких словах дружества, отягченного невыразимой жалостью, звучали вера, любовь и благоговение к Господу.

Иисус сказал ей (Ин. 11; 25–26): *Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек. Верить ли сему?* Другими сло-

вами, по объяснению св. Златоуста: “Ты думаешь, что брат твой умер? Разве он не веровал в Меня? Разве он не с верою скончался? Разве ты не знаешь, что верующий в Меня никогда не умирает?”

Марфа, растроганная вниманием Спасителя, в безотчетном вдохновении сказала: *Господи, я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир!* (Ин. 11; 27). Вот образец полного и решительного исповедания. Оно послужило указанием для молитвенного исповедания, которое произносят пред Причащением Св. Христовых Таин — Тела и Крови Христовой — “во оставление грехов и в жизнь вечную”.

Ободренная, оставившая у пречистых стоп Спасителя горе, удручавшее сердце, Марфа поспешила привести к Утешителю, Возлюбленному Учителю и Господу свою сестру Марию. Не в дом печали направил Свой путь Спаситель. Он пришел не для того, чтобы горевать с двумя сиротами. Ученики и толпа иудеев следовали за Ним.

Гроб Лазаря, как обыкновенно у иудеев в Палестине, находился в горной скалистой расселине с одним широким входом, где в узком пространстве лежал труп. Иисус подошел ко входу. Теперь у этой скалы печаль вошла во все свои права. Плач у входа; рыдают сестры: в этой смертной мгле — их брат Лазарь, бездыханный и одинокий. Плачут ученики Господа и многие из друзей почившего, явившиеся навестить могилу. Все поникли, снедаемые скорбью и терзаемые болью воспоминаний невозвратимой утраты. И тут же присутствуют любопытные, то есть люди, ищущие впечатлений и материала для пустословия и пошлых, страстных наблюдений.

О, какое неслыханное и воистину поразительное зрелище: Сам Он, Спаситель, Источник Жизни, глубоко, скорбно опечален! Из пречистых очей Его струились безмолвные слезы. Нашлись бездушные и здесь — со злорадным сомнением насмешливо замечали: “Не мог ли Отверзший очи слепцу сделать, чтобы и друг Его не умер?” (Ин. 11; 37).

В молчании все ждут, что скажет Иисус. И вот Его велением снимают камень над могилой. Марфа, боясь увидеть тлеющие останки дорогого существа, не удержалась и произнесла: “Господи, уже смердит: четыре дня, как в гробе лежит он!” (Ин. 11; 39). Но Господь со строгостью и достоинством Владыки жизни и смерти отвечал: *Не сказал ли Я тебе, что если будешь веровать, увидишь славу Божию!* (Ин. 11; 40).

Все присутствующие притаили дыхание. Иисус поднял взор Своей горé. Он благодарил Бога Отца за то, что Он услышал Его в этот знаменательный час. Он называл Бога Отцом, да все уверуют, да видит злоба, что в мир ниспослан Он Богом.

Возвысив голос до повелительной властности у гроба как Владыка над смертью, воскликнул наш Спаситель: *Лазарь! Иди вон!* (Ин. 11; 43). Чудо: мертвец из недр пещеры услышал голос своего Господа! Лазарь встал и идет. Идет в своем погребальном одеянии. И ясно видят все, что Лазарь воскрес. Лазарь безмолвен. На нем саван, на голове его полотенце. Из-под убруса блестит оживший взор. Он глядит на Иисуса; в его глазах, в выражении лица — благодарные слезы, умиление и молитва.

И многие из Иудеев, пришедших к Марии, увидя, что сотворил Иисус, уверовали в Него. А некоторые же из них пошли к фарисеям и сказали им, что сделал Иисус (Ин. 11; 45—46).

Нужно ли уяснять пред вами гадость, низость, нравственную растленность доносчиков, подслушивателей, усердствующих и вменяющих себе в честь почтительнейше, хотя и лживо или анонимно, донести о случившемся иудейскому синедриону. Я со своей стороны желал бы, искренне признаюсь, чтобы каждый доносчик, опорочивающий устно или письменно честь своего ближнего, испытывал на себе презрение от Бога и людей впредь до раскаяния.

Благочестивое вифанское семейство, Лазарь и две его сестры, имели счастье еще раз в земной жизни выразить любовь и привет Самому Жизнодавцу. Благодатная беседа Христа оживляла присутствующих на вифанской вечере гостей. Мария сидела у ног Христа и слушала Его сладостное слово. Находясь в присутствии своего боготворимого Господа, Мария почувствовала непреодолимую потребность выразить Ему чем-нибудь свою любовь, благодарность и благоговение.

У нее был один фунт драгоценного нарда (на наши деньги стоимость вещества — более 60 руб.). И вот, встав, она, подойдя к Иисусу, возлила драгоценную влагу сначала на голову Ему, а потом и на ноги и затем вытерла Его пречистые стопы длинными прядями своих распущенных волос. Весь дом наполнился ароматом чистого мира.

Присутствующие — бедные галилейские рыбаки и все возлежавшие на этой братской, единокорной вечере — были приятно изумлены выражением все-

цело преданной любви. Но и в таком избранном обществе нашелся человек, в котором великодушие и благородство чувств Марии пробудило низкую досаду. Это был Иуда Искариот. Он сказал: *Для чего бы не продать это миро и не раздать нищим?* (Ин. 12; 5). Несчастный человек говорил такие мягкие слова не из любви к нищим. Он был корыстолюбив и желал получить эти деньги, которые по продаже мира поступили бы в общинную, апостольскую кружку. Иуда ею распорядился и деньги из нее, мучимый духом алчности, негласно утаивал.

И вот Христос прекратил ропот в назидание Иуды и в одобрение усердия Марии. Он сказал: *“Что смущаете женщину? Оставьте ее. Нищих всегда имеете с собой, а Меня — не всегда. Она сберегла это миро на день погребения Моего”* (Ин. 12; 7–8). *Истинно говорю вам: где ни будет проповедано сие Евангелие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала* (Мк. 14; 9).

Так и происходит до нынешнего дня. Прошло от этого события 1897 лет, а всегда, на всех языках, которыми говорят люди, во всех странах, городах, селах; соборах, сельских, придворных, домашних церквях — словом, везде, где живут христиане, где проповедуется о страданиях Господа; во всех домах, чертогах и хижинах, где читают Евангелие, с честью вспоминается и о Марии и ее прекрасном утешительном деле, совершенном во имя беззаветной преданности любимому и любящему Небесному Гостю.

Воздадим и мы и всегда будем воздавать честь Марии, а Господу нашему Иисусу Христу — славу, честь и поклонение со Безначальным Отцем и

Всесвятым Духом и ныне и присно и во веки веков.
Аминь.

2 марта 1897 г.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

(На Евангелие от Матфея, 5: 33–45
и Евангелие от Луки, 19: 27–36)

Святитель Божий и великий учитель Православной Церкви Лев, занимавший в V в. престол первосвятительский в Риме (где его святые мощи почивают в Ватикане), в своем слове о Нагорной беседе Спасителя с церковной кафедры произнес: “Хотя, возлюбленные слушатели, евангельское повествование возвестило каждому верующему образ обязанностей, данных Спасителем нашим на горе Блаженств, в полноте и совершенстве, но надобно прибавить к этому священнейшему и торжественному слову увещание священническое. И так как в верующих слушателях нет места неведению, то семя Божественного слова, заключающееся в благовестии Евангелия, должно умножиться на ниве нашего сердца и очищенные от терния и волчцов насаждения благочестивых чувствований и ростки правых желаний должны принести плоды свои”.

Эта определенная цель призывает и меня предложить читателям ряд размышлений о Нагорной проповеди. Наша беседа обнимает содержание текстов Евангелия от Матфея, гл. 5, от 33 до 48 стиха, составляющего конец этой главы, и, параллельно им, — от Луки, гл. 6, с 27 по 36 ст. Именно: о клятве, о невоздаянии за обиды и о любви к ближним.

I

Слышали вы, что сказано древним: “не преступай клятвы, но исполняй пред Господом обеты твои” (Мф. 5; 33). Премудрый сын Сирахов, повторяя эти слова как заповедь, произносит: *Не будь скор языком твоим, ленив же и медлен делами твоими* (Сир. 4; 33). В объяснительном примечании к этому тексту епископа Михаила сказано: “Если даешь обещание, то немедленно исполняй!”.

Святитель Божий Тихон Задонский говорит: “А у нас бывает совершенно напротив. Столько наговоришь, столько наобещаешь всего, что если бы половину сказанного оправдывали делом, исполняли половину обещанного, то могли бы считаться образцовыми людьми. Между тем приходит время исполнения сказанного — мы или вовсе забываем обещания, или стараемся дать своим словам другой смысл, или откладываем исполнение обетов на другое неопределенное время. “Я поспешил тогда сказать свое слово, я сказал необдуманно”, — вот обыкновенные наши извинения”.

Следствием подобного образа действий бывает то, что доверие общества к нам мало-помалу уменьшается. В глазах многих мы становимся людьми неосновательными, на которых нельзя полагаться, которым нельзя делать более или менее важных поручений. Кроме того, мы сами весьма терпим за свою легкомысленность, за свою нерадивость.

Каковы мы в жизни внешней, такими же очень часто оказываемся и в жизни нравственной; как ведем себя по отношению к людям, так большею частью ведем себя по отношению к Господу Богу. Задумали мы сделать что-либо сулящее выгоду —

немедленно на языке нашем тысяча обещаний: и молебн отслужить за благополучное исполнение предприятия, и такой-то процент дать Богу из всего полученного, столько-то раздать нищим, столько-то пожертвовать на богоугодные учреждения и т. п. Но пришло дело к счастливому концу — мы или забыли о своих обетах, или считаем их слишком великими, или откладываем их на другое, более благоприятное время и редко-редко исполняем едва вполвину.

Постигает ли нас несчастье, заболеем ли мы, обокрадут ли нас злодеи, угрожает ли неурожай — мы с мольбами и со слезами ко Всевышнему. И снова рекой льются обеты, исполнение которых будто бы будет служить выражением нашей благодарности. И что же? Встали мы на ноги с одра болезни, возвратилось к нам похищенное добро, Господь дал благовременный дождь, нивы зазеленели, покрылись стройными стеблями и тучными колосьями, а то, чем мы намеревались благодарить Господа, оставлено без исполнения. У нас то времени недостает, то случится вдруг неотложная нужда, то “успеешь еще”: когда настанет досужий день, тогда на досуге исполним свой обет. Приходит и проходит праздник — обет остается неисполненным, а там и вовсе забыли о нем.

Сильно мучает нас совесть после того или другого дурного поступка. Браним мы себя, негодуем на себя и клянемся не доходить впредь до подобного состояния, призываем даже Господа Бога в свидетели своих обещаний. Совесть успокоилась. Некоторое время мы ведем себя осторожно, а там — там снова грешим, и снова — клятвенные обеты не

грешить. Поистине мы скоры языком, ленивы же и слабы делами.

Если нарушение слов, неисполнение обещаний вредит нам в обыденной жизни, унижает честь нашу среди подобных нам других людей, тем более неоправдание делом слов, данных Богу, может сопровождаться опасными, пагубными для нас последствиями. Мы должны знать, что за всякое праздное слово, по учению Иисуса Христа, воздадим ответ Богу на Страшном Суде (Мф. 12; 36—37); тем более ужасны угрозы за клятвенные обеты. *Господь Бог твой взыщет с тебя за них* (Втор. 23; 21), — умирая, говорил Моисей любимой им семье Израиля. *Взыщет* Господь с нас за каждое обещание, за каждую клятву, которые мы произносили в том или другом случае и не оправдали сказанного делом. Потому нужно нам быть осторожными в своих обещаниях. Премудрый Сирах учил: *Прежде, нежели начнешь говорить, обдумывай* (Сир. 18; 19). Нужно наперед обдумывать, в состоянии ли мы сделать то, что намерены клятвенно обещать. Лучше промолчать, чем неосторожно сказать что-нибудь и потом быть постыжаемыми пред ближними за нарушение честного слова, клятв верности. Извинения? Увы! Это слово не сходит почти с уст собеседников. Оно термин вежливости. А между тем извинения — дело напрасное: нас никто не принуждал, мы добровольно вызвались на тот или другой подвиг. О если бы Господь помог нам выполнить совет мудрого библейского наставника: “Не будь очень скор языком твоим; не будь ленив, медлен и слаб твоими делами”!

II

А Я говорю вам: не клянись вовсе ни небом, потому что оно Престол Божий, ни землею, потому что она подножие ног Его, ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя. Ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: “да, да”; “нет, нет”; а что сверх этого, то от лукавого (Мф. 5; 34–37).

Есть умствующие льстиво и ложно, которые, приводя эти слова Господа нашего Иисуса Христа, утверждают, что не должно вовсе клясться и призывать имя Божие во свидетельство. Но такое мнение смело можно назвать заблуждением. Верным в слове и деле позволяется клясться именем Божиим в случае необходимости и светлой как день правды. Закон Божий повелевает положительно, когда говорит: *Господа, Бога твоего, бойся, и Ему одному служи, и Его именем клянись (Втор. 6; 13).*

Когда Бог запрещает нам в третьей заповеди “принимать Его имя всуе”, очевидно, Он позволяет принимать и употреблять его тогда, когда употребление его не может быть всуе. Пророк Божий Иеремия в речи к иудеям восклицал: “Израиль, если хочешь обратиться ко Мне, обратись! Если удалишь мерзости твои от лица Моего, перестанешь скитаться! *И будешь клясться: «Жив Господь!» в истине, суде и правде; и народы Им будут благословенны и будут хвалиться! Объявите в Иудее и разнесите в Иерусалим и говорите и трубите трубою по земле, взывайте громко и говорите: «жив Господь!»*” (Иер. 4; 1, 2, 5).

Святые люди, жизнь которых предлагается в Св. Писании как пример благочестия, которому все должны следовать, употребляли клятву свободно и охотно, когда представлялись к тому законные случаи. Это можно видеть из истории ветхозаветных патриархов Авраама, Исаака, Иакова, Давида-Царя, которые нигде не были осуждаемы за клятву.

Согласно с этими примерами поступал ап. Павел, когда явно призывал Бога в свидетели истины того, что он проповедовал. Трижды он выражался во втором Послании к коринфянам и к римлянам словами: “Бога призываю на душу мою, что мы споспешествуем радости вашей” и т. д. (Рим. 1; 9, 2 Кор. 1; 23—24, 11; 31). Этот род призывания есть истинная и торжественная клятва. Скажем более. Святые Ангелы, чуждые всякого греха, не затрудняются клятвою. Из Апокалипсиса мы видим, что один Ангел клялся *Живущим во веки веков* (Апок. 10; 6), Творцом неба и земли и всего, что есть в них.

К примерам св. мужей и Ангелов надобно присовокупить пример Самого Бога, благословенного во веки, Которого неоднократно Св. Писание представляет клянущимся. Укажу на псалом 90. Дух Святой, скажем, наконец, повелевает клясться Его именем в доказательство истинного и законного служения Ему. Так, когда пророк Исаия представляет обращение египтян, он говорит, что “они будут клясться именем Господа Саваофа” (Ис. 19; 18).

Что же касается того, что Сам Господь Иисус Христос в Нагорной беседе вовсе запрещает нам клясться — ни небом, ни землей, ни Иерусалимом, — то мы отвечаем на это, что Он не разумел под этим запрещением всякой клятвы просто и без-

условно, но разумел тех из иудеев, о которых там идет речь. Эти ученики фарисеев, вообразив, что одна только ложь в клятве преступна, клялись при всяком случае, в делах самых маловажных и наименее достоверных. А чтобы обойти имя Божие, они не произносили Его в своих клятвах, а употребляли имя неба, имя земли или Иерусалима. Они думали, что посредством этого немудрого лукавства защищают себя от наказания за нарушение третьей заповеди Божией.

Иисус Христос отвергает этот дурной, лицедейственный обычай и запрещает все клятвы такого рода, клятвы легкомысленные, безрассудные и ненужные, как бы они изменяемы ни были в своей форме. К этому запрещению Он, наш Спаситель, прибавляет правило, которому мы должны следовать в нашем обращении и в наших обычных разговорах. Он учит нас говорить о делах просто, как они есть, не примешивая к ним имени Божия ни явно, ни прикровенно, как то делали иудеи. Правило же следующее: *Да будет слово ваше: “да, да”, “нет, нет”; а что сверх этого, то от лукавого (Мф. 5; 37).*

Нужно сознаться, что правило, данное Спасителем, нарушается самым явным и дерзким образом. Как часто слышим мы в разговорах такие выражения: “Боже мой! Ей-Богу! Клянусь Богом! Вот тебе крест!” и т. п. Эти выражения сделались столь обыкновенными, что не почитаются уже за грех, а между тем они свидетельствуют, что клянущиеся — родственники тех евреев Ветхого Завета, которых обличал Иисус Христос в Нагорной беседе, когда они клялись небесами, Иерусалимом и своей головой.

Пространство этого греха велико. Многие клянутся без нужды, без причины и даже не думая о том. Вот, например, торгующие, расхваливая продаваемые ими товары, расточают уверения при малейших случаях, тогда как никто не требует таких еврейских или магометанских клятв. С другой стороны, те, которые покупают, не щадят клятв, чтобы охулить покупаемое и снизить цену его.

Некоторые пороки соблазнительны для согрешающих тем, что обещают им какую-либо выгоду или хотя бы животное наслаждение. Но грех клятвы не обещает ни пользы, ни удовольствия его учиняющим. Последствие неоправданной клятвы и ложной божбы — потеря общественного доверия. Посудите: как можно верить тому, кто оскорбляет честь, правду, добро, благодать, так легкомысленно произнося высочайшие слова без благоговейного чувства, имена Божии, пред которыми благоговеют Ангелы и трепещут злые духи?!

К нарушителям евангельской заповеди о клятве относятся и люди, которые обязываются ею к чему-либо нечестному, ужасному, противному христианской любви. В 23 гл. Деяний апостольских в обстоятельном рассказе передана повесть о сорока кровожадных и бессовестных евреях, поклявшихся не есть ничего до тех пор, пока не убьют ап. Павла. Беседуя о грехе клятв, даваемых вопреки прав Божеских и человеческих, нельзя не вспомнить об Ироде, безрассудно поклявшемся дочери Иродиады дать ей все, чего она ни попросит. И что же? Когда легкомысленная попросила головы Иоанна Крестителя, этот властитель согласился на убийство

мужа, которого сам почитал и даже боялся как добродетельного и необыкновенного человека.

К числу клятвопреступников относятся все употребляющие Божественные постановления и чтимые святыни в иных целях, нежели в тех, в каких их должно употреблять по назначению Божию. Таковы обманщики, притворяющиеся, будто в своем сердце имеют необыкновенную ревность к славе Божией, хотя на деле употребляют ложный язык для того только, чтобы обманывать людей и под благовидным предлогом удовлетворять бесчестным желаниям своего корыстолюбия или честолюбия. Таковы были знаменитые в истории иудеев зилоты, которые в продолжение последней осады Иерусалима носили в своих устах имена храма и священных обрядов Моисеева закона с целью приобрести доверие народа и забрать в свои руки власть.

К числу злоупотребляющих клятвой относятся все лживые пророки, лжеучители. К ним же относятся всякие странники, странницы, священнослужители, при жизни выдающие себя за святых, не стыдящиеся путешествовать по городам и весям под видом совершения молитв, или прославления истины, или утверждения церковного мира. Все они обманывают людей, имея в сердце желание составить себе власть, или влияние, или силу и желание приобрести богатство.

Грешат против правила о клятве лжеумствователи, которые для утверждения своих заблуждений искажают некоторые тексты Св. Писания, толкуя и разъясняя их с явным ущербом и подрывом учения Православной Церкви, утвержденного всеми Вселенскими Соборами. В этом отношении они следу-

ют гибельному примеру сатаны, когда, искушая Господа нашего Иисуса Христа, он имел дерзость привести Ему известные слова из 90-го псалма, чтобы побудить Его броситься с церковной кровли (Лк. 4; 11).

Я хотел указать только главнейшие виды греха, относящегося к нарушению заповеди о клятве. Спаситель наш объявляет положительно, что Он не признает праведными нарушителей Его учения.

Когда кто утверждает именем Божиим верно неистинное или показывает наружно великую ревность к славе Божией, тогда как внутренне не имеет должного уважения к Евангелию, — как можно узнать это обыкновенному человеку? Отсюда бывает, что мы, не видя основания души, останавливаемся на наружностях, принимаем ложную клятву за истинную и лицемера — за доброго и ревностного христианина. И если бы люди оправдывались и осуждались по одному нашему суду, то пустосвяты принимались бы за действительно святых; клеветники, сплетники считались бы людьми, полагающими свою жизнь за правду; стяжателя-скупца мы принимали бы за образцового человека, лукавого честолюбца — за великого умника и т. д.

Но чтобы никто из нас не льстил себя надеждой, что его грех останется ненаказанным, Небесный Законодатель объявляет, что Он как Верховный Судья, испытующий сердца и совести, не может быть обманут, подобно людям, притворством лицемерия и ханжества и сотворит нелицемерно суд правый о наших грехах, и признает пред всеми — миром видимым и невидимым — виновными тех, которые виновны, хотя бы их портреты во время

жизни стояли в домах легковерных наравне со святыми, хотя бы весь мир имел о них другое мнение. Они — клятвопреступники. Увы! Господь не оправдает клятвопреступников.

III

О невоздаянии за обиды (ст. 38, 39, 40, 41)

Иисус Христос сказал: *Вы слышали, что было сказано: “око за око и зуб за зуб”* (Мф. 5; 38). Грозный, страшный закон! Он был дан вследствие жестокосердия иудеев. По объяснению еврейского ученого-историка Иосифа Флавия и учителей Церкви — между прочими Тертуллиана и св. Златоуста, — этот закон не был применяем; дан же был, чтобы устроить наказанием преступные действия. Любомстительность сокращали пророки своими поучениями, а Господь наш, Спаситель нашел несообразным этот закон даже в самой букве для Своих последователей, душой жизни и действий которых должна быть любовь.

А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два (Мф. 5; 39—41).

Великие истины! Они “глубже моря”, по выражению русского богослова, скончавшегося несколько лет назад в Одессе архиепископа Никанора; неисчерпаемы, как сама любовь Божия. Я позволяю себе советовать вам прочитать самим объяснение этих

заповедей в распространенном русском печатном издании примечаний к Евангелию покойного курского епископа Михаила. В этом произведении собраны объяснения изречений Спасителя, как и всего евангельского текста.

Из этой книги, как и из других, доступных всем любознательным, я не буду извлекать изъяснения. Дерзаю присовокупить спроста, что любовь христианская должна сносить зло только в той мере, в какой оно остается для славы Божией и для спасения ближнего. В противном случае, по учению святого ап. Павла (Рим. 13; 1—4), должно наказывать зло, что возлагается на начальство, на старших. Каждому из нас известно, как наказывает нас любовь нежного отца, ласковой матери, приветливого начальника. Сам Господь, когда грубый римский солдат ударил Его в ланиту, сказал оскорбителю: “За что Меня бьешь?” (Ин. 18; 23). Он же заповедовал Своим последователям от притеснений и гонений спасаться бегством.

Если ты находишься на общественной службе и видишь, что твоим усердием недовольны, твои труды объясняют зложелательством; если они вносят несправедливые толки и смущения, то удались от зла, но не изменяй ни на йоту своих любовью и законом христианским освященных верований и убеждений. Святой апостол Павел, когда оказывали ему вопиющие несправедливости, долгом своим считал изъяснить неправду учрежденному начальству (Деян. 16; 22 и 25; 10—11), а архиерею (первосвященнику), велевшему его бить, отвечал с укоризной (Деян. 23).

Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся (Мф. 5; 42). *Просящему у тебя дай,* — говорит Иисус Христос в Нагорной беседе. Удовлетвори нужды ближнего, кто бы он ни был, — нужду как духовную, так и вещественную. Очевидно само собою, что дела милосердия и благотворительности не исключают условий и обстоятельств, когда просящему давать не только не полезно, но и вредно. Например, любовь к ближнему не позволит подать яд желающему лишить себя жизни.

Быть милосердным всякий может — вот сущность заповедей Господа нашего Иисуса Христа. Не рублями, но и копейкой можно послужить другому; не хлебом — стаканом воды оказать одолжение; не делом — лаской, советом можешь утешить нуждающегося. И за это награда твоя от Господа, и награда иногда бóльшая, нежели за пост и молитву.

Любящий ответ на просьбу — средство богоугождения и спасения, для каждого, без исключения, доступное. Благотворительность столь ценна пред Богом, что в лице нуждающихся принимает ее от нас Сам Господь. Не внимающие голосу нуждающихся отказывают в милостыне самому Богу. И долг справедливости требует, чтобы “просящим давали”. Мы и в храм Божий собираемся для того, чтобы просить себе милостей у Бога. Сколько прошений мы вознесли к Нему со словами: “Подай, Господи”! И Господь не оставляет нас милостью.

Но спросите у своей совести, как сами вы отвечаете на просьбы других. А просящих Иисус Христос в Евангелии отождествляет с Собой: “когда Я алкал, вы накормили Меня, нагого одели Меня” (Мф. 25; 35–36)... Итак, что же мы уклонялись

давать просящим? Нам — “подай, Господи”, а Самому Господу отказываем — и как часто отказываем с грубостью, с презрением...

Может быть, скажут: “Проситель большею частью сам от себя в нужде — от своей лени, от пьянства и т. п. Неужели и таким подавать? Не впрок пойдет им данное!” В таком случае постарайтесь, чтобы впрок пошло: присоедините к дару слово увещевания, участия сердечного. Человек — не камень: может, и опомнится, что недостойно человека быть навязчивым тому, кто в силах обойтись без сторонних даяний.

Но вот что: не от людей ли такой-то или другой нищий и вдался в пьянство? Может быть, когда он в несчастные для себя дни впал в нужду, не нашлось человека, кто хотел бы ему помочь, — вот он и стал нищенствовать, обратился в попрошай. А так как попрошайничать во всяком случае нелегко совестливому человеку, вот он и приучился к пьянству. Кто же тут прав, кто виноват? Отчего так мало устроено богаделен, приютов, общин человеколюбия и христианской братской помощи? А без них отказывать просящим — не одно ли и то же, что на слезы, на преступление, на озлобление, на смерть осуждать человека? Мы не подадим, другие не подадут — что же делать просящему? Воровать? Отравиться?.. Тяжелая мысль!

Положим, что и в самом деле помогать тунеядцам, обратившим попрошайничество в промысел, в “странничество”, — многим не в совесть. Но многие ли из нас дают истинно нуждающимся в даянии? Как часто на наших глазах человек долго болеет к смерти и потом умирает. Он отец семейства,

изнатужившийся в борьбе с нуждой. И нет никого вокруг помогающего! Или мать плачет о том, что нечем заплатить за воспитание детей, не на что зимой купить дров, нечем уплатить за жилье. Мать и отец в отчаянии, дети в плаче, а кругом другие — мир, именующий себя “христиане”, — им ничего. Они смотрят на все это с равнодушием. И выходит то, что нужды одних не удовлетворяются потому, что они “проходимцы”, бродяги, а других — потому, что они из целомудренной стыдливости нас не упрашивали.

Значит, люди, рассуждающие подобным образом, никому не подают милостыню. Но тогда так и пусть они говорят: “Мы не любим давать никому, любим лишь принимать от людей и наживаться”. Оправдываться не в чем. Вспомните: кто некуп, тот всем желает дать: и стоящим сострадания, по мнению людскому, и не стоящим. Отчего же люди никому не хотят подать? По жестокосердию своему — вот почему: все-то у них либо воры, либо моты, лентяи, либо пьяницы и хуже того. За то и грозен так суд Христов относительно всех, кто не исполнил Его заповеди: *просящему у тебя дай*. Он скажет им: “Когда Я алкал, вы не накормили Меня; жаждал — вы не напоили Меня; наг был — и не одели Меня” (Мф. 25; 42–43).

Надо давать всякому бедному и нуждающемуся в чужой помощи человеку, кто бы он ни был. И будем это делать от чистого сердца, без попреков просящему. *При всяком даянии имей лицо твое веселым*, — таков совет библейского мудреца (Сир. 35; 8). Святой ап. Павел просил римских христиан: “Благотворите с радушием” (Рим. 12; 8).

И от хотящего занять у тебя не отвращайся, — говорит Иисус Христос в Нагорной беседе. Святой отец Церкви Феофилакт уяснил эти слова: “Взаимы давай не с ростом, но простой заем для пользы ближнего”. А св. Златоуст говорит: “Если у тебя есть, дай и тем, от которых не надеешься получить”. У святителя Тихона Задонского и у св. Дмитрия Ростовского могут желающие прочесть о позорных следствиях ростовщичества, отнимающего у людей образ и подобие Божества.

Стихи Евангелия от Матфея относятся к заповедям о совершенной любви к ближним. *Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас. Да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных (Мф. 5; 43—45).*

Изрекая спасительную заповедь о любви, не неудобноносимое иго возлагает на нас Христос, на Своих раменах понесший Крест нашего искупления. Любвеобильный Небесный Отец не требует от благодетельствованных Своих последователей пожертвований, превышающих их силы.

“Любви не учат”, — говорит великий вселенский учитель Василий. Любовь — чувство, прирожденное сердцу; неотъемлемая, существенная принадлежность человека. Все люди — даже грубейшие, невежественные язычники — любят кровных родных и друзей. Это любовь природная. Но любовь,

какую вдыхает в наше сердце наша поврежденная природа, у редких достигает такой степени силы и совершенства, чтобы включить в число любимых весь свой народ. Когда же случается, что человек, согретый чувством природной любви, принесет какую-либо жертву в пользу своего единосемца только потому, что он любит своих единосемцев, то это крайняя степень совершенства природной любви, которой удивляется самолюбивый мир и замечает в своих летописях как образец великодушия, благородства, достойных подражания для позднейших потомков.

Но от этой врожденной природной любви напрасно было бы требовать, чтобы она принимала иноплеменника как единосемца и ко врагу была снисходительна, как к брату. Естественная любовь не щадит врагов и не почитает противозаконным, бесчестным поступком устроить несчастье врагу, увеличить его или, по крайней мере, в тайне сердца не может не порадоваться беде, слезам, несчастьям врага. Так отравлены ядом исконного человекоубийцы плоды семени любви, положенные в человеческое сердце рукой любвеобильного Творца.

Иисус Христос Своих последователей называет “сынами Своего царства”. Им недостаточно иметь только естественную, столь ограниченную любовь. Закон Христов повелевает любить ближних и иметь, по слову святого ап. Павла, любовь ко всем *своим по вере* (Гал. 6; 10); в то же время заповедует любить и врагов. “Если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете (слав. “целуете”) *только братьев ваших*, что особенного делаете? Не так ли поступают и язычники? А Я вам гово-

рю: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный*” (Мф. 5; 46—48).

IV

Где же может преимущественно обнаруживаться эта высокая всеобъемлющая любовь христианина, предписываемая благодатным законом Господа нашего Иисуса Христа?

Носите бремена друг друга, — благословляет святой ап. Павел, — *и таким образом исполните закон Христов* (Гал. 6; 2). Земная жизнь с ее разнообразным, более или менее тяжелым бременем, под которым томятся и изнемогают земные странники земли, — вот поле, на котором слуга и последователь Христов должен сеять силою любви своей к ближним. *Ибо нищие всегда будут среди земли твоей* (Втор. 15; 11), — говорил Бог устами Моисея Израилю, предписывая ему любовь к своим братьям. Не оскудеют разнообразные скорби и страдания на грешной земле, пока сохраняется в людях семя тленного греха.

Бедность, голод, губительные болезни, непростительность, бессилие, умственное и нравственное, постигающее людей, — вот пробные камни, на которых испытывается верность христианина закону Христову. Опечаленный, страдающий, кто бы он ни был — враг или кровный родственник, — своими скорбями должен возбуждать и привлекать к себе любящее сострадание христианина. Человеческая мудрость уверяет, что истинный друг познается в несчастьи. Божественная мудрость, объявленная на горе Блаженств, говорит, что истинный христи-

анин познается преимущественно в расположении любви к врагу: “Добро творите ненавидящим вас”.

Удобноносимое ли иго возложил Ты, Господи, на наши слабые рамена? Можно ли с любовью отдать наши трудом и честью заработанные деньги или отворить гостеприимно двери своей убогой квартиры и дать в ней покой страждущему врагу, который, может быть, на нас клеветал, писал на нас безымянные и именные доносы, уклончивыми, бессовестными, насмешливыми намеками заставил нас в уединении проливать невидимые миру слезы?

Мир высоко ценит великодушие. Даже по его законам безоружный и страждущий враг вполне заслуживает пощады. Если и мирские правила признают похвальным делом сострадание к страждущему врагу, то что сказать о правах Божественных? Пред лицом Отца Небесного человек столь дорог, что для Его спасения Он не пощадил и Своего Единородного Сына. Не законно ли требовать от нас любви к врагам, которые нам братья, облечены такой же плотью и кровью, как мы, и такие же пришельцы и странники земли — ныне здесь, в движении, а завтра — “зряще мя безгласна и бездыханна?”

Чтобы удобопонятнее была эта заповедь для христианина, посмотрим на первообраз христианской любви — Христа: какой любовью Он печется о спасении разбойников, какой чистой душой Он возводит на путь целомудрия потерявших стыд и имя блудниц и даже идет на страдание и смерть за мир, сделавшийся по причине греха врагом Божиим! Он плачет о неминуемой гибели Иерусалима — города, обagrившего себя кровью Его св. пророков и который Ему Самому готовил ужасную смерть.

Может быть, наше нерадение скажет: “Иисус Христос был Бог, а мы люди. Разве можем мы быть такими беспримерно великодушными, чтобы любить наших врагов?” Конечно, можем. Ведь Он носил нашу плоть; в Нем было сердце, какое имеем мы, только чуждое злых пожеланий. Но если нужны примеры ближе к нам, то вспомним Моисея. Он был такой человек, как и прочие евреи, как и все мы — и что же? Он изъявил искреннее желание быть изглаженным из книги вечной жизни, только бы не был погублен тяжко согрешивший против Бога еврейский народ. Еще ближе по времени к нам человек Нового Завета, ап. Павел. Он в Послании к римлянам, в 9 главе, говорит, что готов пожертвовать блаженным единением со Христом ради блага своей братии. Какой братии? Тех, которые били св. апостола палицами, сажали его в тюрьмы, заковывали его в узы.

Христианин не должен забывать, что нелюбящие и ненавидящие нас — люди, подобные нам. И в них есть сердце, способное чувствовать благодеяния, как и все прекрасное. Очень может быть, что и враг наш, которому мы за зло ответили добром, в день нашей нужды восчувствует благодарность, не умедлит благотворно отозваться нам или присным нам, чем может. Не воздавайте злом за зло, предоставляя право мздовоздаяния Вышнему Мздовоздателя, по воле Которого мы и наши враги существуем, движемся, живем на земле. Наш долг, по учению святого ап. Павла, быть “человеком для человека”, добрыми и сострадательными, прощать друг друга, “как и Бог во Христе простил нас” (Еф. 4; 32).

Истинный христианин, не ожидающий награды во времени, а любящий блаженную вечность, должен быть убежден, что высокие подвиги святой любви, совершенные в тайне, не запишутся в летописях и мир не прославит их своим печатным или иным громким словом — может статься, даже будет гнать, ненавидеть и охулит повсеместно его имя за сделанное им добро. Что нам? Будем любить всех и, чем можем, благотворить врагам. Веруйте, любящие души: наша мзда хранится в верных руках. Когда пробьет последний час для мира и придет Всемирный Судья, тогда твои, человек с любящей душой, добрые дела, чистая жизнь возвестятся не одному городу или народу или не одному поколению, но всем племенам и языкам всех времен и мест, всему достохвальному лику святых, пророков, апостолов, мучеников, преподобных, сонмам Ангелов и Архангелов! И к тебе будет относиться вожделенный призывный голос Самого Бога: *Приидите, благословенные Отца Моего!* (Мф. 25; 34). И войдешь ты в вечную радость Вечного Бога твоего с горящим светильником всех объемлющей, всем жертвующей, бескорыстной любви! Святая Церковь отверзла нам двери св. Великой Четырешестидесятиницы*. Сладостный голос благодати Божией, на покаяние зовущий, непрестанно раздаётся. *Вот, теперь время благоприятное*, наступили “дни спасения” (2 Кор. 6; 2). Воспользуемся ими во спасение своей души. Может быть, это время — увы! — уже для многих из нас не возвратится на следующий год. Аминь.

22 февраля 1898 г.

* Беседа была произнесена во дни Великого поста 1898 г.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ

(На Евангелие от Матфея, 18; 21–35)

I

Ныне свое христиански скромное слово держая начать воспоминанием поучения святого отца и учителя Церкви. Он, вступив на священный амвон, чтобы проповедовать предстоящему народу слово Евангелия, заключенное в притче, сказал: “Вы, слушающие меня, согласитесь, что подобный предмет, как притча Христова, сам за себя говорит — как по его величию, так, равно, и по его современности.

Приступаю к нему со страхом, опасаясь за эти прочные основы нашей веры прикосновением моего недостойнства. Тем не менее приступаю к нему с радостью. Говорить о Тебе, только о Тебе, о Твоих св. апостолах, наш возлюбленный Учитель! И следуя по пути, Самим Тобою избранному, выказывать Твою славу — не забьется ли при этом сердце, Тебя любящее и которому Ты столько благодетельствовал!”

Вы, братия, присоедините свои усилия к нашим, вы поддержите нас глубоким, сочувственным вниманием, которое так мощно содействует успехам назидания в благочестии. Но прежде всего испросим вместе и для вас, и для себя помощи Св. Духа, указующего нашим сердцам смиренно иметь приют в слове Иисуса Христа, подобно бедствующей ладье, входящей на безопасный берег после бури.

Обстановка, при которой Иисусом Христом была произнесена восьмая притча, — красиво раскинувшаяся местность зеленой Израильской равнины.

Вблизи ее — величественная гора Фавор, до середины покрытая великорослыми дубами и фисташковыми деревьями. Невдалеке — Тивериадское озеро. С его берегов открываются дивные виды на Ливан и Антиливан, Кармил и целый ряд холмов и крутых скалистых предгорий цепи Галаадских гор.

К северу — деревенька Назарет с ее восточными жилищами, и в числе последних — дом плотника Иосифа, где наш Спаситель, будучи Богомладенцем, на коленях у Пресвятой Марии воспринимал первые сведения о Боге Авраама, об истории Израиля и во дни отрочества в мастерской Иосифа знакомился с орудиями столярного ремесла. А за Назаретом — Иерусалим, всеславный, святой город.

Эта досточтимая местность, освященная столь торжественными событиями, очень явственно очерчена в книге “Толковое Евангелие” епископа Михаила. В этой книге все любознательные и грамотные могут найти, если пожелают, и обстоятельное объяснение всего Божественного Евангелия, а в частности, и притчи, давшей нам ныне повод беседовать с вами.

Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? До семи ли раз? (Мф. 18; 21).

Святой ап. Петр отличался живым, полным вдохновения и любящей искренности характером. Этот благородный искатель, жаждущий истины, взор которого, подобно орлиному, силится проникнуть сквозь тучи, чтобы прямо смотреть на солнце,— Петр осмелился предложить смущавший его вопрос,

на который не могла дать удовлетворительный ответ душа апостола. Вследствие этого он решился благоговейно спросить Учителя: “Если часто будет согрешать и раскаиваться ближний наш, то всякий ли раз прощать его или сколько раз прощать?”

Иудейские книжники и учителя разрешили это недоумение несогласно. Самые суровые из них отказывали в прощении, говоря: *Око за око, зуб за зуб* (Исх. 21; 24). Более склонные к снисхождению и братству говорили: “Человека, согрешившего против ближнего, прощают раз”. Другие говорили: “Два раза нужно простить”. Третьи: “Согрешившего человека можно простить три раза, но в четвертый раз не прощают”. Апостол Петр более чем удваивает это раввинское число раз и, думая показаться великодушнейшим, спрашивает, довольно ли будет во имя справедливости и любви отказаться от всякого отщипления или законного взыскания, простить обидевшему семь раз.

Но послушайте, как любвеобилен Господь в Своих законах, правилах и предписаниях! Моисей начертал закон в десяти заповедях и объяснил его в пяти книгах. Пророки, одновременно являвшиеся для научения народа в исполнении закона, написали многие книги. И это многое, хорошо, осмысленно написанное, давало случай к разным толкованиям законников. Спаситель принял благосклонно вопрос ап. Петра и семью словами произнес верное и беспристрастное постановление, как соблюсти чистые христианские чувства в отношении раскаявшихся ближних наших. Ближних мы должны любить, как самих себя.

Иисус говорит Петру: *Не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз* (Мф. 18; 22). Число это указано здесь неопределенно. И Им указано, что сколько бы раз ни согрешал против нас тот или другой человек, если он раскаивается, мы должны предать все, что произошло, все неприятное прошлое полному забвению.

Слова Иисуса Христа глубоко запечатлелись в душе учеников, отдавших свою жизнь труженичеству мысли. Они приняли мысль Спасителя, т. е. что любовь человека к человеку не измеряется ни числом, ни количеством, ни временем, ни пространством, ни племенным сходством, ни кровным родством — словом, нет для любящей души меры. Чтобы осветить эту истину и внедрить ее в души Своих последователей, Спаситель наш сказал притчу о немилосердном рабе.

Спаситель предложил в притче истину, истекающую прямо из источника Света Истинного, безразлично проливающую свет в самые простые умы, как и в высокообразованные; истину, которая не столько изучается как наука, сколько принимается как откровение. Но тем не менее эта истина — единственная, краеугольная, верховная истина; та, какой тщетно искали мудрецы и которая без Него никогда не зашла бы в сердце человеческое.

II

Царствие небесное подобно царю, захотевшему сосчитаться со своими рабами. Когда начал он сводить счета, приведен был к нему некто, должный ему десять тысяч талантов. Но так как этот должник не имел чем заплатить, то государь приказал про-

дать его жену, детей и все, что он имел. Узнав об этом, раб пал к ногам государя, говоря: “Потерпи на мне, я все заплачу тебе!” Государь умилосердился над рабом тем, отпустил его и простил ему долг.

Но раб, вышедши от государя, нашел одного из своих товарищей, который должен был ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: “Отдай мне то, что ты должен”. Тогда товарищ пал к ногам его и со слезами говорил ему: “Потерпи на мне, я все тебе отдам”. Но тот не согласился ждать и посадил его в темницу, пока не отдаст долга.

Знакомые, видев происшедшее, вознегодовали и передали государю своему все, как было. Тогда государь снова призывает своего должника и говорит: “Злой раб! Весь долг твой простил я тебе по твоей просьбе. Не надлежало ли и тебе помиловать своего товарища?” И, разгневавшись, отдал его истязателям до того времени, пока он не отдаст ему долга (см. Мф. 18; 23–34).

Царство небесное подобно царю (Мф. 18; 23).

Что же это за царство небесное? Выражения “царство небесное, царство Божие, царство Христово” часто встречаются в Евангелиях и Посланиях св. апостолов. Они означают царство благодати на земле, в нашей Церкви христианской, и царство славы на небесах; первое — как начало, второе — как полное совершение и окончание его.

В Ветхом Завете о царстве небесном предсказывали многократно пророки, в особенности же Исаия, Иеремия и Даниил. Но еврейские книжники в дни проповеди Спасителя нашего на земле извратили понятие об этом духовном царстве. В храме, синагогах и училищах они придумали учить, что

явится среди иудеев Царь в качестве завоевателя вселенной, что с Его явлением воскреснут все умершие от начала мира и до сего дня. Будет суд, причем враги иудеев будут истреблены, а они — евреи — будут царствовать над всей вселенной. Все другие народы будут рабы, а каждый еврей будет счастлив своей безграничной властью, силой, бессмертием.

Спаситель наш в простом учении, а всего более в притчах обличал лживость, грубость, чувственность таких понятий о царствии небесном. По учению Иисуса Христа, царство небесное есть то обетованное жилище, где все святые и праведные, гонимые правды ради, нищие духом наслаждаются неизреченным блаженством как должным воздаянием за их труженичество, подвиги, добрый, благодушный образ жизни на земле. Царство небесное на земле есть устройство Церкви; ее Царь — Христос, а члены — все верующие в Него.

Итак, в царстве небесном, по учению Иисуса Христа, бывает в отношении людей нечто подобное тому, что случилось с царем, который захотел сосчитаться со своими рабами. Господь действует в отношении нас так же, как некоторый царь относился к своим подданным.

Этот царь, по словам притчи, вознамерился *сосчитаться с рабами своими* (славянский текст: *иже восхоте стяжаться о словеси с рабы своими*). Этот царь изображается заимодавцем, который с радостью ссужал подданным в известном количестве денежные суммы — одним больше, другим меньше и на условный срок.

Люди — должники пред Богом. В существе каждый человек есть ни более, ни менее, по слову апос-

тольскому, как горсть земной пыли. И все, что имеют люди, исходит от Того, у Кого всегда даяние благое и дар совершенный.

Полнота Божественной любви к людям неизмерима. Всем, жизнью души и тела обязанный человек должен бы платить Господу исполнением Его воли. Он хочет, чтобы человек был храмом Божиим, носил рай в душе своей — словом, имел всевозможное счастье. Чувствуете, какой Он Заимодавец, какой Он Благодетель! Какое поистине отеческое требование от должников! Одни, добродетельные, менее должны; другие — более, но должны все без исключения — от царя и вельможи до бездомного скитальца в убогой хижине, до несчастной беспокровной вдовы с сиротами. Все должны Ему, своему Небесному Учителю, Благодетелю, Искупителю, Спасителю.

Царь захотел сосчитаться с рабами своими, т. е. потребовать от них уплаты долга. По учению св. учителей Церкви, это требование не минует никого из людей. Главным образом оно будет предъявлено на Страшном Суде Христовом, равно как и на частном суде, имеющем быть по смерти каждого человека, когда для человека начнется безлетняя вечность. Но оно — что поразительно — заявляется и при жизни человека здесь, на земле, в виде посылаемых ему Господом наказаний за нарушение Его святых заповедей неверием и нерадением о своем спасении.

Кто из нас не видал, как в прошедшие годы Господь, повелевающий, по милосердию Своему, *солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф. 5; 45),

во дни, когда Он хотел *сосчитаться с рабами Своими*, заключал небо, и делал оное над главами грешников медяным, а землю под ногами их как бы железной, и посылал на них скорбь и тесноту, недород, голод, лишения и бедствия. Никакая наука, никакое искусство не может заставить сиять солнце или велеть облакам дождем оросить землю. Эти опыты прошедшего должны внедрять в нас мысль о страхе Божиим, подобно неимущим должникам пред правосудным Заимодавцем.

III

Когда начал он считаться, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов (Мф. 18; 24). Вот начался час расчета. Заимодавец — и пред ним сошлись его должники. Их несчетная толпа. Здесь бедные, больные, бездомные сироты, неутешные вдовы. Ожесточенные души, бедные, измученные сердца дрожат под ветром испытания. В числе должников есть всякие личности: люди, вокруг которых обвились, как змеи, долги по неосторожности; стадо униженных, которым общество ближних предоставило выбор между грязью порока или грязью и лишениями материальными. В кругу несчастных должников есть жертвы самообольщения, притворства, поддельной невинности. Они вынуждаются сорвать все маски, снять перевязки, чтобы обнаружить язвы и раскрыть глубину сердец. Взор Заимодавца убивает, совесть мучит должников...

Однако Заимодавец не с тем окружил себя должниками, чтобы разорить их в конце. Нет, Он пришел и стал среди них, чтобы взыскать и спасти по-

гибших. Он богат Своей милостью. Должники пред Господом! У Него есть средства загладить отвратительную жизнь грешников. У Него есть взамен вашего позорного одеяния риза оправдания, пред которой самые звезды нечисты. Будь грехи ваши красны как кровь, а совесть черна, как ад,— у Него есть чем сделать все в вас белым как снег и чистым, как небо в утренний час погожего весеннего дня.

Как добр, милостив заимодавец в притче Иисуса Христа — вот одно из свидетельств. Оказался пред лицом его страшный должник в количестве 10 000 талантов. Еврейский талант равнялся 3 000 сиклей. Сикль равнялся по нашему счету 60 коп. серебром, а 10 000 талантов — около 18 000 000 руб. серебром. Ну, словом, неоплатный должник: заплатить этой суммы он не мог. Сообразите, что и грешный человек, если станет пред лицом правды Божией, то он окажется неоплатным должником.

Этому небрежному должнику были указаны законы, угрожавшие наказанием за нарушение честного слова, за обман, за невнимание к общественным обязанностям. Статьи этого закона в Ветхом Завете были грозны. Для примера укажем следующие. В книге Левит написано: “Когда обедневший брат твой (т. е. иудей) будет продан тебе, то пусть до юбилейного года (т. е. семь лет) работает тебе, а тогда отойдет от тебя сам и дети его с ним” (Лев. 25; 39—41).

В книге Исход, гл. 21: “должника еврея, если купишь и как господин дашь ему жену, а она родит ему сынов или дочерей, то жена и дети его пусть останутся у господина его, а он на седьмой год выйдет один” (Исх. 21; 2, 4). *Но если раб скажет:*

Люблю господина моего, жену мою и детей моих, не пойду на волю, то пусть господин его приведет его пред судей, и поставит его к двери или к косяку, и проколет ему господин его ухо шилом, и он останется рабом его вечно (Исх. 21; 5—6).

Когда услышал должник, что заимодавцу угодно было дать распоряжение о применении этих законов к нему, то ужаснулся ожидавшей его неминуемой участи. Все в жизни дорогое и милое утрачено. Несчастный не знал, что ему с собой делать. “Светоносный дух добродетели, Ангел-Хранитель,— учит св. Кирилл Иерусалимский,— вложил в душу несчастного благую мысль, которую он не замедлил осуществить. Он со смирением, в покаянии и слезах повергся пред господином и говорил: *Государь, потерпи на мне, и все тебе уплачу*” (Мф. 18; 26). Бедный должник в своей усиленной просьбе, чтобы склонить заимодавца к милости, дал обет, для исполнения невозможный. Однако в этой просьбе подавляющего бедствия слышатся тон, звуки смирения, страха Божия, раскаяния, надежды. Вопль этого должника напоминает слезную мольбу, отголосок стенаний совести кающегося грешника при выслушании определения, изреченного о его наказании.

Должник не уразумел заимодавца. По учению св. Златоуста, строгим повелением заимодавец только хотел утрашить и тем побудить его к покорности. На первую же просьбу должника заимодавец преклонился. Этот просил только отсрочки долга, а заимодавец, по своему милосердию, простил весь долг. Прекрасный образ Божия милосердия к людям. Мы видим Спасителя, жертвующего Себя людям, кающимся грешникам, под всеми видами отдающе-

го Свое сочувствие, Свои добродетели, Свои силы, богатство Своего сердца и богатство Своей души. Пред несчастными людьми, уязвленными грехом, простирающими к Нему руки с воплем о милосердии, Он — открытый для всех Источник жизнерадостности, никогда не иссякающий, ибо Он всегда почерпает из такого же другого Источника, в Котором настолько благодати, что ее хватит, чтобы оросить ею весь мир.

В этом прощении мы видим образец трогательнейшего сострадания, пример самой искренней благотворительности — жалость, любовь к душам. Впрочем, такие вещи не доказываются, они принимаются чувством, и не может быть, чтобы не находили себе отголоска в ваших сердцах. Исключительную особенность представляет, так сказать, та печать неистощимости, безусловности, беспредельности, которою отмечено Его милосердие. Тогда как у нас с большим трудом добывается оно по каплям со дна сердца, у Него сосуд всегда полон, всегда переливается через края.

Можно было надеяться, что прощенный должник явится в общество обновленным, с неизреченною радостью в сердце, сладкой тишиной в душе, светлостью в уме, глубоким миром в совести, с утишением обуревавших дум и искушений, живейшим ощущением любви к Господу и умножением ревности и сил к труду, подвигам и добродетелям. “В действительности же вот что произошло”, — повествует богомудрый евангелист, передавая слова Иисуса Христа в притче:

Раб же тот выйдя нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто дина-

риев, и, схватив его, душил, говоря: “Отдай мне, что должен!” Сто динариев. Римский динарий стоил на наши деньги около 20 руб.— сумма совершенно ничтожная в сравнении с той, какую простил ему его заимодавец. Помните, он простил ему 18 000 000 руб. Теперь этот счастливец, увидав своего должника, который был ему товарищ, решился истязать его, применить к нему кару, допускаемую только языческим римским законом.

Бедный человек испугался, пал к ногам его, умолял его и говорил: “потерпи на мне, и все отдам тебе”. Страждущий под тяжестью бедности и мщениия, он падает к ногам равного себе, просит отсрочки времени для уплаты долга. Он надеется, что его товарищ отнесется к нему не с мечом римского языческого судьи, но по закону Божию. Закон Божий говорит, что ближний наш, т. е. всякий человек, есть брат наш; что его должно жалеть, любить, как самого себя.

Но тот не захотел, а пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга (Мф. 18; 30). Таким образом, неимущий человек оказался, говоря словом Спасителя, произнесенным в другой раз к смиренным, бездомным, беззащитным Своим ученикам, “овцой среди волков” (Лк. 10; 3). Слишком опасно положение овцы в присутствии волка. Слабость и беззащитность овцы противопоставляется силе, дерзости и алчности волка, и потому жизнь овцы ежеминутно в опасности. Жестокосердый и сребролюбивый человек заточил товарища в темницу.

Так человек делается суровым и жестоким, когда забывает о прощении, полученном от Бога. Забвение собственной виновности делает его в отноше-

нии к другим безжалостным, взыскательным, иногда свирепым. Человек, не сознающий своего греха, расположен с такой же крайней строгостью судить других, сколько бывает снисходителен и потворствует самому себе. Тяжело, больно сердцу слушать, когда люди, общественным положением поставленные на более или менее высокую ступень, сами рабы похотей, истязуют товарищей, равных им по происхождению, по воспитанию, а может быть, и образованию и превосходящих их в смиренной доле нравственностью.

Увы! Эти надменные люди в отношении им подчиненных поступают совершенно противоположно наставлениям святого ап. Павла, который внушал своему сотруднику в деле служения Церкви щадить им пасомых, никогда не забывая о том, что мы сами некогда были несмыслены, упрямы в заблуждении, были рабами похотей и различных страстей (Тит. 3; 1—3). У евангелиста Матфея в 1 главе читаем о добром деятельном бедном Иосифе такие слова: “Иосиф, муж Марии, будучи праведен, и не желал огласить Ее” (Мф. 1; 19). Вот скромный, великодушный человек; проще сказать: “Это — человек!”

Товарищи его, видев происшедшее, очень огорчились и, придя, рассказали государю своему все бывшее (Мф. 18; 31). По милосердию Божию, в мире не без добрых людей. Он одного часа не устоял бы, если бы их не было. Это те хорошие люди, в которых делает перевес закон духа над законом плоти, по слову ап. Павла (Гал. 5; 16—17). Такие люди откровенны, простосердечны, миролюбивы, искренни. Чужое горе им так же больно, как их личное,

а иногда оно тяжелее. Доброе имя ближнего для них так же драгоценно, как собственное. *По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13; 35).

Огорченные товарищи рассказали все бывшее своему государю. Это был не донос, а вопль совести, требующей, чтобы несчастья и бедность добродетельного человека не были предметом ожесточенного, несправедливого и глумливого преследования, чтобы торжество правды загладило позор, опустившийся над невинным. Товарищи несчастного, как истинные слуги Небесного Царя сетуют о всяком насилии, не укрывающемся от их взора. Печальные дела, которых они сами не могут исправить; зло, которое они не в состоянии врачевать, они исповедуют в молитве пред Господом. И молятся они Царю царей о несчастных рабах Божиих — скорбящих, бедных, больных, о сиротах бездомных, вдовах неутешных, обманутых и ожесточенных душах, которым земля приносит лишь клубы пыли на утоление томящей их жажды.

И как свидетельствует притча о немилосердом рабе, их исповедь, жалобы и молитвы не бывают напрасны. Он, Царь Всеправедный, во время земной жизни восклицал на распутьях и торжищах: *Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас, и найдете покой душам вашим* (Мф. 11; 28—29).

Тогда государь призывает его и говорит: *“Злой раб! Весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня. Не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?”* (Мф. 18; 32—33).

Что мог ответить в свое оправдание этот человек, проникнутый безумным поверием, будто все счастье жизни заключается во внешних благах, которые мы называем почестями, богатствами? Человек чувствует себя до такой степени ограниченным и сжатым в себе самом, что из гордости ему стыдно видеть себя заключенным в такие тесные пределы. Но так как он не в силах прибавить себе ни росту, ни красоты, ни самостоятельности, он старается убажить себя пустым, воображаемым величием, собирая вокруг себя что может. Он думает, что вводит, так сказать, в состав своего существа все приобретенные богатства и почести.

Этот человек, которого в притче Своей Иисус Христос назвал *злым*, должен служить нам пугалом бессердечности и в то же время духовного бессилия. Оставим его и обратимся к людям противоположного настроения. Вот работник, добывающий свой хлеб в поте лица, по окончании дневного труда сходится у своего убогого очага с женой, с детьми. Морщины на челе его сглаживаются, сердце веселеет, все существо отдыхает, он останавливается на несколько минут на краю своего тернистого пути и садится под тень, уготованную ему Богом. У него есть свой стакан воды студеной в пустыне жизни, есть хлеб насущный удовольствий сердечных.

Каждый честный труженик, всякий из добрых христиан относительно забот житейских немного походит деятельностью и привычками на голубя, выпущенного после всемирного потопа на опустошенную землю и утверждающего на ней свое жилище. Он не гонится для этого за душистыми рощами.

Ему достаточно вершины скалы, ветки, обломка, чтобы отдохнуть на лету. Приют в задушевном смысле этого слова, приют для души нам не найти на земле. Всякий благочестивый христианин понимает, сознает и чувствует, что долго, а тем более навсегда ему не следует останавливаться ни на одном из роздыхов нашего земного странствования.

IV

Обратимся к немилосердому рабу, стоящему пред государем. Государь в первое свидание обошелся с ним как заимодавец с должником. А теперь? Вот чем кончилось это второе свидание. Государь явил себя судьей, изрекающим приговор преступнику.

И разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга (Мф. 18; 34).

Тяжелая доля ждала узника в руках истязателей! Ожесточенное, торжествующее преследование, сопровождаемое гнуснейшими поруганиями, добывало у него признание, не хранится ли где у него спрятанное имущество. В древности для неисправных и неоплатных должников существовали узаконенные пытки: например, наложение тяжелых цепей на шею, на руки и ноги; уменьшение пищи до размеров, едва достаточных к поддержанию жизни; разные позорные одеяния, в которых выводили должника на площади, водили его по улицам, где жили его дети, родственники, друзья, желая этим вымучить у сострадающих уплату. Вот почему святой ап. Павел в 13 главе Послания к римлянам убеждает христиан не должать. Он говорит: *Не оставьтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви (Рим. 13; 8).*

“Так и Отец Мой Небесный сотворит вам, если не отпустите каждый брату своему от сердца вашего прегрешения их” (Мф. 18; 35) — заключительные слова притчи Иисуса Христа. Как бы кто ни был грешен, но всегда надеется получить прощение в своих грехах. И эта надежда для верующих тем прочнее, что Сам Иисус Христос подкрепляет ее обещаниями отпустить или простить грехи под известными условиями.

По сказанию прочитанных слов из Евангелия, Господь Бог обещает всем нам простить грехи под условием, если мы сами вполне и чистосердечно простим грехи ближним своим, и не обещает прощения грехов, если мы сами не простим грехов ближним своим.

Почему же Господь Бог Своё прощение нам грехов поставляет в неразрывной связи с нашим прощением всех обид нашим ближним? Потому что по неизменяемому существу Своему Он есть любовь — как говорит апостол, *Бог есть любовь* (1 Ин. 4; 16), и, следовательно, только те могут иметь с Ним общение, которые успели, так сказать, превратиться в богоподобную любовь. *Пребывающий в любви,—* говорит св. Иоанн Богослов, *— пребывает в Боге, и Бог в нем* (1 Ин. 4; 16).

Напротив того, кто не усвоил себе этой богоподобной любви ко всем своим ближним, кто таит до времени мщение или тщеславное презрение в своем сердце к кому бы то ни было; кто для удобнейшего отмщения нелюбимому человеку соблюдает до времени приличные, как говорят, к нему отношения: лукавит пред ним и подчас уверяет его в своем благорасположении — такой человек упо-

добляется диаволу — отцу лжи, хитрости и лукавства. И потому никогда и нигде не может иметь общения с Богом, т. е. ни на земле, ни на небе. Не потому, чтобы Господь Бог, “желающий всем спастись и в разум истины прийти” (см. Иез. 33; 11), не хотел допустить их до общения с Собою, но потому, что по Самому существу Своему не может. Ибо Он есть любовь, а они — ненависть; Он есть истина, а они — ложь; Он есть правда и мир, а они — хитрость и лукавство; Он — милость, а они — корысть и жестокосердие.

Господь Бог и Спаситель наш, прощая грешников, располагает нас к прощению всех обид ближним. Желание получить от Него прощение в своих грехах вынуждает нас к тому же прощению обид ближним. Мир и спокойствие каждого общества требуют того же братского снисхождения, всецелого прощения.

Кто сколько-нибудь знаком с сущностью христианского учения, тот уже знает, что Бог Отец для уничтожения вражды послал в мир Единородного Сына Своего, что Единородный Сын Божий, примиряя грешный мир с Богом, пострадал и умер. Прилично ли же после того христианам враждовать друг с другом, мстить друг другу, из глубины своей нечистой души извлекать подозрения, вредить, унижать и радоваться, если не нравящийся нам человек терпит какое-либо несчастье?

Нет, хитрецы, притворщики могут до поры до времени иметь успехи в этой жизни, но такой человек, т. е. ненавистник других, — не христианин, и непримиримая ненависть несовместима с духом учения христианского. “Ни за что, никогда не прощу

врагу моему, — говорят некоторые из христиан, — потому что не могу переродиться и забыть обиды, нанесенной мне от такого-то и такой-то”. Если так, то с этого священного места возглашает им любящий евангелист Иоанн: “Ни за что и никогда не простит самих вас Господь Бог”.

Если не для Бога, то ради самих себя, ради собственного вашего очищения от грехов и ради спасения, ради доброй памяти о вашей жизни на земле вы должны простить все недоразумения, обиды и неприятности вашим ближним. Знайте, что ненависть вас погубит, а любовь спасет.

Вы хотите радоваться несчастьям нелюбимого вами лица, улыбаетесь горьким слезам и внутренним страданиям его, а для этого усиливаетесь подвергнуть его тяжкой доле, сокрушающей человеческую жизнь. Но эта радость не только нехристианская, но и нечеловеческая. Злу радуется только диавол. Эта радость внешняя, мишурная, а по существу своему она есть удовлетворенная жажда досады, проклятия.

И что было бы с обществом, если бы оно состояло из людей коварных, непримиренных, лукавых и мстительных? То, что и представить страшно. Каждое оскорбление в такой живой среде сопровождалось бы мщением, каждое мщение — несчастием и истреблением общества.

За оскорбленного обыкновенно вступаются другие, почему-либо близкие люди; за обидчика — его знакомые и приятели. Две стороны увеличивают зло в своих понятиях и суждениях. Возросшее зло выражается в нескромных и обидных словах. От слов перерождается в действие — и враждебные дейст-

вия подвергают общество бедствиям, которые мало-помалу доводят его до унижения, срама, стыда. Увы! Бедное общество: “свои своих не приняли” (см. Ин. 1; 11). Старший подозревает в младшем соперника, младший видит в старшем притеснителя. Между ними полная неискренность, подозрительность, внутреннее неуважение, хитрая терпимость. Достаточно искры огня, чтобы возник пожар неугасимый и зло неутолимое.

Ради Бога, ради Христа Спасителя, ради собственного нашего благоденствия на земле и спасения в вечности будем, православные христиане, взаимно и от сердца прощать все обиды друг другу. Нет сомнения, что еще было бы лучше, если бы мы совсем никогда не оскорбляли друг друга. Тогда бы мир Божий водворился в наших сердцах, благоухая чистою радостью и полным довольством.

Но мы не Ангелы. Часто подвергаемся недоразумениям и ошибкам, часто увлекаемся страстями. И от этих-то ошибок и страстей являются обиды и оскорбления. Не имея возможности предотвратить немирные отношения до их возникновения, будем уничтожать зложелательность при самом ее появлении взаимным друг другу прощением обид и оскорблений. И если бы кому это прощение казалось трудным, то он может себе облегчить этот труд многими размышлениями.

Когда нам трудно прощать своих обидчиков и врагов, то вспомним о Спасителе нашем, чтобы почувствовать безмерную добродетель и святость всепрощения. Вспомним о последних днях Его жизни. Это не будет в сторону от объяснения изъясняемой

притчи, имея в виду, что мы, живущие, проходим теперь поприще святой Четыредесятницы.

Вот сошлись, собрались от всех четырех ветров те, которым предстоит участвовать прямо или косвенно в позорище Иисуса Христа. Тут Пилат, Ирод, Каиафа, священники, сенаторы, слуги, служанки, воины преторианские, гнусный народ, разбойники, осужденные на смертную казнь; низость, предательство, лицемерие, холодная жестокость — все исчадия греха. Каждый может смело бросить свой камень оскорбления. И действительно, многие ухищряются приумножить, усложнить, утончить муки, набавить казнь на казнь. Уязвления, насмешки присоединяются к потокам жестокости: преклонение пред Ним колен и плевание Ему в лицо, напоение желчью, пронзание разом и сердца, и трепещущей плоти.

На пречистую голову собрана такая громадная мука, от которой потряслась земля и от ужаса померкло солнце. И что же? Злодеям все-таки не удалось возбудить в Его любящем сердце ничего, кроме новых и неизмеримых пучин благости и мира. Ни одной жалобы, ни одного слова уныния, ни одного облачка горечи, ни одного движения сдержанного гнева или отчаяния. На самые ядовитые глумления не было иного ответа, кроме конечного и недостижимого выражения самого ровного и самого нечаемого милосердия: *Отче! Прости им, ибо не знают, что делают* (Лк. 23; 34).

Подумаем же, что чрез прощение нелюбящим нас, не признающим за нами должного достоинства, мы уподобляемся Спасителю, а чрез мщение и презрение к ближним — распинателям Его, и выберем любовь. Что касается меня, то как сын Церкви я

избираю первое и отказываюсь от последнего. Еще: прощать обиды и оскорбления несравненно труднее, нежели мстить за них. Чтобы простить, надо преобладать самого себя; чтобы отомстить — быть побежденным от гнева. Нет, мы решимся на совершение труднейшего подвига и не допустим себя действовать, как делают капризные, бесхарактерные женщины и избалованные дети.

Еще: прощение обид и оскорблений влечет за собою мир и спокойствие, а мщение или недоброжелательство, в каких бы видах ни обнаруживались — в форме ли грозной свирепости сильного или в коварной улыбке низкого лжеца, — вызывают беспокойство и тревогу. Не правда ли, что прощение лучше, нежели мщение?

Еще: прощение обид и оскорблений приближает и соединяет нас с Богом, а мщение удаляет от Него. Ужели же мы последнее предпочтем первому?! Нет, нет, это невозможно; не правда ли, братие и сестры мои? Дадим в своей совести обет оставаться верными учению Владыки совестей, водворившего любовь на земле. Этот обет произнесем неотложно. Святой ап. Павел вот что говорит нам всем в своем Послании: *(И) начавший в вас доброе дело будет совершать его даже до дня Иисуса Христа* (Флп. 1; 6). Господь Бог да вразумит и расположит нас ко взаимному прощению всех и всяких обид и оскорблений, вчерашних и завтрашних, настоящих и будущих, для славы всесвятого Своего имени, для общей нашей пользы и для спасения всех и каждого. Аминь.

5 марта 1899 г.

БЕСЕДА ПЯТАЯ

(На Евангелие от Матфея, 25: 14–30)

I

Смутное время переживала Палестина во дни явления на земле Господа нашего Иисуса Христа. Это время было богато надеждами, ожиданиями и запросами, но было бедно средствами удовлетворения духовных потребностей. Книга откровения хранила для иудеев дорогие заветы Божии и указывала им чистое учение веры и нравственности. Но при чтении этой боговдохновенной книги темное покрывало лежало на глазах Израиля. Он, видя и слыша, не разумел завещанного ему — а в его лице всему человечеству — откровения и не столько извлекал из него просветительные начала, сколько в него старался вложить свои плотские воззрения, выросшие на познания еврейского народа в течение длинной переменчивой его истории.

Из среды его возвышались особенные знатоки и толкователи закона и пророков. Но для верного толкования Божественного слова мало одного механического знания: для этого нужно живое действие духовного чувства, Божественной истины. А его-то и недоставало иудейским книжникам, считавшим буквы и слова и не умевшим уловить вложенную в них силу духа и истины.

Ожидание Мессии, обетованного Избавителя, было средоточием всех помыслов народа. Имя Его было на устах всех, и все с особенным вниманием следили за признаками времени, как бы допрашивали годы, месяцы и дни, скоро ли явится Тот, к Кому направлялись умы и сердца их отцов и дедов. Но этот

ожидаемый Мессия в умах народа не был Тем, Кем его представляли пророки и воздвигаемые Богом ревнители духовного закона — по выражению пророка Иезекииля, “уста народных желаний”. Задушевные желания порабощенного народа видели перед собой в будущем величественное царство, в котором каждый еврей будет себя чувствовать господином и властителем; ожидали, что явится Мессия и облагодетельствует евреев за то, что они потомки Авраама, Израиля и других патриархов; полагали, что в новом царстве они все будут блаженствовать без всякой с их стороны личной заслуги, по одному к ним благоволению Божию.

Однако такие мечты не находили себе основы в душах, ищущих правды. Блуждающие сердца, проводившие в томлении время, слышали могучее и кроткое слово, запечатленное достоинством внечеловеческим, от св. Иоанна, сына Захариина. Он, просвещенный Духом Божиим, указывает в новом ожидаемом царстве грозные судьбы, отвержение всех неправедных. Он говорит своим современникам, что они при своей нравственной косности не годятся в царство Божие, их не примут там, они подвергнутся жестокому осуждению, если не начнут новой жизни.

Но проповедь Иоанна о приближении царствия Божия была лишь сиянием денницы пред солнцем; свет же этой денницы — полумрак в сравнении с ярким светом наступившего за нею дня. Явился Спаситель мира. Лучи света Божия озарили пред уверовавшими в Него таинственную область будущего и давали им возможность видеть выдающиеся здесь звездные точки, как не мог их видеть доселе никто *из рожденных женами*, по Божественному слову

Спасителя (Мф. 11; 11). Спаситель открыл апостолам, искренним слушателям Его Евангелия, и нам, меньшим членам царствия Божия, судьбы этого царства, а также благодатные, просвещающие и спасающие средства для его достижения — открыл яснее, нежели предлагала верующему вся ветхозаветная Церковь.

Проповедуя о царстве небесном — царстве правды и добродетели, об избрании в новое царство добрых, приготовленных к нему, и об отвержении глухих к словам истины, Господь наш Иисус Христос рассказал Своим ученикам и множеству народа, который сопровождал Его (всем питавшим ложную надежду на то, что Иисус, пришедши в Иерусалим, скоро, скоро откроет царство Божие), три притчи, имеющие, по толкованию и изъяснению св. учителей Церкви, один и тот же поучительнейший смысл. Эти притчи: первая — о десяти девах; вторая — о талантах и третья — о минах.

В настоящей духовной беседе я предлагаю братьям-христианам общее изъяснение притчи о талантах. Братское ваше внимание к слову истины служит мне ручательством надежды на то, что Божие слово озарит наши умы, что оно, святейшее слово, падет на наши сердца и в глубине их произведет действия, оплодотворяющие душу прекрасными мыслями, благородными чувствованиями и добрыми делами.

Один человек, отлучаясь из дома на долгое время, призвал своих рабов и раздал им свое имение, чтобы в его отсутствие они трудились и трудом, по возможности, умножили то, что было дано им. Двое в точности исполнили волю своего господина. Но один из рабов, по лености, совсем не исполнил. Ленясь

трудиться, он закопал в землю данную ему сумму, провел все время в праздности, и когда воротился господин, он отдал ему эту сумму в том виде, как она ему была дана. Зато нельзя довольно представить себе гнева, в который пришел господин его, и наказания, которому он подверг нерадивого раба. *“А негодного раба,— сказал он,— выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов”* (Мф. 25; 30).

Вот и значение притчи.

У всех нас есть Владыка, Который каждого из нас наделил различными талантами для того, чтобы добросовестным трудом и подвигами мы усовершенствовали их, возрастили, умножили. Кто Владыка Этот? Бог. Что за таланты, данные нам? Это, во-первых, различные дары природы — высокие способности души и тела, которых так много каждому из нас дано от Господа. Это, во-вторых, дары благодати, которые получаем в христианских Таинствах. Это, в-третьих, многие другие, более случайные пособия к нравственному и умственному нашему совершенству, как-то: доброе воспитание, известное положение в обществе, определенное происхождением, способностями, вещественными средствами и проч. Припомним некоторые из этих даров и талантов.

Во-первых, благочестивые слушатели, жизнь есть первый наш талант от Господа Бога. Высокопреосвященный Филарет в одном поэтически-вдохновенном послании выразил простыми, внятными душе каждого из нас, незабвенными словами: *“Жизнь не случайно, не напрасно, Но от Бога нам дана...”* Жизнь — талант от Господа. Другой учитель Церкви нам говорит: *“Жизнь — это что-то находящееся во мне,*

мое, и вместе с тем — нечто, постоянно от меня ускользающее. Тайна ее от меня сокрыта, и я сознаю лишь, что она не от меня и не в моей власти”. Да, жизнь — талант, дарованный от Господа.

Третий мыслитель приглашает ум наш погрузиться в тот же предмет. О, какой трудный предмет для мысли, желаний и забот! Когда я начинаю размышлять о жизни, какая это загадка! У меня самые различные суждения о ней, о жизни, самые противоречивые. Я считаю ее и хорошей, и дурной; я ценю ее и презираю; я стараюсь сохранить ее как что-то ценное и дорогое, и в то же время расточаю как нечто, ни на что негодное. То для меня нет ничего более великого и высокого, чем жизнь; то ничего более жалкого, гадкого и дурного. То я утомлен ею и чувствую к ней отвращение, то она влечет меня к себе, и я ею наслаждаюсь. Я стремлюсь к жизни, люблю жизнь и хочу жить.

Мы не знаем, что думать о ней, так как смотрим на нее с весьма различных сторон и даже с противоположных точек зрения. Да, это загадка; мы хотим ее разгадать и не можем. Это практическое дело, которое нам нужно вести, — предстоящая битва. Нам нужен лозунг. Где нам его найти? Нам открывает слово Божие всю тайну жизни. Жизнь есть первый талант, данный нам от Бога.

Без воли Божией мы не можем ни на волос прибавить себе жизни, но зато, при помощи Божией, сколько доброго, высокого, благородного мы можем сделать из этого дара Божия, сколько сокровищ духовных можем приобрести! Вспомните, что приобрели жизнью святые Божии, на какую взошли они высоту добродетели. Чем достигли они ее? Тем, что,

живя, никогда не теряли из виду цели жизни, ревностно прославляли Бога исполнением Его святых заповедей.

Истинное познание Бога необходимо выражается исполнением заповедей Божиих. Только такое познание — спасительное познание, оправдывающее цель жизни, оправдывающее доверие Господа, одарившего нас драгоценным талантом разумного существования. О таком познании и Христос Спаситель говорит: *Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого Истинного Бога* (Ин. 17; 3).

Это знание доставляет человеку счастье — по словам Иисуса Христа: *если это знаете, блаженны вы, когда исполняете* (Ин. 13; 17). О том, как ценит Иисус Христос доверие к Нему в исполнении заповеданного им, Он Сам говорит: *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня* (Ин. 14; 21). Иоанн Богослов тужил о тех, которые легкомысленно относятся к жизни, превратно понимая цель своего существования. В первом Послании своем к христианам он писал: *Кто говорит, “я познал Его”, но заповедей Его не соблюдает, тот лжец и нет в нем истины; а кто соблюдает слово Его, в том истинно любовь Божия совершилась* (1 Ин. 2; 4—5).

Святые Божии люди отличались в своей земной жизни тем, что каждую ее минуту считали драгоценной и, не тратя времени на занятия пустые и ничтожные, скорбели, если леность тела и суета мирская отнимали иногда у них час один на какие-либо потребности или слабости нашей грехом зараженной человеческой природы. Работы много для истинного христианина. Волей Господней вручен каждо-

му из нас талант жизни. Владыка Господь щедр, многомилостив, но строг, как сама справедливость. Чтобы талант жизни не был закопан в землю, он должен быть в живом обращении, озаряемом любовью к подобным нам. Мы должны делать для них все то, чего желали бы мы самим себе, и особенно, по примеру св. угодников Божиих, заботиться о том, чтобы предстать пред Раздавателем талантов непостыдно, не подобно нерадивому рабу.

II

Во времена Петра I жил Киевский митрополит Феофан. В одной из своих проповедей, разъясняя притчу о талантах, он говорил: “Чтобы талант жизни усугубить, вот как поступи, кто бы ты ни был — стоишь ли на высоте, или на середине, или внизу на ступенях жизни. Видишь невежество ближнего — наставь его; видишь брата или сестру, претыкающихся или падающих в грех — поддержи их, отведи от греха; видишь изнемогающего от малодушия или уныния — утешь его. Увидишь труженика, твердо и благоуспешно работающего в своем звании — сорадуйся ему. Видишь слабых, вдов, девиц, одиноких, всеми забытых, всеми оставленных, отверженных — прими их к своему сердцу, прими скорби и неудачи братьев и сестер твоих и усердно моли Бога о помощи бедствующим”.

Так и мы должны жить, благочестивые слушатели. Жить и просто, и искренне никому не обидно; только нам тяжело, но ведь без труда можно сделать лишь одни гадости. Будем же жить так, чтобы наша жизнь не была во зло себе самим, чтобы нам

не походить на ленивого раба, о котором говорит притча Господа.

Душа наша, ее высокие силы и способности — другой талант. Нет нужды говорить, как бесценен талант этот. В целом мире ничего нет выше и драгоценнее человеческой души, особенно после того, как ее искупил Господь наш Иисус Христос. Для нее, для ее спасения Он, Сын Божий, нисходил на землю, страдал на Кресте, умер и Сам сказал в Евангелии, что ничего нет в мире дороже души нашей. Как страшно такой бесценный дар оставлять в небрежении, не раскрывать способностей ума, не заботиться о добром расположении воли, о чистоте сердца! Святой апостол Павел в одном из наставлений, преподанных ефесским христианам, писал: *Не будьте нерассудительны, но познавайте, что́ есть воля Божия* (Еф. 5; 17).

Многие из нас не приложат к себе этих поучений апостола. Могут сказать: “Ужели я несмыслен? Я веду свои дела как нельзя лучше. Покупаю, продаю. Умею соблюсти выгоды, умею начертить планы для будущего. Умею приказать, и мои приказания исполнят. Умею словами и положением своим общественным одолеть многих”.

Но апостолы не говорили неправды: их устами вещал Дух Божий. Многие люди успокаиваются на вышеприведенном рассуждении и оканчивают тем же, чем нерадивый раб пред господином, возвращая ему данный талант. Они как бы говорят Жизнодавцу: “Ты дал мне жизнь. Бери ее, а я поживу для своего удовольствия”. Такие люди не знают воли Божией о себе.

Для чего человек на земле? Христианское дитя, обученное родителями двум-трем молитвословиям, ответит на этот вопрос удовлетворительно, если скажет: “Для того, чтобы человек прославлял своего Творца и Спасителя исполнением Его Божественной воли: разум свой просвещал, волю укреплял, сердце имел в себе чистое, милое, доброе, неживое”. В этих преимущественных качествах, отличающих человека от неразумных тварей, начертан образ Божий. Ими человек постепенно все более и более совершенствуется и уподобляется своему первообразу — Богу.

В этом и состоит благоразумное распоряжение данным нам талантом — жизнью. Вне этого условия человек, на какую бы высокую ступень общественных удач ни добрался — ползком ли, как пресмыкающаяся амфибия, или же нахальством, — он не будет обладать истинным благоразумием человеческим. Пусть он много знает, но не знает того, без чего все другие знания бесполезны. Пусть он много и делает — целые сутки у иного человека употреблены на счета и расчеты человекоугождения, — но он не делает того, для чего создан он и в чем состоит его истинное назначение.

Спаситель учит: *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мф. 16; 26). То же можно сказать о человеческих делах: какая польза человеку, если бы он все знал в мире, но не знает необходимого ему? Какая польза человеку, если бы он все умел делать, да не делает того, что поручено ему Господом Богом, что необходимо для его спасения? На что походит человек, когда он, сумев подняться над другими внешним своим положением, делает все это по личным, земным

побуждениям, забывая о Талантораздаятеле, Господе Спасителе?

Святитель Василий Великий нашел верное сравнение. Такого человека можно уподобить картине, на которой было прекрасное изображение, но потом слиняло и едва-едва сохранило прежние свои черты, а кто-то, не знающий правил художества, думая поправить картину, без мысли глубокой набросал на нее разные краски, нисколько не соглашаясь со значением картины. Что же из этого вышло? Картина не только не улучшилась, но обезобразилась.

То же бывает и с человеком, когда он свои познания и дела направляет к себялюбивым целям. Тогда его жизнь, одаренная талантом сердца, ума, чувств, воображения, представляет собой линючий ситец: ведь и он бывает очень часто красив; но прикаснитесь к нему ближе — он замазывает вам руки и даже лицо.

Нам столько дано и дается еще талантов, что в короткое время нельзя даже обозреть их все. Едва мы вступили в жизнь, как освящены были Крещением, в котором приняли дары возрождающей благодати Духа Святого. Во Христа крестились, чрез это во Христа облеклись, т. е. чрез Крещение, по вере в Иисуса Христа, усвоим Его богочеловеческие заслуги, которые приобретают нам право *быть чадами Божиими* (Ин. 1; 12). Вот драгоценное и необходимое наше украшение, о приобретении которого мы более всего должны заботиться.

Мы все приняты в лоно Христовой Церкви, в живые члены ее. И это дар, талант неизреченного милосердия. Нужно вести себя, как прилично членам

Церкви, сыновьям и дочерям ее, оказывая во всем ей послушание.

Для очищения вольных и невольных грехов наших Церковь предлагала и всегда предлагает нам Таинство покаяния. И это талант, дар, после которого нам каждый раз должно делаться лучшими и приобретать долю чистоты и святости. Надобно внимать себе, чтобы не подвергнуться крушению среди моря житейской суеты и соблазнов. Надобно развивать в себе дух терпения, постоянства в добродетели: в счастье не забываться, а в несчастье не малодушествовать; не внимать людским мнениям, не увлекаться худыми примерами. Надо беречь время. Оно, как вода в реке, быстро утекает и не возвращается.

В Таинстве Св. Причащения мы принимаем самое Пречистое Тело и самую Пречистую Кровь нашего Спасителя и вступаем с Ним в самое тесное таинственное общение. Это такой дар, какого не дано и самим Ангелам. Причащаясь Св. Таин, мы вкушаем Пищу нетленную, небесную, превышеангельскую и соединяемся со Христом Богом. Не видят этого наши чувственные взоры, но внятнее громогласной трубы Сам Господь возвещает и повторяет нам эту тайну: *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем* (Ин. 6; 56).

С нами Бог, и мы с Богом! В нас Господь, и мы в Господе! Кто благоговейно созерцает в себе Господа, тот имеет в своей душе любовь, радость и мир во Святом Духе. Это приумноженный талант.

Для возбуждения в нас духа молитвы Церковь установила благолепное служение в храмах. Нужно пользоваться этим учреждением для назидания и возвышения наших душ. Без сомнения, есть между нами

такие, для которых эти и другие дары Божии не остаются без пользы. Но, истинно, велика скорбь, если между нами окажутся и такие, которые, получив таланты от Господа, не радят о них и живут так, как будто вовсе не получали от Бога ни души богоподобной, ни Божией благодати.

Нам всем, благочестивые слушатели, по особенной милости Божией, выпал на долю еще особенный талант, который не всякому дается. Талант этот — быть воспитанными в православном христианском вероисповедании, жить в сердце Русской земли, в городе, славном историей добрых дел, — Москве, под покровом св. угодников Божиих, просветителей всей земли нашей, ходатаев, заступников всех православных христиан.

Помыслите, где вы теперь, в этот час, предстоите в молитвенном настроении души!* Кругом вас — гробы благочестивых Царей и Великих Князей, исповедовавших нашу православную веру, устроителей нашей великой страны. Вы — те растения, которым посвящен особенный уход; тот евангельский виноградник, на который обращена вся заботливость. Вам дают в руководство вашего поведения и благоговейное богослужение, и урок проповеди, чтобы вы возрастали в спасении, приобретали прочную основу жизни, усваивали доброе направление: труд, трезвость, чистоту плотскую и духовную и иные благостыни благочестия.

Что же, если бы семена добра, столь обильно сеемые, в ком-либо из нас не принесли соответствен-

* В Московском Архангельском соборе погребены Великие Князья Московского княжества и Цари Московские.

ных ожидаемых плодов своих? Если бы ни духовные заботы о вас, ни уроки беседований церковных, ни отрадное церковное пение, ни благоговейное богослужение не произвели в вас истинно доброго настроения, которое одно может составить ваше временное и вечное спасение? Какой отчет дал бы такой человек из вас пред Богом за время, проведенное в праздности, за труды ваших духовных отцов и священнослужителей, учителей, обращенные вами в прах; за их надежды, вами уничтоженные, за их любовь, бескорыстность и доброжелательность, вами отвергнутые?

О, такой человек должен быть назван нерадивым рабом! О, такой христианин — не христианин, а непотребный раб. Ему уже и приговор готов. Откройте Евангелие, 25 главу от Матфея, и прочтите от 14 до 30 стиха, и там найдете грозные слова: “И непотребного раба сего,— сказал Мировладыка,— ввергните во тьму кромешную: там будет плач и скрежет зубов”.

Не должно оставлять в небрежении даров, данных и неукоснительно подаваемых Божией благодатью. Мы теперь живем на земле, а потом — или похвала, или осуждение, награда или наказание, небо или ад! Станем же жить так, чтобы получить небо, а не ад. У нас одна душа, а погубив одну, другой души не получим. Будем же хранить нашу душу, будем в целомудрии хранить и тело, чтобы блюсти их от всего, что может погубить или даже запятнать их. Нам дано пользоваться благодетельными средствами церковных Таинств только до тех пор, пока живем на земле. Вообще будем чаще припоминать притчу о талантах и стараться употреблять на пользу все блага, которые даровал или еще дарует Всеми-

лостивый Спаситель для нашего временного и вечного спасения.

Слава Богу! Ночь прошла, а день приблизился. “Слава Тебе, показавшему нам свет!” Свет Христов просвещает всех. Аминь.

Март 1900 г.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ

*(На Евангелие от Марка 1; 21–28
и Евангелие от Матфея 15; 21–28, 17; 14–21)*

В настоящей воскресной беседе, при наступлении третьей недели Великого поста мы собрались вспомнить о словах и действиях нашего Спасителя Господа, в которых Божественное человеколюбие передало Своим последователям заветы Своей промыслительной благодати. Много знаменательных наставлений, утешений и обетований заключают в себе они для верных последователей Христа, Учителя любви.

Из призываемых к свету Божественной мудростью и во дни тяжелых испытаний, так часто посещающих нас, десятки поколений и в них тысячи страдальцев черпали в евангельском повествовании о чудесах, совершенных Иисусом Христом, неизъяснимую силу оживления и ободрения для своей изнемогшей души, ищущей примирения с Богом, и с самим собою, и с ближними нашими. Поистине земная жизнь Иисуса Христа, Его учение и общественное Его служение, по изречению св. Иоанна Богослова, были *свет человеков* (Ин. 1; 4).

Открываю указанное в нашем собеседовании евангельское повествование об исцелении бесноватого в капернаумской синагоге. Об этом чудотворении благовествуют ап. Марк в 1 главе, а ап. Лука — в 4 главе своих славных Евангелий. “И приходит Иисус в Капернаум” (Мк. 1; 21). Он прибыл сюда, окруженный четырьмя Своими учениками (Мф. 4; 13, 8; 14–17, Мк. 1; 21–39, Лк. 4; 31).

Капернаум — маленький город, расположенный у берегов Галилейского озера, с двумя или тремя тысячами жителей. Как большая часть восточных древних городов, Капернаум был огорожен каменной стеной. По крутому берегу раскинуты были незатейливые постройки из черной лавы — дома обитателей; улицы обсажены плодоносными деревьями. Все пространство, занимаемое городом, представляло из себя как бы долгий зеленый сад.

Иисус Христос в Капернауме остановился в доме Своего ученика Петра, пригласившего Учителя воспользоваться гостеприимным кровом. День был пятница — как указывает евангельское слово, “вскоре перед субботой” (Мк. 1; 21), — по свидетельству христианского ученого-историка. Вечер. По установленному обычаю, когда стало заходить солнце, с кровли капернаумской синагоги раздался условный тоекратный громкий, подобно колоколу, трубный звук, означающий, что рабочие люди должны окончить свой недельный поденный труд. При втором звуке купцы закрывали свои лавки, прекращая куплю и продажу. Третий трубный звук — иудеи должны были в своих домах возжечь лампаду — так называемый суббот-

ний светильник, который не гасили до вечера субботнего дня.

Настала ночь. Иисус Христос, Который *вчера, и сегодня, и во веки Тот же* (Евр. 13; 8), провел часы на уединенной горе, оставаясь там наедине — по выражению св. Златоуста — со Своим Небесным Отцом. На уединенных высотах, у развесистых пальм, до Спасителя не достигал шум людской молвы и суетной деятельности, и Он мог найти Себе здесь успокоение после дневных Своих трудов. Обширная панорама суши и воды Галилейского озера при лунном освещении расстилалась пред Ним, Сыном Божиим, со всех сторон.

Мы можем вообразить, как Он распростирает Свои руки, как будто все желал прижать к Своему сердцу, и затем преклонялся пред Господом, ходатайствуя за грешников. Как во время этого благоговейного преклонения Он касался Своим челом, молясь за людей, которых Он называл друзьями, чадами и братьями, произнося слова, исполненные бесконечной и самой нежной любви к человечеству. Его молитва охватывала весь мир и представляла его Небесному Отцу. Его молитва была святым взаимным общением, беседой с Богом Отцом. Так протекали часы ночи для Иисуса Жизнодавца в Капернауме.

В субботу вошел Он в синагогу и учил (Мк. 1; 21). Утреннее богослужение в синагоге у евреев Палестины повсеместно начиналось в девять часов. К этому времени двигались толпы людей к месту молитвы. Согласно обычаю, женщины-израильтянки всех возрастов шли в синагогу задними улицами, а мужчины — лицевыми, направляясь в синагогу медленными, так называемыми “субботними”, празд-

ничными шагами. Внутри синагоги каждый иудей занимал предварительно указанное старейшинами место.

Началось субботнее богослужение. Оно состояло из чтения избранных молитвословий, заимствованных, по уставу старейшин, из псалмов и пророческих книг. Молитвословий полагалось на субботней службе восемнадцать. Они были произносимы внятно, неспешно чтецом, обладавшим громким приятным голосом. Прочитав молитву, чтец останавливался, а народ произносил громогласно: “Аминь” (“Истинно! Да будет!”).

Молитвословие окончено. Начиналось песнопение, соответствующее субботнему дню. Каждый иудей имел при себе свиток песнопений. Чтец громко произносил один стих из закона. Богомольцы, присутствующие в синагоге, хором оглашали прочитанный стих. По окончании молитвословия и песнопений главный из старейшин возглашал слова: “Равви, научи”. Тогда восходил раввин, или учитель закона, на указанное место синагоги и проповедовал.

В этот незабвенный день субботы в капернаумской синагоге присутствовал в числе молящихся Иисус, наш Спаситель. Старейшины предложили Ему как лицу, имевшему учеников, как раввину объяснить текст Св. Писания народу.

Иисус принял приглашение. Божественные уста открылись. Его речь обладала живостью, новизной и увлекательностью. Христос в этой местной синагоге говорил о царствии Божиим и об условиях, какие требовались для вступления в него людей, которые должны были оказывать взаимно живое, сердечное влияние друг на друга.

И дивились Его учению, ибо Он учил их как власть имеющий, а не как книжники, — замечает к нашему вниманию евангелист Марк (Мк. 1; 22). Слова Иисуса Христа глубоко трогали сердце. Присутствующие в синагоге говорили один другому: “Учение Его со властью, не как учение других книжников”. Учение этих последних состояло из утомительных повторений раввинских правил о том, например, какой походкой нужно идти в синагогу и выходить из нее в субботу, причесывать или не причесывать волосы на голове, мясо каких птиц можно употреблять в пищу, грех ли употреблять в пищу кровь и свиное мясо и т. д.

Наш Спаситель учил *со властью* (Лк. 4; 32), по боговдохновенному изречению евангелиста. Он резко выдвинул Себя между всеми учителями, фарисеями и книжниками: учил самостоятельно, говорил Божественно, к Себе применяя речи пророков. Убедительность и сила Его слова были таковы, что все окружающие, эти рабы формализма, не могли устоять пред обаянием, проникавшим все Его существо. “*Новое учение,* — говорили они, — *со властью*” (Мк. 1; 27).

Но если они удивлялись учению Христа, то еще более необычайным, дивным показалось могущество, обнаруженное Им в связи со Своим учением. Здесь проявилась благодетельная власть слова и дела.

Среди людей, прибывших в капернаумскую синагогу в этот день, находился один поистине несчастный человек. То был человек, имевший в себе, — свидетельствует евангелист Лука, — *нечистого духа бесовского* (Лк. 4; 33). Во время проповеди Иисуса Христа с несчастным случился припадок. Восстав,

он дико завыл, охваченный демоническим безумием. Ужасный стон леденил испугом всех присутствующих.

Читаю из евангелиста Марка: *Человек, одержимый духом нечистым, вскричал: Оставь, что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас! Знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий!* (Мк. 1; 23—24). Из множества народа, присутствующего в синагоге, Иисус Христос один оставался спокойным. Он не хотел быть признанным Мессией из такого нечистого источника.

Замолчи,— сказал Иисус с презрением,— *выйди из него* (Мк. 1; 25). И злой дух понял, что эти слова были сказаны *со властью* и им следовало повиноваться. Читаю: *Тогда дух нечистый, сотрясши больного и вскричав* (т. е. с диким воем), *вышел из него. И все ужаснулись так, что друг друга спрашивали: “Что это? Что это за новое учение, что Он и духам нечистым повелевает со властью, и они повинуются Ему?”* И скоро разошлась о Нем молва по всей окрестности в Галилее (Мк. 1; 26—28).

Иисус Христос вышел из синагоги со Своими четырьмя учениками и остальными собравшимися в синагогу людьми. Но Его дела милосердия в этот день только что начались. Иисус Христос прибыл в дом Своего ученика Петра. Можно думать, что болезней даже и в немногочленном Капернауме было много. Там были одержимые горячкой, судорогами, удушьем, чахоткой, водянкой, параличом; глухие, немые, страдавшие поражением мозга и, кроме того, бесноватые.

Вид несчастных, желавших помощи, вызвал сострадание у Целителя душ и телес. Он появился

у открытых дверей пред ожидавшими Его страдальцами. Вскоре Он всем сказал какие-нибудь милостивые чудотворные слова. Слепцам Он возвратил зрение; пораженные горячкой чувствовали, как возвратились их силы; одержимые бесами славословили благодарностью Бога за свое выздоровление. Немой говорил громко и пел хвалу Господу Всемогущему, Вечному, Всеблагому. Нисколько не удивительно, что, по мнению евангелиста, в этот вечер исполнились слова пророка Исаии: *Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни* (Ис. 53; 4).

К слову присоединяем современное сведение русских паломников о Капернауме. От города теперь ничего не осталось, кроме развалин, покрывающих поверхность на целую версту. Самое имя исчезло. Капернаум евангельский теперь называется Тенд-Хум. От синагоги осталась лишь груда камней, но крепкие устои из полированного известняка, а также четыре ряда колонн остались. Дом ап. Петра, где Иисус Христос совершил много чудес, обращен был в церковь, но и она разрушена мусульманами. Капернаум исчез; только озеро Галилейское, природа и небо не изменились...

II

(На Евангелие от Марка, 7; 24—30 и соответствие содержания 7 главы Евангелия от Марка Евангелию от Матфея, 15; 21—28)

Иисус встал и отправился в Финикию, в пределы Тирские и Сидонские. “Неизвестно, — говорит церковный историк, — какими путями шествовал Иисус к этой стране, сколько времени продолжалось Его странствование и в каких пределах и селениях Он

останавливался”. Одна только подробность, указанная евангелистом Марком, доказывает, что желанием Господа в последнее пребывание Его в Галилее было “удалиться от шума толпы и успокоить охватившее ее возбуждение” (подлинные слова истолкователя Евангелия) (Мк. 7; 24). И вот Иисус Христос с двенадцатью учениками прибыл в пределы Тирские и Сидонские. Пред Ним была исполненная торговой деятельности страна.

Стеклянные мастерские Сидона, красильные фабрики Тира, амбары, переполненные товарами всего мира; гавани, переполненные судами, лодками. Пределы Сидона и Тира — край, заселенный надменными хананеями, суеверными поклонниками идолов всякого рода, жадными приверженцами чувственного распутства, выраженного в поклонении богине Астарте, и ненасытно корыстолюбивых стяжаний под изображением гнусного Ваала.

В пределах этой страны среди деятельных финикийских торговцев проживало множество иудеев в качестве захудалого, полупрезираемого рабочего люда, с течением годов оттесняемого от морского берега. Израиль — здешний поселенец — в чувстве ненависти считал поклонников Ваала и Астарты противными для себя, сравнивал их с нечистыми псами, а финикияне горделиво отвращали свое повелительное лицо от Израиля, считая его чужестранным пришельцем.

“Вступив в пределы Тирские и Сидонские и войдя в дом, Иисус не хотел, чтобы кто узнал, но не мог утаиться” — слова Евангелия (Мк. 7; 24). Одна местная жительница, по языку — гречанка, по рождению — хананеянка, по вере — язычница

(текст Евангелия: *женщина та была язычница, родом сиропфиникиянка* (Мк. 7; 26)), услышав о чудесных исцелениях, совершенных Иисусом, под влиянием глубокой скорби и тяжкого испытания пришла к Иисусу. Любящая мать громко и слезно умоляла Господа. Слух о том, что Иисус был обетованный и ожидаемый Мессия, достиг даже Тира и был принят просительницей как истинная вера, хотя эта женщина не умела правильно представить себе правил и заповедей этой веры.

Женщина-мать стала просить Иисуса: *“Помилуй меня, Господи, Сын Давидов! Дочь моя жестоко беснуется!”* (Мф. 15; 22). Болезнь ее дочери стала как бы собственной ее болезнью. Но Господь не отвечал ей. Он показывал вид, что не заметил ее молитв. Она же не хотела уйти и продолжала плакать и рыдать.

Двенадцать учеников не понимали смысла молчания Своего Учителя. Они были недовольны настойчивостью просительницы и стали просить Его, говоря: *“Отпусти ее, потому что она кричит за нами”* (Мф. 15; 23). Ученикам, еще не вполне созревшим в усвоении духа наставлений Спасителя, казалось невозможным, чтобы могли участвовать в милостях Божиих нечистые хананеи, “исчадия ада”, “люди, проклятые во чреве матери” и т. д. Такими понятиями было наполнено их знание из проповедей книжников и фарисеев.

Но Он не отвечал ей ни слова,— говорит Евангелие (Мф. 15; 23). О, как должно было быть тяжело, мучительно это молчание для любящей матери, которая мечтала тотчас видеть свою дочь исцеленной и которая не слышит даже одного слова

на свои стенания! Почему же Иисус Христос показал такое равнодушие?

Святой Златоуст отвечает на этот вопрос такими словами: “Сердце Иисуса, без сомнения, было исполнено сострадания к этой несчастной матери. Но Он молчал и удерживался на минуту от изливания Своего сострадания для того, чтобы потом дать полноту Своей благодатной, животворящей доброты, благодати”. Так поступает наш Спаситель и в отношении ко всем верующим душам. Он слышит все молитвы и вздохи их печали, но часто “не отвечает ни слова”. Под именем молчания Иисусова мы разумеем остановку, прекращение утешительных чувствований благодати.

Ответы Спасителя — это сладостные чувства надежды, которые Он дает испытывать душе, выражающей пред Ним свои нужды, свое горе. В безмолвных ответах — например, в глубоко внимательной молитве — заключается всегда нечто трогательное и живое, нечто такое, что разливается по всему существу человека, что успокаивает душу, веселит ее и дает мужество и бодрость во всяких лишениях и искушениях. Но когда такие приятные ощущения ослабевают, тогда душе кажется, что Спаситель молчит, что Он не внемлет ее столам, что Он холодно относится к ее горю и слезам.

В таком состоянии видим мы Давида в 21-ом псалме. Тоскливо, с рыданием взывал он ко Господу: *Боже, Боже мой, вонми мне! Для чего Ты оставил меня? Удаляют меня от спасения слова грехопадений моих. Боже мой! Взываю днем и ночью, и не слышишь, (хотя это) и не (было) безуми-*

ем мне. Не отступай от меня, ибо скорбь близка, а помощника у меня нет.

Жена хананейская испытала более нежели молчание со стороны Иисуса Христа. Она слышит отказ в своей мольбе: Он отказывает, объявляя, что Он послан не для язычников, к которым принадлежала хананейка, которые всегда находятся пред идолами; но послан к сынам Израилевым, которые поклоняются и служат истинному Богу. Как прискорбно слышать такой отказ бедной суеверной язычнице!

Однако же и вполне безукоризненные люди испытывают отказы подобного рода. Верующей душе часто кажется, что Спаситель не хочет допустить ее к престолу благодати. Часто она бывает в таком положении оттого, что она слишком погрузилась в идолопоклонство, слишком нечиста пред Богом, чтобы могла быть удостоена Его милости.

Будучи занята этими печальными мыслями, бедная душа думает, что между Спасителем и ею стала стена разделения. В этом жалком, недалеком от отчаяния состоянии она принуждена стонать словами 87-го псалма:

Господи Боже спасения моего! Днем и ночью взывал я пред Тобою. Глаза мои изнемогли от страдания: взывал я к Тебе, Господи, весь день, воздевал к Тебе руки мои. Для чего, Господи, отвергаешь душу мою, отворачиваешь Лицо Твое от меня? Я нищ, и в трудах с юности моей; поднявшись, смирился и изнемог. Ты удалил от меня друга, и ближнего, и знакомых моих — от страданий (моих).

Отказ Господа нашего Иисуса Христа не лишил сиропиникиянку надежды и не поверг в отчаяние.

Вместо того, чтобы оставить Иисуса, увидеть в Его отказе несочувствие, презрение к ней или предаться совершенно чувству своей скорби, хананеянка приступила ближе к Спасителю, поверглась к ногам Его и снова начала умолять еще с большим уничижением и упованием. Она, — говорит Евангелие, — *кланялась Ему* (Мф. 15; 25). Она говорила одно и то же, говорила только: *Господи! Помоги мне* (там же).

Так должна поступать и действительно поступает всякая душа, оживленная духом истинной веры и молитвы. Чем более встречает она препятствий на жизненном пути, тем более делается равнодушной к ложным утешениям от мира и пособиям от людей, в мире властью пользующихся; тем больше усиливается желание приблизиться к Спасителю. Вопль бедной странницы и пришельцы на земле — не к людям: “Помогите, поддержите, исцелите, спасите!” — а к Нему, у Которого всякое даяние благое и все дары совершенные: “*Господи, помоги мне!*”

Люди, не имеющие искренней веры и молитвы, не выдерживают испытаний, каким подвергает их Господь. Мнимые отказы, испытываемые, по-видимому, со стороны Господа, выводят их из терпения и заставляют оставлять благочестивые подвиги и упражнения. Когда они не получают тотчас от Иисуса того, что просили и что думали непременно получить, то снова возвращаются к миру и его ложным богам, чтобы искать в них своей отрады. Но истинный христианин желает лучше умереть у ног Спасителя, поклоняясь Ему и изливаясь пред Ним в искренних молитвах и пламенных прошениях, нежели искать себе помощи и исцеления от душевных болезней и зол в ином месте.

Обратим, читатели, свое внимание на хананеянку. Вслушаемся, что сказал ей Господь тогда, как она, повергшись к Его стопам, умоляла Его о помощи и слезно говорила: *Господи, помоги мне!* (Мф. 15; 25) Чудное дело! Господь и теперь не преклонился на милость к несчастной, горестью уязвленной женщине. Вместо того, чтобы сказать ей желанное слово, Он — Сам Спаситель — упрекает женщину ее же недостойнством. Он сравнивает ее с псами по отношению к детям Израиля и говорит ей, что несправедливо было бы отнять хлеб у голодных детей и бросить его псам.

Бедное существо, угнетенное со всех сторон беспокойством и грозными муками! Сатана против нее, знакомые осуждают ее, отворачиваются от нее, совесть зазорно обвиняет ее, приводя на память то ее грехи, то дурной характер в общежитии, то ее привычки, равносильные пороку. Что же она должна чувствовать, когда видит, что и Сам любвеобильный Спаситель из посредника между Богом и ею обращается в ее обвинителя! Поистине одно представление об этом может лишить ее всякой надежды. Остается перед ней пропасть совершенного отчаяния.

В подобном безутешном состоянии находился Иов Многострадальный. Он в тоске изрекал вопли души в таких словах: *О, если бы верно взвешены были вопли мои и вместе с ними положили на весы страдание мое! Оно, верно бы, перетянуло песок морей! Оттого слова мои неистовы. Ибо стрелы Вседержителя во мне; яд их пьет дух мой; ужасы Божии ополчились против меня* (Иов. 6; 2—4).

Угадаете ли причину, почему Всеблагий Человеколюбец, наш Спаситель поступил так строго с ве-

рующей душой? Ответ на этот вопрос дают нам благоугодные Господу Св. Отцы и учителя Церкви. Божия премудрость находит нужным подвергать людей такой строгости, чтобы смирить их сердца, открыть пятна в их нраве и характере. Сердце человеческое справедливо называют океан-морем.

Человек добрый, внимательный глядит в свое сердце как в зеркало, а рассеянный, легкомысленный не усматривает бездны своего повреждения и личной распущенности. Поэтому Бог Своими упреками и обличениями открывает ему то, что он носит сам в себе. Когда всматривается человек в себя, то он смиряется, делается благодарным, благородным и правдивым. В бедной хижине часто мы видим чудное явление: семья полуголодная, полураздетая одиноко молится, слезы льет, а потом спокойно исполняет назначенный долей житейский труд.

Ни молчание, ни упреки Иисуса не заставили хананеянку удалиться от Него. Она признала свое недостойнство, не огорчилась сравнением с псом, но охотно подтвердила приговор, дополнив просьбой: *Так, Господи, но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их* (Мф. 15; 27).

Когда хананейская женщина бодро выдержала испытание, которому Господь счел нужным ее подвергнуть, тогда вера ее, по учению св. Златоуста, сделалась чистейшей золота, седмирицей очищенного в горниле, так что своим блеском удивила Самого Спасителя, Который сказал: *О, женщина, велика́ твоя вера; да будет тебе по желанию твоему* (Мф. 15; 28). Вот как торжествует в истинно честных душах живая вера и неуклонная молитва, смирение и кротость! Хананеянка вернулась в свое

жилище. Она нашла, что дочь ее более не бесновалась и совершенно выздоровела.

Событие великое, единственное, простое, но оно было в высшей степени знаменательным и поучительным. В исцелении язычницы, во-первых, двенадцать апостолов получили урок, что иноверцы, которых называли евреи, а вместе с ними и они “языческими псами”, не отсылались Иисусом, не получив Божественной помощи. Во-вторых, в этом простом событии выразилось попечение промысла Божия о спасении мира: им явлено, что имя Иисуса Христа будет принесено к язычникам, что во всех странах услышат люди, как Христос пришел к ним для их спасения и исцеления.

Отныне люди, живущие в разных концах света, не будут уже уподоблены животному, собирающему крохи со стола истинных израильтян, но вера и благодать Божия даруют Божеское усыновление всем чадам Адама — от севера до юга, от востока до запада. В этом событии — предвещание, что между иудеями и неиудеями, элинами и неэлинами вера и благодать образуют один народ Божий и настанут светлые дни, когда будет *одно стадо и один Пастырь* (Ин. 10; 16).

Чудо, совершенное Человеколюбцем в пределах Тира и Сидона над дочерью сиропиникиянки, упоминается во многих молитвах, принятых уставом Православной христианской Церкви. Между другими я приведу одну, прославляющую Господа Спасителя. В молитве каждый из нас печальнее и грешнее представляется, нежели хананеянка. “Пение всеумиленное приношу Ти недостойный, вопию Ти, яко Хананея: Иисусе, помилуй мя: не дочь бо, но плоть

имам, страстями люте бесящуюся, и яростью палимую, и исцеление даждь, вопиющу Ти: Аллилуиа”.*

III

Исцеление бесноватого в новолуние
(Мф. 17; 14–21, Мк. 9; 14–29, Лк. 9; 37)

Три святых евангелиста, Матфей, Марк и Лука, благовествуют еще о чуде, совершенном среди многочисленных благодеяний Иисусом Христом: об исцелении бесноватого в новолуние. Это событие совершилось в последний год земного служения Спасителя, на другой день после преславной ночи, после Преображения на горе Фавор в присутствии искреннего Петра и сыновей Зеведеевых, в часы, когда другие ученики оставались у подножия горы.

Ученики были теперь с Небесным Учителем в течение двух лет неразлучно и возвысились до истинного понимания Его достоинства. Для их верующих душ ощутительно было, что царство Христово будет распространяться более и более в течение беспредельного будущего. Мир и блаженство, возвещенные пророками, вступали в мир. Восходила над ним заря спасения.

Благодатная ночь с ее удивительными видениями на Фаворе миновала. Иисус возвращался к Своему малочисленному обществу учеников, ожидавших Его у подножия Фавора. Эта местность обозначается в книгах Св. Писания Кесарией Финикийской. Иудейское население Кесарии, услышав о прибытии Христа в это место, собралось увидеть и послушать Его. Поэтому как только народ увидел, что Он сходит

* Акафист Иисусу Сладчайшему.

с Фавора, то двинулся к Нему встретить Его. Он сохранял еще, по изъяснению св. Иоанна Златоуста, вокруг Своего чела отблеск небесной славы. Все подошли к Нему и поклонились.

Появление Иисуса было благовременно. Произошло событие, возбуждавшее немало острых, задевающих самолюбие споров и пререканий между некоторыми из надменных книжников и учениками Спасителя. *О чем вы спорите с ними?* — спросил наш Господь (Мк. 9; 16). *“Учитель,— отвечал Ему один из иудеев, преклонив свои колена,— я привел к Тебе сына моего. Он тяжело страдает, одержимый духом немым. Где ни схватывает его, повергает его на землю, и он испускает пену, и скрежещет зубами своими, и цепенеет. Говорил я ученикам Твоим, чтобы изгнали его, и они не могли”* (Мк. 9; 17—18).

Это бессилие учеников вызвало насмешки и нападение фарисеев, находившихся в толпе. Иисус был печально затронут общим неверием. В этот смутный час никто не имел веры: ни отец бесноватого, ни книжники, ни народ, ни даже — о страх искушения! — даже ученики.

Иисус воскликнул, негодуя: *О, род неверный и развращенный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас?* (Мф. 17; 17). Но при одном только виде скорби, требующей исцеления, или утешения, или облегчения, сострадание побороло в Человеколюбце всякое другое чувство. *Приведите его ко Мне сюда,— сказал Он* (Мф. 17; 17).

Как скоро бесноватый увидел Иисуса, дух сотряс его: он упал на землю в страшных конвульсиях и с пеною у рта. Этот безумный, немой и корчащийся на

земле человек представлял страшное зрелище. Было желательно, чтобы все это событие запечатлелось в душах людей, находившихся в толпе. Нужно было также и для несчастного отца, чтобы укрепилась его вера. *И спросил Иисус отца его: Как давно это сделалось с ним? (Мк. 9; 21). С детства; и многократно дух бросал его и в огонь, и в воду, чтобы погубить его; но, если что можешь, сжался над нами и помоги нам (Мк. 9; 21–22).*

Эти слова отца — “если что можешь” — не обнаруживали в нем веры. *Если сколько-нибудь можешь веровать,* — отвечал Христос, повторяя его слова с кротким упреком, — *все возможно верующему (Мк. 9; 23).* Напряженное чувство отца не могло больше сдерживаться. Исцеление его сына зависит от его веры в Целителя, но хотя эта вера и была искренна, но все-таки не была настолько глубока, чтобы обеспечить получение невыразимо желательной помощи. Сокрушенный горем отец отрока издал жалобный вопль. Он воскликнул со слезами: *Верую, Господи! помоги моему неверию!* (Мк. 9; 24). Святой Иоанн Златоуст передает парафразом это восклицание отца: “Да, я верую; помоги моему неверию, если вера моя слишком слаба!”

Толпа народа увеличивалась, теснилась со всех сторон около Иисуса Христа. Он запретил нечистому духу: *Дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него (Мк. 9; 25).* Последовал дикий вопль и страшное сотрясение всего тела. Отрок упал недвижим. *Он умер,* — говорили свидетели этого чуда, но Иисус “взял его за руку” (Мк. 9; 26–27) и, подняв его, отдал юношу его отцу среди громкого благоговейного удивления толпы

по поводу обнаружения столь могущественной силы Божией.

К этой истории, возвещенной миру тремя евангелистами, святитель нашей Православной Церкви Филарет обращает такое слово как толкование: “Вся тайна влияния Иисуса на человечество, поработанное силами ада, обнаруживается в этом событии. Только благодаря этому влиянию оно, получив свободу, повинуется гласу Божию, славословит Его и вместе со свободой вновь обретает покой, не смущенный уже никакими переменами”.

Народ дивился всемогуществу Божию, книжники были поражены смущением, а Иисус удалился в один из домов вместе со Своими учениками. Только что совершенное исцеление казалось им тем более чудесным, что оно вполне обнаружило их бессилие, обличило и разъяснило их самообольщение. Они приблизились к своему Господу наедине, воспользовавшись первым случаем спросить у Него: “Почему мы не могли изгнать демона?” (Мф. 17; 19). По не-верию вашему, — отвечал Он им, — ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно — такую же скромную, но и такую сильную, как оно, — и скажете горе сей: “перейди отсюда туда”, и она перейдет и ничего не будет невозможного для вас (Мф. 17; 20).

Во всем учении Иисуса, благочестивые читатели, вера действительно делает нас причастными Самому Богу и Его могуществу. Знайте, что не человек действует в верующем, а Сам Господь Бог.

Потом Иисус Христос сказал: “Сей же род демонский, плотский и закоренелый, изгоняется только молитвой и постом” (Мф. 17; 21). Эти слова

выражают все, чем должна быть вера. Постом она освобождает нас от чувственной, грязной и тленной силы; молитвой соединяет нас с Божиим существом. Молитва вносит во все наше существо свет, любовь к Богу, любовь к ближним. Существо человеческое под влиянием молитвы принимает уже другой образ. Оно уже не имеет корней в земном мире, блеск которого угасает, как лампада без масла. Источник жизни человека — в мире Божественном.

Проследите жизнеописание святых — от малого до великого, от апостола, святителя до хрупкого нищего, — увенчанных бессмертной славой и явленных нам для подражания. Вы увидите, что люди спасаются лишь той двойной силой, которую открыл Спаситель Своим ученикам: молитвой и постом. Если человек великодушно не отречется от чувственности, не пожертвует человеческим, земным, преходящим — честолюбием, себялюбием, корыстолюбием и другими страстями; если он не откроет в молитве сердца своего любви Божией — источнику всякой земной силы, — то он может приложить к себе слова незабвенные, страшные: *земля ты и в землю возвратишься* (Быт. 3; 19). Он не сделается — увы! — уже участником жизни во Святом Духе.

Размышление свое о молитве окончим словами 140-го псалма, “которые почти все знают, — говорил св. Златоуст о христианах своего времени, — все поют его часто от юности и до глубокой старости”: *Господи, я воззвал к Тебе, услышь меня* (Пс. 140; 1). “Молитва — воззвание. Это не устный крик, как бы он ни был громок и силен, — замечает св. Иоанн Златоуст, — но крепкий вопль сокрушенного сердца, умиленный голос души, ко-

торая вся обращается в единую пламенную молитву и всеми силами вопиет к Спасителю: *внемли гласу моления моего* (Пс. 140; 1). Поспеши, Спаситель, ко мне на помощь! Не дай погибнуть самой молитве моей! *Да возносится молитва моя, как фимиам, пред лицом Твоим!* (Пс. 140; 2)”.

Искренней нашей молитве пусть да будет другом пост, ибо *сей же род демонский изгоняется только молитвой и постом*. Да послужит он врачевством к исцелению собственной нашей души от язвы греховной. И он послужит, если будем благоразумно употреблять это врачевство. Благоразумно, говорю: не должно скрывать, что врачевство святого поста, как и всякое лекарство, может быть употребляемо неправильно и, употребленное таким образом, может, подобно всякому лекарству, не принести пользы, даже обратиться во вред.

Увы! Пост и постящиеся представляют собою явление печальное. Один, предавшись посту, думает неядением яств вознаградить свою ложь и свои грехи пред Божией правдой и позволяет себе презирать, как грешников, всех, кто не постится, подобно ему. У этих “постников” и руки, и уста нечистые: они неискренние, неверные чада Православной Церкви.

Другой в жару благочестия, по необдуманной ревности, вдруг предается посту до того, что делает себя неспособным к исправлению дел своего звания. И эти “постники” темнят христианский пост. А вот и третий, ограничивающий пост телом, не думает о духовном пощении, о воздержании от страстей, о делах любви и благочестия. И этот “постник” одно-сторонне понимает говение и пощение.

Плодоносный пост требует внутреннего самоотвержения, соединенного с делами веры и любви. Просим вас размыслить о слышанном. Слышанное не мне принадлежит, а заимствовано из святоотеческих книг и назидательных опытов. Начните поверять указанное, сколько можно, собственным опытом. Он откроет вам гораздо более яснее, вразумительнее, душеспасительнее, нежели сколько я, ограниченный в разумении слова Божия, успел вам сказать с этого священного места.

Теперь вознесем смиренную, задушевную молитву к Иисусу Сладчайшему и “с миром изыдем”. Аминь.

25 февраля 1901 г.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ

О проклятой смоковнице

(На Евангелие от Марка, 11; 12–23)

Внастоящий раз моему смиренному слову уделена возможность сказать об одном из дивных чудес, совершенных нашим Спасителем. С благоговейным страхом приступаю к исполнению этой дорогой моему сердцу обязанности. Призывая имя Господне, говорить буду о проклятой смоковнице — великом чуде, о котором повествуют два евангелиста, свв. Марк и Иоанн.

Буду говорить, где, в какой стране, в какой местности совершилось это чудо; в чем оно состояло; при каких обстоятельствах оно совершилось; кто были его свидетели. Бессмертное назидание, какое дает история этого чуда во все времена христианам всякого возраста, пола и языка, — всем стремящимся

на пути спасения достигнуть совершенства. От всего сердца произношу молитвенные слова о всех нас: пусть свет Христов просвещает всех. *Господи! Открой уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою* (Пс. 50; 17).

1. Это чудо было совершено Господом нашим Иисусом Христом в стране, где Он благоволил родиться, жить, учить и пострадать “нас ради человек и нашего ради спасения”. Страна эта у римлян носила название Палестины — название, заимствованное от народа филистимлян и оставшееся доселе как географический термин. В боговдохновенных книгах Св. Библии она носит разнообразные и незабвенные имена, вызывающие в уме, сердце и чувствах верующего человека воспоминание об отеческом промысле Божием, попечение о его спасении и Спасителе.

Эта страна в Библии называется отчизной патриархов, истинных пророков, благочестивых Царей, богومудрых апостолов и равноапостольных женщин. Эта страна, расположенная на дальнем от нас Востоке, с незапамятных времен была, по выражению слова Божия, “отрадным чаянием народов — языков”.

Истинный Израиль представлял ее землей, текущей медом и молоком. Занимала она ограниченное пространство земли. Ее размер в длину и ширину, в окружности всех частей не превышал пространства, занимаемого в настоящее время тремя губерниями нашего Отечества, но почти вся ее местность оправдывала собою библейское название “обетованной земли”. Горы и долины, берега тихо струящегося Иордана, вершины и низменности, города и селения — в совокупности это представляло собою во все времена года приятный сад. Оттого и

самое название местностей в Палестине свидетельствует о неувядаемой жизни.

Эти названия отождествляются именами: “город благоуханных цветов”, “город роз”, “город свежего потока” — здоровой купели, “гора Спасения” — Сион, “долина Пророков”, “город Святой” — Иерусалим; “окруженный садом масличных, смоковичьих деревьев” — Вифания, “плодородными лугами” — Вифлеем, “неисчерпаемо глубокими колодцами здоровой воды” — Гефсимания и т. д.

В непрерывных трудах Учителя, Утешителя, Спасителя протекали три года для Иисуса Христа. Своими Божественными стопами Он многократно исходил все пределы Иудейской страны, везде, подобно доброму сеятелю сказанной Им притчи, распространяя начала жизни в духе истинной веры и бессмертного разума.

Теперь Он окончил торжественный вход как Истинный Царь вселенной в святой город Иерусалим. Заветный, любимый гимн верующего Израиля: *Осанна Сыну Давидову!* (Мф. 21; 9) — из тысяч голосов слышался в честь Иисуса. Народная масса восторженно и с изумлением вторила благодарным похвалам, произносимым Иисусу от бесчисленного множества облагодетельствованных им страдальцев. Здесь хромые проявляли пред глазами всех крепость своей здоровой походки, слепые похвалялись быстротою своего зрения, расслабленные, разбитые параличом показывали свою мощь, немые пели славу Спасителя. А Он смиренно продолжал Свое любвеобильное труженичество.

2. Весенним утром, в ранний час, в день десятого нисана, соответствующий дню предпасхального нашего понедельника, Спаситель со Своими учениками

из Вифании, из дома Своих бедных друзей, пеший направлялся к Иерусалиму. Его путь лежал через уступы Елеонской горы, Гефсиманию, через предместье Вифагии. Весь Его путь лежал по дороге, обсаженной виноградными плантациями, миндальными, пальмовыми и смоковичьими деревьями.

В Палестине на смоковичьих деревьях созревают плоды в разное время года. Ранней весной на таких деревьях, окутанных густой листвой, иногда можно найти сохранившийся в целости плод смоквы. Наш Спаситель, выступив из Вифании, на пути в Иерусалим шествовал по смоковичьей аллее.

Взавкав, Он подошел к одному из смоковичьих деревьев. Оно было многоветвистое, рослое и отличалось множеством больших и широких листьев. Унижанное внешней красотой, это дерево словно призывало прохожих путников снять с него как бы в подарок и на память зрелую, сладкую, вкусную смокву. В действительности это цветущее, красивое дерево на этот раз было совершенно бесплодно.

Наш Спаситель, не найдя на нем ни одного плода, оглядев его со всех сторон, сверху и снизу, сказал своим спутникам: *Да не будет же впредь от тебя плода вовек* (Мф. 21; 19). Приговор дереву Иисусом Христом произнесен был спокойно. Спаситель и ученики Его пошли прямой дорогой в направлении к Иерусалиму. Быть может, они недоумевали, за что бездушное дерево получило из уст их Учителя такое беспримерное осуждение.

Недоумение людей истинно добрых и благочестивых всегда приводит к спасительным размышлениям и благоговейному отношению к Божественному слову. Строгие слова Жизнодавца, обращенные к смоковнице, стоящей на большой проезжей до-

роге, вызывали у спутников Его светоносные думы. Прежде всего они видели в своем Учителе Иисусе Истинного Мессию, возведенного издавна боговдохновенными пророками и ожидаемого от начала мира благоговейными людьми. В Иисусе из Назарета они видели Повелителя мира, имеющего власть на небе и на земле, дарующего жизнь человеку и окружающей его природе, обладающего словом *со властью* (Лк. 4; 32). Пред этим словом утихало бурное, волнующееся море; по Его слову слепые прозирали, немые говорили, больные исцелялись и т. д.

В памяти учеников в должной полноте и ясности возник образ смоковницы, о которой Иисус Христос говорил в одной из Своих назидательных притчей. Эта притча записана св. евангелистом Лукою в 13 главе его Евангелия.

3. Ученики Господа нашего Иисуса Христа знали, что слово проклятия, постигшее смоковницу, не было мелочною мстью бездушному дереву. Не дерево, а человек виною того, что оно бесплодно. На первой странице Св. Библии, в книге Бытия, читаем чудное описание земного рая, где блаженствовали безгрешные прародители, где деревья производили здоровые, красивые плоды. Тогда лев и тигр паслись вместе с кроткими агнцами, тогда все существовавшее — разумное и неразумное, духовное и вещественное, Ангелы и безгрешная чета людей — жило в счастье и довольстве.

Но вот прозвучал страшный час, и сказал Господь первому грешнику: *Проклята земля за тебя* (Быт. 3; 17). Божие слово было приговором человеческому роду. Все изменилось. Увяли цветы в Эдеме. Холод, голод, болезни, нужда, печали, ссо-

ры и все ужасы греховного бесплодия обнаружались безысходно.

Увы! Нет рая на земле. Слава и благодарение Господу, что Он, по Своей благодати, не отнял у человека надежды видеть рай, жить в раю, в вечности — за границами нашей могилы и узкого гроба.

4. Верующие, искренние, чистые сердцем, нищие духом, то есть смиренные, рыбаки и богословы, спутники Иисуса Христа, идущие по дороге, ведущей к Иерусалиму, столице Иудеи, не могли спокойно в это время думать о народе Израиля. С вершин холмов Елеонской горы перед их глазами вид Иерусалима отражал как в зеркале все печальные стороны нравственности современных израильтян.

В утро этого дня совершалось приготовление жертв, пасхального агнца. Ближайшие окрестности священного города, и в особенности улиц, прилежащих к храму Соломона, были полны народом. Эта масса двигалась по направлению к так называемому притвору храма и обратно, к домам городских улиц.

Оживленный вид столицы, однако, не вызывал в Иисусе Христе, ни в Его учениках торжественных соответственно празднику чувствований. Религиозное состояние иудеев этого времени было в высшей степени печально. Исчезла в этом народе благочестивая простота нравов патриархальных — Авраама, Исаака, Иакова и других. Поблекли наставления и умозерцание мудрых Соломона, сына Сирахова, Ездры и Неемии. Умолк голос витийствующих пророков, поднимавших дух счастливых надежд Израиля. Вдохновенные песнопения псалтири и гуслей Давида как бы перестали вызывать восторг и восхищение в сердцах народа, на который легло тяжелое иго римского деспотизма.

Библейская проповедь о вере и нравственности, о плодах молитвы и покаяния распалась на части сектантством. Книжники, фарисеи, саддукеи, назореи и иесееи объясняли Божий закон и его правила более по личным воззрениям, нежели по боговдохновенности его содержания. Правда, и в недавнее время слышалась звучная заветная проповедь сына праведных Захарии и Елизаветы, Иоанна, на песчаных берегах тихо струившихся вод Иордана. Но эта проповедь умолкла: проповедник мечом государственного палача был лишен своей честнейшей главы.

В это печальное время даже женщины высшего сословия уже не представляли из себя образа и подобия доброй Ревекки, нежной любящей Рахили, благородной подвижницы Руфи и других ревностных тружениц в жизни домашней и общественной. Ужасом бессердечности и безнравственности поражает душу каждого разумного нравственного человека нераскаянная беспутность и озлобленность Иродиады и ее жаждавшей крови и мщения дочери.

Такая общественная нечистоплотность народной нравственности, очевидно, была известна Иисусу Христу и Его апостолам. Вся страна Иудейская — от одного края до другого — являла собою образ смоковницы, встреченной на пути из Вифании Спасителем и проклятой за ее обманчивый внешний вид и бесплодность.

Иисус Христос и товарищи Его пути достигли иерусалимского храма. Они с большим трудом проникли в притвор храма, носивший имя притвора Соломонова. Здесь охватили их впечатления невероятного беспорядка. Притвор шириной и длиной напоминал собою тесную улицу восточных городов Азии. Он был переполнен людьми, вещами, птица-

ми и даже животными. Люди, здесь сновавшие из конца в конец, были покупатели и продавцы. Здесь шла шумная, буйно говорливая торговля печеным хлебом и так называемой “пасхальной мукой”, миндалем и всякими пряностями, живыми голубями, ароматными веществами, живыми тельцами, козлами, агнцами и проч., и проч.

Здесь слышались наречия инородцев: греков, римлян, персов, вавилонян. Это были пришельцы, отчасти заразившиеся многобожием язычников, отчасти люди, наскучившие многобожием и искавшие знакомства с религией Израиля, поучавшей своих последователей поклоняться Истинному Богу, Вседержителю мира, видимого и невидимого.

И вот здесь Господь наш Иисус Христос проявил Свое могущество кротким обличением беззакония, допущенного начальствующими лицами, “блюстителями” храма. Иисус Христос вслух присутствующих произнес незабвенные слова, предвозвещенные пророком Иеремией: “Неужели вы не знаете слов Господа Саваофа: «Храм — Мой дом»? Он называется *домом молитвы*, а вы из него сделали вертеп разбойников” (Мф. 21; 13, Мк. 11; 17, Иер. 7; 11), — то есть притон людей наживы, прибýtка, барыша, по лицемерной мысли которых цель освящает средства.

На другой день после этого чудесного подвига из благодатных уст нашего Спасителя было произнесено несравненно высокое и назидательное учение о вере и делах, обязательных как для частных лиц, так и для целых народов. Божественными устами Спасителя было произнесено дивное слово, которому внимало небо. Слово, составляющее красоту евангельского благовествования. Слово, пронесенное апостолами во все концы вселенной, и где до сих

пор оно возвещается на всяком месте истинными богословами и проповедниками Божественного домостроительства. Слово, ведущее людей всякого состояния, звания, пола и возраста к познанию Животворящей Истины: *Имейте веру Божию. Ибо истинно говорю вам: если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, — будет ему, что ни скажет* (Мк. 11; 23).

Эта богооткровенная истина была провозвещена при таких обстоятельствах. Иисус и Его апостолы труженически возвращались из Иерусалима в Вифанию той же дорогой, какой они только вчера пешими шли в Иерусалим. Подошли к месту аллеи, где накануне они стояли у дерева, ища на нем вкусных плодов смоквы. Это дерево сегодня имело вид печальный. На нем не было ни одного свежего, зеленого листа. Широкие ветви опустились, сделались тонкими как лучина. От корня до самого верха оно было сухо и безжизненно. Эта смоковница уже не была способна, подобно той смоковнице, о которой говорил Иисус Христос в притче, упоминаемой евангелистом Лукой, принять жизнь от забот и трудов садовника.

Ученики Христа были удивлены случившеюся с деревом переменою. Они молчали. Только один из них, Петр, отличавшийся подвижным, живым характером, обратившись к Иисусу Христу с любящею простотою, сказал: *Равви, смоковница засохла* (Мк. 11; 21).

Иисус Христос эти минуты нашел благоприятными для преподания ученикам вечных истин о значении истинной веры, о тесной связи ее с молитвою и о любви между людьми, составляющей непреткно-

венный камень житейского благополучия, и о заслуженных правах на блаженную вечность.

Слова апостола Петра и молчаливое удивление прочих спутников к совершившемуся чуду были как бы повторением боговдохновенного песнопения: *Как величественны дела Твои, Господи, все премудро Ты сотворил* (Пс. 103; 24). Иисусу Христу было отрадно такое искренне любящее доверие к Его словам и делам. И вот Он в этот знаменательный день, приближающий последние часы Его земной жизни, как Учитель истины произнес: *Имейте веру Божию. Ибо истинно говорю вам: если кто скажет горе сей: "поднимись и ввергнись в море", и не усомнится в сердце своем, но поверит, что будет по словам его, — будет ему, что ни скажет* (Мк. 11; 23).

Эти слова с тех пор составляют фундамент целого здания истинной, непреложной религии нашей. Без веры разумная душа жить не может, потому что, как учит св. апостол Павел, *без веры угодить Богу невозможно* (Евр. 11; 6). Без истинной веры человек не в состоянии выполнить своего назначения на земле: подобно, как учил св. Кирилл Иерусалимский, земледелец не может собрать плодов на песчаной каменистой почве.

Святые Отцы и учителя Церкви на семи Вселенских Соборах истинную нашу веру обнесли крепкой, несокрушимой оградой боговдохновенного библейского слова. По милости Божией, в настоящее время каждый член Православной Церкви с самого раннего возраста жизни укреплен в сознании необходимости веры. Все мы, здесь присутствующие, в состоянии открыто исповедовать перед всем обществом

верующих Символ веры с такою же точностью, как он был произнесен нашими восприемниками у св. купели нашего Крещения.

Нет ни одного богослужения в Православной Церкви, при котором бы она с материнской заботливостью не внушала каждому из нас убедительного совета “иметь веру Божию”. Все проповеди, произносимые с церковных амвонов, внушают один совет: “Благочестивые христиане, имейте веру Божию”. И я сегодня, вспоминая чудные слова Господа, нашего Спасителя, скажу вам и повторю: братие и сестры, имейте веру Божию.

Печально звучат слова Евангелия: “Горе миру от соблазна и тем, через кого он приходит” (Мф. 18; 7). Соблазн искажает, увечит веру Божию. Безотрадно, но необходимо признаться, что и среди членов христианской Церкви часто вера Божия колеблется в умах, убеждениях и взглядах на судьбу мира и человека. Кому из нас не известно, что многие охвачены суеверием: одни верят, например, в случай; другие — в рок и судьбу; иные игральным картам приписывают возможность отгадывать будущность человека. Иные веруют в гадателей, предсказателей, знахарей с большею преданностью, нежели слову библейскому или евангельскому. Очевидно, у таких верующих нет признаков Божией веры.

Не утомляя вашего внимания, я не буду говорить о прискорбных явлениях, какие производят в наше время так называемые “ученые” сектанты. Не стану упоминать даже о так называемом “индифферентизме духовном”, то есть равнодушии к Божественному слову, к истории Церкви, к богослужениям ее, общественным и домашним; равнодушии к семейным

обязанностям отцов, матерей, супругов, сыновей, дочерей, господ и слуг. Всею этой религиозно-нравственной беспорядочностью завладел соблазн, стремящийся обнищать истинную веру в единого Бога Отца, Сына и Св. Духа, во единое Крещение и прочие Таинства, в бессмертие души и вечную жизнь. Горе миру от соблазна!

Уклонитесь же, православные и правоверующие читатели, от увлекающих вас если не словом, то примером отступления от учения нашей святой веры. Имейте веру Божию. Тот, кто ее имеет, может, по словам Спасителя, творить великие дела; может даже гору передвинуть с занимаемого ею места; может совершить великие чудеса. Если потребуете от меня доказательств и примеров, то я сошлюсь на Св. Библию, даже ближе — на историю нашего русского народа, даже еще ближе — на святой наш Кремль, созданный крепкою рукою людей, имевших веру Божию.

Дерзаю указать еще на более поразительный пример, находящийся у нас всех перед глазами. Вот они, безмолвные могилы, памятники и гробницы почивающих здесь Царей, Князей. Из них, как видите, здесь три святых мученика*, своею кровию, имуществом и жизнью доказавших, что они имели веру Божию, за что при них и оставлена дивная сила быть незабвенными в памяти русского народа и всего православного человечества. Имейте же веру, веру Божию!

Указав значение, достоинство и необходимость для каждого человека истинной веры, Господь наш Иисус Христос при этом повторил пред Своими верными последователями учение о молитве. Он ска-

* В Московском Архангельском соборе покоятся мощи св. Царевича Дмитрия, св. князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора.

зал: *Потому говорю вам: все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите,— и будет вам* (Мк. 11; 24).

По наставлению Св. Отцов Церкви, молитва есть беседа человеческой души с Богом. По бесконечному Своему милосердию Господь Бог даровал человеку возможность приближаться к Нему посредством благоговейной молитвы. В молитве человек является пред Господом Богом в качестве любящего сына, покорного слуги, разумного смертного создания. Господу Богу он выражает свои мысли, свои чувства и желания. Пред Ним, Невидимым, как бы Видимым, он излагает свои думы, надежды, упоования, печали и радости, благодарность и восторг.

Выразительнейшим примером истинной молитвы в действиях человека является смирение. Человек убежден всецело в том, что Господу Богу все возможно, что от Него зависит судьба всего существующего в мире, внешнем и духовном. Осененный этим убеждением, он просит у Господа указания на жизненном пути, какой определено ему пройти во все время земного существования.

Такой молитве, по выражению св. Иоанна Златоуста, “небо открывает свои двери, свет Христов просвещает землю”. Без молитвы человеческая жизнь есть тревожный долгий сон. Душа человеческая без молитвы, по учению глубоких знатоков человеческой души, есть то же самое, что дерево без корня, тело без головы, грудь без дыхания.

Всегда должно помнить, однако же, что молитва истинного христианина проникнута всецело уверенностью в возможности ее исполнения. А потому молитва должна быть чужда в нашей душе небрежности, рассеянности и невнимания. Молитва, про-

износимая только устами, а не сердцем,— обидная для истины формальность, бесполезная трата труда и досуга. Сам Иисус Христос сказал, подтверждая учение пророков: “Эти люди (то есть фарисеи и книжники) устами своими чтут Меня, сердце же их далеко отстоит от Меня: тщетно же они чтут Меня” (Ис. 29; 13, Мф. 15; 8, Мк. 7; 6).

Молитва может быть на всяком месте, во всякое время дня и ночи, потому что, как выражается псалмопевец, “на всяком месте владычество Его” (Пс. 102; 22). Святая Мать наша Церковь, помогая нам в стремлении спасти наши души, указала нам время для молитвословия. Даже более: она составила для нас много томов, вмещающих в себя премудрость молитвенного возношения к Богу человеком его чувствований и желаний. Теперь, братие и сестры, обратимся к собственной совести, допросим ее беспристрастно, какова наша молитва.

Знаменитые учителя нашей Православной Церкви Феофан Прокопович и Феофилакт Лапотинский болезненно сокрушались о том, что в нашей Православной Церкви многие уподобляются книжникам и фарисеям, совершая свои молитвословия при общественных богослужениях. Один из них в своей проповеди, напечатанной для назидания всех русских христиан, обращаясь к священнослужителям, печально взывал: “Вы напоминаете своим пением и чтением бездушным крылья ветряных мельниц”.

А другой проповедник, обратившись к слушателям с кафедры в храме, архиерейскими устами произнес: “Общественная молитва изображает собою светлые воды безбрежного моря с крутыми плодородными берегами, на которых живет и веселится всякое Божие создание. А неблагоговейно молящиеся

в храме, священнослужители и миряне, изображают собою гнилое болото, в котором мутная вода способствует произрастанию трав и мха, негодных ни для человека, ни для животных, ни для птиц. Это обитание для зловещих сов, плотоядных коршунов, пресмыкающихся лягушек, мышей, крыс и разных нечистоплотных насекомых.

Известно, что голос совы, крик хищных птиц, болтливое, бездушное щебетание и утомляющий визг сорок, гнусливый крик лягушек возбуждает в каждом из нас отвращение”. Будем же наблюдать за собою, чтобы наша молитва напоминала собою блаженный Эдем, а не трущобу, из которой исходят вредоносные для душевной жизни миазмы и испарения.

В этот же светносный день ученики Господа нашего Иисуса Христа слышали из Его уст незабвенные слова, переданные евангелистами для исполнения всем православно верующим во Христа и Его Церковь. Вот эти слова: *И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших* (Мк. 11; 25—26).

Высокую истину Своего Божественного изречения Он, Богочеловек, подтвердил Своим примером, умирая, распинаемый иудеями на Кресте. Он молился за Своих врагов, взывая во всеуслышание присутствовавших при Его казни: *Отче, — говорил Он, — прости им, ибо не знают, что делают* (Лк. 23; 34).

Такое всепрощение, дарованное устами Христа, служит примером истинного человеколюбия. Подражая Ему, молящиеся обнаруживают тайны своего любящего сердца. Это Божии дети. Они стоят в благоговейной кроткой беседе со своим Утешителем-Отцом.

Это люди, обладающие чистым сердцем. В часы своей молитвы они зрят Бога, согласно слову Благостнейшего Законодателя: *Чистые сердцем Бога узрят* (Мф. 5; 8). И понятно, потому что, по выражению св. Иоанна Богослова, *Бог есть любовь* (1 Ин. 4; 8). Беседа с Богом, то есть молитва, употребляя выражение святителя Тихона, Задонского чудотворца, есть “одно из самых существенных отличий разумного существа от неразумных животных и немой, бездушной природы”.

В житиях святых мучеников и благочестивых христиан вы, братие и сестры, без труда найдете образцы добродушия, великодушия, смирения, беззаветной покорности Божиему промыслу и всепрощения миру и людям. Если мы внимательно вслушиваемся в ектении (слово “ектения” значит “молитвенное прошение”), произносимые на всех богослужениях, то чувствуем, что попечения Матери нашей Церкви направлены к одному: чтобы мы возлюбили друг друга и единомыслием исповедовали Триипостасного Вседержителя.

Свидетельствовали бы клятвенно, что прощаем всякие обиды ближним своим, нас не любящим и ненавидящим; что мы желаем видеть только свои согрешения и не осуждать никого. “Даруй же мне, Господи, зрети мои согрешения и не осуждати брата моего”. Да будет же наша молитва, частная и общественная, домашняя и церковная, одинокая и семейная, — да будет она “милостью мира и жертвой хваления”.

Читатели! Вспомним последние дни земной жизни нашего Спасителя. Благочестиво вообразим себе Его путешествие из Вифании в Иерусалим и возвращение из Иерусалима в Вифанию. Представим

своему уму и сердцу Иисуса Христа обратившим Свои светозарные очи на смоковичье дерево, стоявшее на Его пути. Наш Спаситель взалкал. Он, подающий всем жизнь и радость, искал зрелого плода на внешне красивом дереве — и не нашел.

И теперь, и всегда, и ныне и присно наш Спаситель алчет правды, добра, истины и духовной красоты. Он зрит и на нас, грешных. Он, Сердцеведец, и в каждом из нас, сугубо одаренных силами и способностями духа, ищет плодов. Имеющим эти плоды веры Он обещает величайшую награду. И теперь, как некогда в Нагорной проповеди, Он говорит с небес нашей совести: *Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное* (Мф. 5; 6, 3).

И те из нас, которые возрастили в себе под влиянием благодати Божией плоды веры, надежды и любви христианской, да будут блаженны. Святая Мать наша Церковь им благовествует: “Радуйтесь и веселитесь: вас ожидает счастье в будущей жизни, за гробом, на небесах”.

Но где же эти многоплодные, достойные блаженной вечности создания? Среди нас воцаряется в ответ на этот вопрос общее молчание. И я, многогрешный, смиренно и стыдливо умолкаю. С благоговением к Господу Богу я дерзаю произнести краткую молитву, которую вы будете слушать многократно сегодня после моей краткой, но сердечной беседы с вами: “Иисусе Сладчайший, спаси мя! Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя! Аллилуиа!”* Аминь.

31 марта 1902 г.

* После чтения духовной беседы, за вечерней, обыкновенно читался акафист Иисусу Сладчайшему.

ДЕСЯТЬ СЛОВ О КРЕСТОНОШЕНИИ

СЛОВО ПЕРВОЕ

Обыкновенно земные родители, когда хотят или утешить, или ободрить, или исправить и научить своих детей, употребляют то ласку, то обличение, то утешение, то угрозу. Святая Мать наша Церковь в своих материнских заботах о нашем душевном спасении предлагает для поклонения Животворящий Крест. Предлагая Крест, Церковь имеет целью одним из своих детей доставить утешение среди окружающих их скорбей, бедствий и напастей; другим — врачевство для язв совести, терзаемой сознанием грехов; третьим, не радеющим о спасении, позабывшим свое человеческое достоинство, — средство к возбуждению их в раскаяние и исправление своей жизни.

I

Итак, прежде всего подойдите и поклонитесь Животворящему Кресту, скорбящие и бедствующие, безутешные и отчаивающиеся! “Что за утешение, — спрашивают они, — в Кресте?” Утешение главное в том, что Крест Иисуса Христа показывает всем нам первоначальную причину всех постигающих нас скорбей; затем — намерение, с которым посылаются на нас беды и лишения, и, наконец, награду за тер-

пение. Спросите, за что Сам Иисус Христос понес Крест? За грехи человеческие. За то же самое и мы необходимо должны нести свой крест.

В раю не было слез, не было смерти. И слезы, и печаль, и проклятие, и глубокотяжкие вздохи явились как достойная казнь за нарушение заповеди Божией. С тех пор еще не было счастливец, душа которого на земле не томилась бы скорбию. На свете много удовольствий, множество наслаждений, множество изобретено разнообразных утех и веселия — и дневных, и ночных, — но довольных и радостных на свете очень мало.

Через золото льются слезы так же, как и над коркой черствого хлеба. Плачут во дворцах и чертогах, плачут и в низших хижинах. Часто под бриллиантами украшенной одеждой люта тоска гложет душу; так она же терзает сердце человека голодного и мерзнущего от холода. Уйдем же свой ропот и свое отчаяние перед Крестом. Не другой кто, но мы сами сделали себе крест. Мы сами сладкий и зрелый плод жизни сделали горьким и отталкивающим.

II

Но прискорбное убеждение в неизбежности бедствий составляло бы для нас не утешение, но отчаяние, если бы Крест Господень не заключал в себе средств примирения совести человека с Божиим правосудием. Крест Свой оставил Иисус Христос нам, Своим ученикам, затем, чтобы мы не были рассеянными, не забывали закон Божий, не забывали о том, что мы — грешные люди. *Благо мне,* — говорит Давид, — *что Ты смирил меня, чтобы я научился уставам Твоим,* Господи (Пс. 118; 71). Крест оста-

вил нам Господь, чтобы мы не были горды, чтобы им охраняли свою душевную и телесную чистоту, чтобы обуздывали им свои страсти.

Крест Свой оставил нам Господь в доказательство, что Господь любит нас. *Ибо кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему* (Притч. 3; 12). Поэтому верующие люди не уклонялись от страданий. В безвинных страданиях они видели спасительное врачевство от застарелой греховной болезни. С Креста распятой Врач души и телес, Иисус Христос, ищущий нашего спасения, посылает нам горькое и болезненное врачевство. Но это не смертная отравка греха, но спасительное врачевство, дающее облегчение душе сознательным чувством выздоровления.

III

Ко Кресту приходят не одни безвинные страдальцы, но и те несчастные, совесть которых твердит про соделанные грехи. Это люди с больной совестью, пораженной множеством преступлений. Когда мы делали дурное дело, мы не думали, что оно ляжет как гнет на нашу душу. Но дурное дело сделано, и весь ужас этого дела, весь срам его виден нам до малейшей черты. Эти страдания ужасны. Кто их не испытывал — дай, Господи, никогда не испытывать. Кто их испытал, тот знает все безжалостные муки разумной нашей души. Для таких страдальцев Крест есть истинное утешение. И самые муки проснувшейся от греховного усыпления души суть не муки отчаяния, но скорбь раскаянности и умиления.

Воззрите на Божественного Страдальца. *Он изъязвлен был за грехи наши; ранами Его мы исце-*

лились (Ис. 53; 5). Его Пречистая Кровь пролита в прощение и оставление грехов наших, а Его язвами сокрушены все неправды человеческие. Милосердием Божиим побеждается грех; освящающая Кровь Спасителя омывает всякую нравственную нечистоту.

IV

Теперь для нас видна цель, с которой Церковь поставила и воздвигла перед глазами нашими Животворящий Крест Спасителя. Он для нас — памятник не только бесконечного милосердия Божия, но и непреложного Божия суда. Будем помнить, что человек, вынесший тяжкую болезнь, никогда не забывает причин, ее вызвавших, и врачевства, ее исцелившего.

Грустно будет, если мы позабудем благодеяния, полученные от Креста Христова. Мы оскорбим нашу Св. Церковь. Она пред судом Божиим вынуждена будет сказать: “Я предлагала им врачевство покаяния, но не в пользу оно было им. Я уговоряла им трапезу Тела и Крови Иисуса Христа, но она не послужила им во спасение. Я выносила из алтаря Крест Иисуса Христа, обличала их совесть язвами Тела Божия, но и это не исцелило их”.

Однажды после долгой, но безуспешной проповеди пророк Божий говорил о Вавилоне:

Врачевали мы Вавилон, но не исцелился; оставьте его; приговор о нем достиг до небес (Иер. 51; 9). Тяжко будет, если мы пренебрежем средствами, указываемыми Церковью. Мы ее потеряем; у нас не будет Матери. Поражение ужасное! Да сохранит нас Бог от такой потери — от си-

ротства и одиночества! В заключение своего слова приведу молитву блаженного Августина ко Кресту Иисуса Христа.

“О возлюбленный Господь, Спаситель! Запечатлей в моем сердце все Твои язвы, чтобы я мог всегда читать Твою скорбь и Твою любовь. Таким образом, я, имея перед глазами тяжкую скорбь, которую Ты за меня вынес, мог бы спокойно переносить все постигающие меня печали. И чтобы при виде любви, какую Ты свидетельствовал на Кресте, я ничего и никого не любил бы так крепко, как любил бы Тебя!”

СЛОВО ВТОРОЕ

Для какой цели Св. Мать наша Церковь несколько веков, каждый год, несколько раз в год воспоминает события смерти Спасителя? Разве мало скорби для нашего сердца в мысли, что Сын Божий страдал и умер за грехи наши (1 Пет. 3; 18)? Разве мы не знаем истории страданий Господа? Но все мы можем следовать за Спасителем по пути Его страданий только слухом и мыслью. Церковь это знает. Знает, что такое следование за Христом Спасителем бесплодно. А потому она всеми мерами старается начертать в наших душах образ страждущего Спасителя, чтобы каждый из нас в чувстве любви к Спасителю, подобно ап. Фоме, мог сказать: *Господь мой и Бог мой!* (Ин. 20; 28). Но как сделать то, чтобы можно было следовать за евангельским

повествованием о страданиях Спасителя не слухом только и мыслью, но и чувством, и всем сердцем?

Можно следовать за страждущим Спасителем с умилением, со скорбью, со вздохами, со слезами и молитвою. Так и поступают благочестивые души, нежные сердца. Так, без сомнения, поступают многие из нас — иные тайно, другие явно.

Без сомнения, и между нами есть такие, которые, услышав из Евангелия, что Спаситель повергался в молитве на землю и орошал ее Своим потом и слезами, не раз вздохнули из глубины души, пролили не одну горькую слезу. Без сомнения, найдутся и такие, которые, слушая о несправедном суде архиереев, книжников и о воплях безрассудной толпы: *Распни, распни Его!* (Лк. 23; 21), — сетуют и скорбят о невинном Страдальце и о всех безвинно, под гнетом людского гнева томимых. Есть, верно есть и такие, которые, слыша о поруганиях, заплевании, нанесенных Богочеловеку дерзкими руками воинов, сами внутренне мучаются, тоскуют, страдают. Уверен я, что есть между нами и такие, которые, умственно представляя Иисуса, шествующего на Голгофу и изнемогающего под бременем Креста, от души сожалеют, что они не Симон Киринейский, что не на них положен тяжелый Крест Иисусов. Уверен я, что между нами есть и такие, которые, представляя себя стоящими у подножия Креста Христова, и молятся, и взывают к Распятому с чувством благоразумного грешника:

Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое! (Лк. 23; 42). Может быть, находятся здесь и такие, которые, представляя себя живущими в минуту смерти Иисуса на Кресте, сопровождав-

шуюся страшными знаменьями и чудесами, пришли в ужас и заставили умолкнуть в себе все земное.

Благословенны вы, добрые христианские души! Много вы сделали, но да позволено будет сказать вам от лица Церкви и Распятого, что это еще не все.

Вы уподобились только тем, кто провожает из этого мира умерших своих друзей, близких родных и знакомых: посетуют, поплачут, помолятся, оросят гроб и могилу слезами, проведут несколько времени в трауре, в печальном воспоминании о них, а там — мертвые в гробах, а живые изо дня в день в суетах и в плавании на житейском море.

И такое следование за Христом похвально, но само по себе ненадежно. Это одна чувствительность, это выражение дружества ко Христу, но как бы оно ни было велико — увы! — не соединит нас со Христом неразрывным союзом.

Казалось, не было и не могло быть лучших друзей у Иисуса, как те, которых Он называл Сам “дети мои”, “друзья мои”, когда говорил о Своих учениках. Однако и они оставили Его. Один оставил Его еще в горнице иерусалимской, ушел с Тайной Вечери, после Причащения. Другие едва могли дойти до Гефсимании. А последние — и это самые надежные — вошли во двор Каиафы и оттуда бежали вон. Видите, как ненадежно такое следование за Христом и как немного значат наши вздохи и слезы, если только при них остаемся. Нужно нечто большее.

Обратимся к евангельской истории.

Первый, кто не мог не только следовать за Иисусом по пути Его страданий, но и вступить на этот

путь, был Иуда. Что же удержало его? Сребролюбие.

Не то же ли бывает и теперь? Разве мало таких, чья мысль все время направлена на стяжание, на расширение имущества? Из-за земных интересов мы оставляем истинное наше Сокровище — Спасителя. Конечно, теперь мы не чувствуем от этого вреда; напротив, эта сытость сопровождается ощутительной пользой. Иные даже хвалятся устроением своего счастья и добродушно повествуют о своем большом умении собирать и копить. Но не забудем, что все это — до времени, все это рушится. Рано или поздно явимся на суд к Тому, пред Которым нам некогда было молиться, о Котором ради стяжаний и корысти некогда было помыслить. Что тогда? Стыд и ужас для христианина.

Взгляните на Крест. Иисус Христос на Кресте, с руками простертыми, готовыми принять в свои объятия каждого приходящего к Нему. Только теперь слышится Его голос: “Идите ко Мне, приидите ко Мне, верные Мои” (см. Мф. 25; 34). Но когда Он воссядет на престол славы, тогда корыстолюбцы и ненасытные стяжатели услышат другие слова: “Уйдите от Меня, отойдите от Меня” (Лк. 13; 27).

И всякий, в ком любовь к стяжанию преобладает над любовью к Богу и к ближнему, пойдет в *место свое*. Только не в то, которое уготовил Сын Божий, наш Спаситель, “в доме Отца Своего” (Ин. 14; 2).

Нельзя следовать за Господом людям, отягченным грехами сребролюбия, самолюбия и беспечности. Эти препятствия отделяют нас от нашего Спасителя. С чем же можно? Откроем евангелиста, и он скажет нам тайну достойного следования к истинному

счастью. При Кресте Иисуса стояли Матерь Его и Мария Магдалина и ученик, Им возлюбленный (Ин. 19; 25—26), Вот с чем можно достигнуть Креста Христова и стать у его подножия, пред Распятым на нем, т. е. с любовью чистою, какую питают один к другому истинные благородные друзья. Крепкая любовь никем и ничем не задерживается. Она следует за Христом, куда бы Он ни повел ее: будь это храм или одинокая безлюдная гора, будь это дом Лазаря или чердак иерусалимской горницы, будь это страшная Голгофа или беспросветный гроб. Когда говорите или думаете о любви, имейте о ней представление, исключаящее любовь к миру, любовь к плоти, любовь к земной жизни. Жить, по учению Иисуса Христа, — любить, а любить — жить.

СЛОВО ТРЕТЬЕ

Многократные беседы о Кресте дают христианину утешение и радость. Святой апостол говорил и писал к своим друзьям и слушателям Церкви галатской: *Не желаю хвалиться, разве только Крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира* (Гал. 6; 14). Веровать в ту истину, что Сын Божий распят за грехи наши, углубляться в тайны Креста Христова, размышлять о крестной смерти Спасителя, лобызать Крест и поклоняться Распятому на нем — вот предмет нашей беседы.

Господь благоволил претерпеть распятие и смерть на Кресте и тем уничтожил проклятие, разрушил ад, отверз двери рая. Вот почему Крест, бывший прежде орудием казни и позора, сделался знаменем спасения, радостью и украшением христиан.

Крестом венчаются православные храмы, крестом украшаются венцы Царей христианских, крестом совершаются все семь священных Таинств, крестом освящается вода и все требующее освящения, крестом укрепляются воины на брани, крестом отличается верный от неверующего.

Если вникнем внимательно, то в одном крестном знамении найдем как бы сокращенный Символ веры. Изображая крест, мы произносим слова: *Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа* (Мф. 28; 19). Итак, крестным знаменем мы выражаем веру в Бога Отца, создавшего и хранящего нас; в Бога Сына, ради нашего спасения воплотившегося, страдавшего и погребенного; в Бога Духа Святого, освящающего и вразумляющего нас.

Крестным знаменем мы свидетельствуем пред всеми, что исповедуем именно ту веру, которую преподал Иисус Христос, проповедовали апостолы, которую хранит и исповедует вселенская Православная Церковь.

Крестным знаменем мы возобновляем и подтверждаем те обязательства, которые даны нами при святом Крещении. Сложением трех перстов руки при изображении крестного знамения означаются равенство и единосущие лиц Пресвятой Троицы, а сложением двух меньших — соединение двух естеств, Божеского и человеческого, в лице Иисуса Христа.

Мы полагаем персты правой руки на чело — это значит, что наши мысли должны быть посвящены Богу, что наш разум должен покоряться вере.

С чела переносим руку на грудь — этим мы выражаем обязанность и готовность нашу любить Бога всем сердцем.

Мы касаемся рукой правого и левого плеча — это значит, что наши дела и поступки должны быть чисты, святы, сообразны с законом Божиим.

Вот какая важность и какое значение заключаются в крестном знамении! Тяжкое чувство недоумения после этого возбуждают люди, которые священное знамение креста изображают на себе небрежно, бессмысленно, какими-то несообразными, странными, ничего не выражающими размахами руки, делая это по привычке. Можно подумать, что эти люди не знают той веры и Церкви, к которой принадлежат по рождению, или не уважают ее. Но как им не стыдно и не страшно выказывать свое невежество даже в храме Божиим!

Древность крестного знамения и внешний вид креста есть вид Креста Христова. Каков был внешний вид Креста Господня? Очевидные свидетели смерти Богочеловека — например Иоанн Богослов — умалчивают об этом. Из евангельской истории видно, что Иисус Христос был казнен на обыкновенном кресте, на котором римляне распинали рабов и возмутителей общественного порядка. Из свидетельств Св. отцов Церкви, многократно выдавших на крестах св. мучеников, можно заключить, что преимущественно крест был употребляем у римлян трех видов: трехконечный, четвероконечный и пятиконечный.

Между христианами возникли споры о форме и о внешнем виде Креста как истинного. Но, по воле Господа, от самого неба был разрешен этот вопрос, смущавший мысль верующих. Крест, виденный равноапостольным Царем Константином на небе и потом в руках Самого Иисуса Христа, был четвероконечный. Православным сынам Церкви остается благоговеть перед четвероконечным крестом, поклоняться ему и лобызать его, несомненно веруя, что именно этот вид имело Крестное Древо, на которое Спаситель, в Телe Своем, вознес людские грехи.

Впрочем, Крест Христов — скажем словами святителя Димитрия Ростовского — “не по числу концов честен нам, но по Самому Христу. Честен крест осьмиконечный, честен четвероконечный — оба равны, кождо есть Животворящий Крест Христов”. Из-за этой разности несущественной не должно спорить и вступать в пререкания, как делают наши братья, именующие себя староверами, а нас — в незаслуженный упрек и обиду — называют “никонианами”.

Взирая на Крест или изображая его на себе, мы должны помнить, что должны следовать Его Божественному учению. *Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мф. 16; 24).

О каком кресте говорит здесь Спаситель? Конечно, не о таком, на каком был распят Сам Он и многие из св. апостолов и св. мучеников и мучениц. Мы можем наложить на себя крест, когда распинаем плоть свою со страстями и похотями, когда для Бога отказываем себе в чувственных удовольствиях, подавляя в себе греховные страсти: гордость, корыстолюбие, плотоугодие, гнев, зависть и другие пороки.

Могут на нас налагать крест и злые люди, когда безнаказанно отнимают у нас наше имущество, честь, доброе имя. Если мы сносим все терпеливо, то мы несем истинный Крест нашего Спасителя.

Иногда и Сам Бог посылает нам крест, лишая нас родителей, супругов, детей и всего близкого, драгоценного нашему сердцу, посылая болезни, измену друзей или другие бедствия. Если мы при всем этом не унываем, не ропщем на Господа, но молимся Ему, прославляем Его, то несем истинный крест, благоугодный Господу. Тогда мы можем называться истинными христианами.

Крест, которому мы поклоняемся и который изображаем на себе, тогда только спасителен для нас, когда в душе у нас есть крест, когда мы имеем любовь и живую веру в Распятого за нас.

Спаситель наш, пострадавший за нас на Кресте! Молим Тебя Крестом Твоим: начертай Крест Твой в умах, сердцах наших! Даруй нам веру непостыдную, любовь нелицемерную, надежду светлую. Благослови наши дела, труды, слова, чувства, желания и помышления.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ

Итак, у каждого из нас есть свой крест, свои печали, скорби и страдания. Кто жил и не испытал их? Кто живет, не зная какого-либо горя? Истина отвечает на эти вопросы: никто из разумных существ. “Жизнь человеческая,— учит наша

любимая Мать Церковь, — походит на море, воздвигаемое бурю напастей”.

Но страдания и скорби нужно различать. Тоскует и человек завистливый о том, что ближний богаче его; мучается честолюбец ненасытным желанием отличий; мучается суетная женщина или девица оттого, что у ее знакомой сверстницы будто бы красивее наружность и она умеет одеваться к лицу; терзается сластолюбец невозможностью удовлетворить своим нечистым вожделениям. Все эти люди страдают, и как! Свету Божию они не рады! Однако же всякий благоразумный человек их страдания назовет мучениями, тоской греха. Они заслуживают не уважение, но укоризну или им, или их родителям, или же общественному воспитанию, или же духу времени. Это не кресты, но следствия своей причины.

Но есть беды, напасти и утраты, от которых никакая невинность укрыться не может, от которых никакая мудрость защититься не может: например, болезни, утрата в этом мире друзей; бедствия, исходящие от злых подобных нам людей; расторжение брака, похищение нашей собственности, помрачение нашего посильного служения Церкви и обществу клеветой. Это кресты, и кресты вполне христианские. Они в своем происхождении не зависят от человеческой воли. Они причиняют тяжкую, глубокую, неизлечимую рану нашему сердцу. Никто в мире не заменит нам похищенного смертью друга, никто не исцелит страданий, когда любовь наша к прекрасному запятнана клеветой, когда доброе наше имя влечется из уст в уста позором, хохотом или обманом.

Что же делать тому, кому, по особенному усмотрению Божию, назначена такая доля несчастий? Он должен видеть в нем Крест Христа. С истинным самоотвержением он должен взять этот крест и последовать за ним, за Иисусом Христом. Ведаем, что только крестным путем Иисуса Христа можно достигнуть и Его славы. Тяжко бремя это для плоти и крови, знаем, что им подкошена, как трава косой, наша жизнь, но для духа это иго, это несчастье становится благом при одном взгляде на Божественного Крестonosца, призывающего: *Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мф. 16; 24).

Господи, Спаситель! Все мы, здесь предстоящие во святом храме, хотим идти туда, куда Ты шествовал. Идем!

СЛОВО ПЯТОЕ

По учению отцов и св. учителей Церкви, можно усматривать на пути, ведущем к вечной жизни, две группы людей всякого возраста, пола и звания. Одни идут за Крестом Иисуса Христа и несут тяжелое иго своего креста, а другие, выпрямленные, по-видимому, бодрые, веселые, самоуверенные, направляются в противоположную сторону от крестной дороги и идут без креста.

Те, которые с крестом, — очень жалки. Их вид походит — на Самого Главного из них, Которого описал св. пророк Исаия в 53 главе своей чудной

книги. Он — как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его. Он истязуем был и не открывал уст Своих, как овца, веден был Он на заклание и, как агнец пред стригущими его, безгласен. Он как бы отторгнут от земли живых (Ис. 53; 2—8). Кто это Он? Не для чего было бы говорить вам известное, если бы имя Его нам не было драгоценнее жизни нашей, всех нас, всего мира; это — Иисус Христос, Сын Божий, взявший на Себя грехи мои, моего отца и матери, ваши грехи, вашего отца и матери, всех присных нам, всех любимых нами во Христе, всех верующих в Него, уповающих и благоугождающих Ему.

Вот больные. Бедные страдальцы! Тело их изнуренное утрачивает силу и крепость и естественную красоту. Со дня на день ослабевают в них токи жизни, а, между тем жажда жизни велика. Им жить хочется, им нужно здоровье, им жаль утраты своей красоты. Жаль всем, кто их видит.

Вот испытание. За что же такое наказание незаслуженное, неожиданное? У людей без креста, малодушных является ропот, неистовство, озлобление. У людей при кресте — иные чувства. Они озаряют их надеждой на Того, Кто поднял на Себя все недуги, Кто понес все болезни, Кто ради нас подвергся всевозможным страданиям. И все это потерпел для того, чтобы страждущему моему телу возвратить не только здравие и естественную красоту, но и даровать славное бессмертие.

Подле одра болящих, носящих Крест Христов, нет греха, нет заразы, но назидание для укрепления своей воли, урок для ознакомления с немощами нашей природы. Ныне болен брат или страждет сестра наша, а завтра можем мы сменить их. Это сердечное представление возбуждает сочувствие, сострадание. Вид болезней облагораживает душу, дает ей познание о хрупкости, непрочности того, что болит, и старится, и умирает.

Другая группа: одни идут без Креста. Это промотавшие свое состояние, издержавшиеся на распутство, убившие в себе доверие на честность слова, смелые до дерзости и ужасные до уничтожения, попрошай. Они достойны сожаления. Сами они не хотят молиться: они без Креста. За них, во имя любви к ближним, следует молиться.

Но среди этих отщепенцев — несчастные с Крестом: голодающие семьи, отец, обворованный мотовством детей, человек, обманутый чрезмерным доверием своим ближним, полураздетая женщина, несчастная старуха, увечный мастеровой, хозяин, лишенный пожаром всего имущества, труженик, обворованный злодеями, бедный земледелец, по случаю неурожая страдающий от нужды, холода и голода... Вглядитесь в них. Они влекут к себе участие своей покорностью Промыслу Божию. Они борются за существование и побеждают, потому что помнят Иисуса Христа, что и Он не имел угла, где склонить Свою пречистую голову; знают, что на Голгофе нечестивцы сняли с Него последнюю одежду, знают, что когда Он жаждал, то ему не дали воды, но дали кислый уксус, смешанный с горькой желчью. Он, наш Спаситель, был бездомным, бесприютным, всякую нужду

претерпел, чтобы тем, которые претерпевают бедность на земле, доставить в будущей жизни блестящие неизносимые ризы бессмертия и славы. Этим утешением обрадованные нищие духом и телом несут свой крест в терпении до могилы.

Еще группа: и здесь одни движутся к вечности со Крестом, а другие — без него. Вот они — обманывающие доверие сердца, нарушители и нарушительницы супружеской верности; люди, пишущие доносы безымянными письмами, клеймящие позором благородное и чистое, продающие за деньги суд, правду, молитву, милость; клеветники, лжецы. Они — без Креста. И за этих нужно молиться, потому что больше, выше, чище и отраднее нет молитвы и любви, как та, когда *кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15; 13).

Но среди них находятся обманутые, покинутые, оболганные, преданные поношению, у которых отнимают доброе имя, о которых пишут анонимные послания. О, как жалки они, потому что потеря имущества менее тяжела, нежели утрата доброго имени! Однако христианин и в этом случае находит себе отраду и утешение, если воззрит на распятого на Кресте Иисуса Христа. Он был лишен доброго имени на земле, а между тем при одном Его имени самые бесы трепещут. Часто при потере имущества и благоволения начальства и отнятия чести, случается испытывать измену и неблагодарность людей, которых во дни счастья мы считали своими друзьями. Может быть, случалось кому-либо из вас испытывать, как сторонятся люди от тех, на кого упал гнев судьбы. Нам случалось видеть и знать: это удаление от нас наших товарищей и сослужителей наносило глубокую

рану нашему сердцу. Что же? Если бы и все люди оставили нас, и тогда не должны отчаиваться, потому что во Иисусе Христе мы видим неизменного друга, брата и отца, Который в знак Своей непоколебимой верности пострадал и умер за нас.

Еще группа. Несут на кладбище умершего. Среди провожатых можно заметить много праздных людей. Своим присутствием они делают парад смерти, а не умершему. После похорон — еда, питье, веселый разговор. Эти участники внешней скорби, — да не осудит их Господь Бог, — не по-христиански поступают в отношении умерших.

Но среди них есть люди сильно сокрушенные сердцем; они неутешно скорбят о смерти своих кровных, о смерти друзей и благодетелей. Их лишение — горестно для сердца. Ничто в мире нам не заменит близких сердцу. На что мне нужно здоровье, когда тех, кого я люблю, более не увижу? На что мне богатство, для чего мне нужны почести, если мне не с кем их разделить? Никто из людей не может залечить ран одиночества, вдовства, сиротства, потому что никто из смертных не может воскресить моих незабвенных сердцу мертвецов.

Однако посмотрите на Крест Иисуса Христа. Он — источник воскресения всех. Он обещает на веки веков соединить нас с теми, с кем смерть разлучила нас. Смерть расторгла наше свидание только на время. Настанет день, когда мы будем неразлучны, когда ни недруг, ни смерть нас друг от друга не отнимут, потому что будем во Христе живы вечно.

Еще группа совсем безутешных. О чем их душа страдает? Бедные, они вспоминают и живо представляют себе прежние грехи!.. Да, братие и сестры, му-

чительнее ничего нет, как угрызения совести, когда она, пробудившись от сна греховного, начинает клясть свое гадкое прошедшее и вспоминать о страшном Божием суде. Но страдания и ужасы совести ослабевают, успокаиваются и совершенно уничтожаются, если мы с верой и благоговением обращаем взоры на Крест Христа, если очищаем себя молитвою, исповедью и достойным принятием Св. Причащения.

О, Спаситель мой! Твой Крест — наша сила. Ты — истинная любовь, и любовь к Тебе составляет суть жизни человеческой. Кто не любит Тебя, тот бесчувствен и не начинал жить истинной жизнью. А мы, братья и сестры? Пусть ответит на этот вопрос ваша совесть, ваше сердце.

СЛОВО ШЕСТОЕ

Поклоняясь благоговейно Животворящему Кресту Господню, лобызая правильное изображение распятого на нем Иисуса Христа, если внимательно всмотримся в пречистые черты Его лица, то видим, что Оно в высшей степени печально, при-
скорбно. Невольно вспоминаются при взгляде на распятого Спасителя слова Его, произнесенные в молитве к Богу Отцу: *Душа Моя скорбит смертельно* (Мк. 14; 34).

Когда перед Спасителем открылись Голгофа со всеми ужасами, крест с невыразимыми страданиями, терновый болезненно колючий венец, то Божественная душа Его возмутилась: *Душа Моя скорбит смертельно*.

Кто же был виновником такой беспримерной скорби нашего Господа? Кто уготовил Ему тяжкий крест? Люди! Люди, которых Он просвещал, утешал, исцелял, воскрешал!

У боговдохновенных пророков изображена глубокая скорбь вселюбящего Христа. Люди Мои, что сотворил вам, что ожесточили на Меня сердца ваши?

“Или Я принес вам беды, напасти, или Я соблазнил или погубил ваши души? Люди Мои! Для вас Я оставил небо и престол Мой, для вас Я, Царь царей, Царь всей вселенной, принял образ раба; Я был ради вас томим голодом и жаждой и не имел приюта, ни угла, где преклонить голову.

Люди, люди! Не Я ли врачевал ваши болезни и немощи, не Я ли давал слепым зрение, глухим слух, немым слова, хромым хождение, расслабленным здоровье, мертвым жизнь?

Люди, люди! Вы вкусили сладость греха — Я вкушаю горькие плоды его; вы утратили и любовь Божию, и рай небесный — Я вам возвращаю и то, и другое, и вечное блаженство. Люди Мои, что же Я вам сделал, что так ожесточили на Меня сердца ваши?”

И что же в ответ услышал Господь наш Иисус Христос? Люди отвечали: *Да будет распят!* (Мф. 27; 22).

В этих глумлениях злобы высказалась во всем бесстыдстве изумляющая душу неблагодарность облагодетельствованных к своему Благодетелю, ужасное, беспримерное жестокосердие развращенных сыновей и дочерей к своему любящему труженику Отцу,

к своей нежной, заботливой и чистосердечной Матери!

Мы желаем не иудеев осуждать, а ищем назидания себе, взирая на Крест Господень.

Мы ученики Иисуса Христа. Он и нас приблизил к Себе, как приблизил некогда Иуду. Не было ни одной истины, любви и мудрости, которых бы Иуда не знал. Что вкушал Иисус, тем питался и Иуда. Господь на Тайной Вечери сделал его участником Своей прощальной беседы. А Иуда? — Пошел к врагам Господа и предал Его. Он забыл любовь Его, — да, забыл!

Не бывает ли, что и мы, возлюбив Христа, приняв Его в себя, идем и предаем на позор свою дружбу, свою любовь, свои чувства, глумимся над тем, что составляет святыню другого? Не бывает ли, что некоторые из именующих себя христианами, под влиянием завистливой гордости и преступного самолюбия, готовы на все, готовы, вопреки совести и разума, назвать рай адом и силу небесную — силой Вельзевула.

Часто в добром человеке многие видят только одну мирскую несообразительность, и в жизни чистых, трудолюбивых людей усматривают безмолвное, красноречивое обвинение их лени и других пороков. И вот они говорят: “Что он? Откуда он? Кто его отец? Где он учился? Как он окончил курс учения?” И, вооружаясь насмешкой и озлоблением, вопят: “Да будет распят!”

Добрый слух всегда идет узкой стопой, бессовестная молва разбрасывается по всем большим дорогам. Она смела и дерзка, как озлобленный разбойник. Она заражает общественное мнение, которое

возмущено и, уже не рассуждая, свирепствует осудительным кликом: “Да будет распят!”

Да, в подобных случаях, как некогда к иудеям, Спаситель со скорбью нам говорит:

“Люди, люди, что Я сделал, что так ужасно ожесточились на Меня сердца ваши? Я отдал вам все — и плоть, и кровь Мою, отдал всю жизнь, а вы не прекращаете своих пороков, злобы, вражды, неблагодарности?! За вас Я скорблю, о ваших беззакониях сетую я в славе Моей. Люди Мои! Возрадуйте Меня исправлением своей жизни, делайте добрые дела, будьте друг ко другу справедливыми!”

Отзовемся же, братья и сестры, на зов Господа, взирая на Его Животворящий Крест, не словом только, но делом и всей нашей жизнью!

СЛОВО СЕДЬМОЕ

Братия! Прислушаемся к словам, к проповеди самого Креста Господня.

Но разве у Креста были слово и беседа? Да, у св. Креста была чудная, неподражаемая, незабвенная проповедь. Нашелся в страшный час истязаний Господа на Кресте один человек, который сказал там краткую, но весьма трогательную и назидательную проповедь. Кто — думайте!

Это один из преступников, который сам висел на кресте. И в какое время он вздумал проповедовать! В те ужасные минуты, когда в нем жизнь боролась со смертью, когда смерть брала верх над жизнью, когда железными гвоздями были пронзены руки и

ноги, голова, именно в минуты последних мучительных страданий.

Вот на этой проповеди остановим ныне свое благочестивое, простодушное внимание. Сам Господь обратил Свой Божественный взор на этого проповедника. Проповедь была так искренна, так правдива, чистосердечна, что Иисус Христос наградил за нее проповедника так много, как ни одного из бывших до него учителей, — Он наградил его раем прежде и ранее, нежели Своих апостолов и любимых учеников!

В тот ужасный час, когда иудеи издевались над распинаемым Иисусом, пристал к большинству голосов один из повешенных разбойников. Он озлобленно говорил, обратившись ко Христу:

Если Ты Христос, спаси Себя и нас (Лк. 23; 39).

Говоря так, он, может быть, надеялся от своих судей получить прощение; он хотел польстить общему мнению, он хотел обмануть еще раз и Бога, и людей. Или же, говоря так дерзко к распинаемому Христу, он думал показать Ему, хотя и собрату по несчастью, свое к Нему презрение, показать пред другими, что он не желает равнять себя с Ним, показать себя извергом, дьявольски гордым своими разбоями, бесчеловечностью и ненавистью.

Для другого же разбойника как ни было мучительно страдание на кресте, но хула на Иисуса Христа была больнее. Он не вытерпел и сказал:

“Или ты не боишься Бога? (Лк. 23; 40) Неужели у тебя нет страха Божия, что издеваешься над тем, что сам терпишь? Неужели ты хочешь перейти в другой мир разбойником, бессовестным че-

ловеком? Боишься ли ты Бога? Устыдись, пробуди свою совесть!”

Какая чистосердечность и высокое благородство в словах проповедника! В его немногих словах слышится презрительное обличение о том, что злословие неприлично, неуместно, безрассудно. В его словах слышится еще более сильная, потрясающая мысль, — именно напоминание о страхе Божиим и призыв к суду Божию. В этих словах благоразумного страдальца выражается высокая черта любви к ближнему.

Он не скорбит за Иисуса, над Которым злобно смеется товарищ, он не заботится о том, как спасти самому, но думает о том, как спасти другого. “Побойся Бога, — говорит он ему, — разбуди свою беспечную совесть”.

И нам, может быть, неоднократно приходилось повторять эти слова, желая удержать некоторых людей от дурных наклонностей и привычек. Так мы убеждаем распутного отца, оставляющего детей своих без доброго примера, являющегося к ним в пьяном виде с безобразными словами; мы ему говорим: “Стыдно тебе! Боишься ли ты Бога?”

Распутной дочери, сварливой жене, неисправному слуге, заблудшему сыну, человеку, привыкшему ко лжи говорим: “Бойтесь ли вы Бога?”

Доколе есть малая Божия искра в человеке, — искра совести, — дотоле напоминовение ему о Боге может быть спасительным. Он смущается, стыдится и исправляется. Но если в ком совесть утрачена, если ему и Бог не страшен, то — как это ни жалко — нужно считать такого человека в числе погибших.

Чудная эта проповедь благоразумного разбойника против злословий. В ней что ни слово, — то светлая мысль. Эту проповедь часто приходится иметь на памяти, когда злословят бедных людей, когда начальник или хозяин кричит с бранью на подчиненных, когда увольняют из-за клеветы и доносов невинных людей, потому что они не имеют причин оправдываться, — увольняют, выгоняют, судят, наказывают.

О, братие и сестры, не осуждайте и не издевайтесь над несчастными! Воззрите на Крест Иисуса Христа, и вы увидите, как человеческий суд бывает иногда несправедлив и жесток, увидите и узнаете также, что Божий Суд всегда справедлив. Не страшна человеку невинному ни нищенская сума, ни тюрьма, но страшен Суд Божий.

Безвинные страдания, знайте, случаются чаще, нежели мы думаем. Таков мир. Иисус Христос объявил Себя Учителем. В Нем все было назидательно, а между тем Его причислили к людям, растлевающим умы других. Иисус Христос явился Божественным врачом, всякий совет Его целителен, всякое слово имело силу воскресения, но все благодетельствованные им притаились, скрылись или ушли, или отошли. Ни одного голоса никто не подал за Него. За что же иудеи распяли Спасителя? Ни за что. Они не знали, что делали.

Итак, вот назидание при взоре на Животворящий Крест: не обижай, не издевайся над бессильными, но старайся помнить и знать, что делаешь, что говоришь.

Кающийся разбойник кончил проповедь свою молитвой, которую произнес, обратив свое лицо к Иисусу Христу, распятому на Кресте:

Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое (Лк. 23; 42).

“Я верую,— как бы так говорил он Иисусу.— Когда отверзешь двери царствия верующим в истину, не забудь обо мне несчастном, дай мне место с кающимися подобно мне, грешниками”.

Припомните, что отвечал Иисус Христос проповеднику: *Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю! (Лк. 23; 43).*

Вот награда за проповедь и за покаяние. Видно, что проповедник истинно чувствовал то, что говорил.

И вот чудо: краткой проповеди благоразумного разбойника достает на целые тысячелетия верующим проповедникам проповедывать о Кресте и самим обращаться и слушателей своих обращать с молитвою ко Христу. Вот и я, в качестве проповедника, а вы в качестве внимательных слушателей и читателей помолимся молитвой кающегося разбойника:

Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!

СЛОВО ВОСЬМОЕ

Божественный Искупитель, сказав незабвенные слова: *Отче! (Лк. 23; 46) и, преклонив главу, предал дух...* (Ин. 19; 30). Чтобы войти в дух событий, вообразим трогательное зрелище смерти отца или матери, оставляющих своих детей, или дорогого сердцу человека, которого смерть разлучила с друзьями. Что чувствуют и что делают ос-

тавшие в живых близкие люди при воспоминании об этой горькой разлуке? Они вспоминают заветы дорогих умерших, их любимые привычки, их милые, неумирающие в памяти дружественные, речи.

Вспомним и мы, взирая на Животворящий Крест, не оставил ли Спаситель наш, отходя на крестную смерть, нам какого-либо завещания. О, братие и сестры! Он завещал каждому из нас то, что никто никому, кроме Него, Всемогущего и Премилосердого, завещать не может. Раскроем Евангелие и послушаем слова Господа: *Завещаю вам*, — говорит Он, — *как завещал Мне Отец Мой, Царство*.

Что за царство? Не назвал ли Он так какого-либо доходного имения, во много верст длиной и шириной, домов, садов, рудников, фабрик, заводов? — Следовательно, Он умер, но я буду знатен, богат, роскошь сменит мою нужду, почет сменит мое смирение?

Нет, не радуйтесь легкомысленно и напрасно! Спаситель говорит: *Царство Мое не от мира сего* (Ин. 18; 36).

Братие и сестры! Он завещал каждому из нас, в Него верующих, царство небесное, вечное блаженство, неумирающую радость, славное ликование, ангельскую жизнь. Неужели мы не рады? Неужели для нас лучше, если бы Он завещал нам деньги и земные имущества? Но деньги и потерять можно, их вор украдет, поля и нивы могут быть поражены неурожаем, сады — увянуть, фабрики и заводы остаться без работ, но всего ужаснее, что в какой-либо час, когда и не ожидают, придет смерть и своей силой сразит жизнь быстрее, нежели коса в размахнувшейся руке снимает траву,

одевающую луг. Нет, — царство небесное несравненно лучше, несравненно прекраснее всякого земного блага и наслаждений мира сего.

Вняв такому обетованию Спасителя, христианин, проникнутый чувством удивления, взирая на Крест, должен сказать:

“О, премилосердый Спаситель! Мне ли, упорному грешнику, царствовать с Тобой? Неужели мне можно стать у Креста Твоего, в рубище греха, с язвами совести моей, в узах страстей? Неужели мне, связанному неправдами, погрязшему в тине житейской, осмелиться на голове своей, в которой было столько мыслей и дерзких и низких, держать венец, символ небесного царства? Неужели и в мою колеблющуюся руку, будет дан жезл, как право видеть Тебя, слышать Тебя? О, нет, не нам, не нам, Господи, но имени Твоему дай славу! Ты один достоин принять и славу, и честь, и силу с Отцом и Св. Духом, ныне и присно и во веки веков! Пусть с Тобою, мой Спаситель и мой Бог, царствуют Архангелы, Ангелы, апостолы, а меня, недостойного, только не отвергни стать последним слугой в Твоем небесном царствии!”

Однако иногда бывает смирение тяжелее гордости в людях. Посмотри, христианин, на св. Животворящий Крест, вразумись и умились. Спаситель для того и нисходил на землю и страдал, и томился, и бедствовал, чтобы нас сделать причастниками Божественного царства. Он для того увенчан был венцом терновым, чтобы увенчать св. мучеников, за Него мощи свои нетленные положивших, — таких прекрасных людей, как св. Сергей Преподобный, как Варвара великомученица, как мученицы София, Ве-

ра, Надежда и Любовь. Они уже в венцах царских; множество их в должностях и именуется в св. книге Апокалипсиса Царским священством, иереями Божиими, многие из них в одеждах снега белее, в блестящих ризах солнца светлее (см. Апок. 7; 13). А они — подобострастные нам. Нет, царство небесное — это наше наследство, потому что Христос Спаситель как Отец, как Бог! Мы его не уступим никому, даже смерти самой! Мы не сменяем его ни на что в мире и даже на всю вселенную! Примем же, братие и сестры, это бесценное завещание Спасителя и с любовью облобызаем всецелые Его руки, пригвожденные к Животворящему Кресту.

Однако в величественном завещании Спасителя указаны и условия, только при соблюдении которых мы можем получить обещанное наследство.

Кто хочет наследовать царство, — *кто хочет идти за Мною* (Мф. 16; 24), тот должен заранее приготовить себя к царственному званию, воспитать в себе благородство и величие духа. Лицемеры-фарисеи царства Божия не наследуют; распутники и пьяницы его не получают; ленивые и небрежные в него не войдут.

Кто хочет наследовать царство небесное, тот должен научиться управлять собою, уметь быть царем над своим телом, чувствами, сердцем и волей.

Кто не хотел сдерживать своих страстей, кто не хотел молиться Богу, кто занимался одной внешностью, желал казаться здесь красивым, нарядным, ученым, величавым, тот не имеет прав на небесное наследство, на царство небесное. Если представление о царстве небесном было для иного человека

скучным на земле, то за что же он получит награду в другом мире? Он что посеял, то и пожнет. Он “сеял ветер и пожнет бурю” (см. Ос. 8; 7).

Итак, приняв от руки Господа, последнее завещание, подготовимся его дочитать и выслушать до конца. В нем мы найдем и наставление, и утешение, опору своим надеждам, радость своей веры, награду своей любви. Но прежде вознесем в своих душах благоговейную благодарность Спасителю, даровавшему нам св. Крест в назидание, вознесем с убежденным знанием о том, что каждого из нас — и старца, и старицу, и мужа, и жену, и юношу, и девицу, и вдовицу, и отроковицу, и младенцев — Он внес в книгу жизни вечной, каждому из нас как на земле, в храме, открывают алтарь для принятия пречистых Христовых Таин, так в будущей жизни Спаситель отверзет двери блаженной, беспредельной вечности.

СЛОВО ДЕВЯТОЕ

Итак, братья и сестры, послушаем в свое утешение и наставление предсмертный завет Господа нашего Иисуса Христа.

— *Дети! недолго уже быть Мне с вами!* — говорил Он ученикам (Ин. 13; 33).

— Господи! куда идешь; отчего не хочешь с нами оставаться навсегда? (см. Ин. 14; 12).

— Оставляю мир и иду к Отцу!

— Итак, Ты, благодетель и друг человечества, был у нас на земле Гостем, на время нас посетил, чтобы опять от нас сокрыться, осиротить нас?

— Чада Мои, друзья Мои, не оставлю вас сиротами; опять приду к вам! (см. Ин. 14; 18).

— Господи! Если Ты оставишь нас не только на несколько дней, но и часов, то без Тебя, мы то же, что овцы без пастыря, немощные сироты без отца и матери, нищие без приюта, отверженные без слова дружеского, позабытые, без взора согревающего, оживляющего. Мы без Тебя, Господи, — несчастные существа.

И сказал Спаситель:

— Я пошлю вам Утешителя, да будет с вами Дух Истины (см. Ин. 15; 26).

Какая чудная, невыразимая радость! Святой Дух в принимающих Христово учение производит чудеса: люди развращенные, жестокосердые, нечестивые превращаются в благонравных, кротких, богобоязненных христиан.

Те, кто желают принять Св. Духа, люди мирские, смиренно подклоняют свои выи под иго Христова и делаются достойными царствия небесного, а те, которые живут, не призывая Духа Святого, из своей жизни делают драму или роман, искушение и соблазн и огорчение других, те — увы! — погибают.

“О, велик Крест Божий! Одним, — говорит ап. Павел, — слово крестное — юродство, другим — сила Божия” (см. 1 Кор. 1; 18); одним распятый Христос — соблазн, иудеям и элинам — соблазн, а нам Дух Святой внушает, что Он — Божия сила и Божия премудрость (см. 1 Кор. 1; 23–24); одним Евангелие — благовоние, аромат, благоухание в жизнь и радость, а другим оно — в смерть.

“Когда же, — может быть, спросят, — говорит Св. Дух? Когда и где мы слышим Его голос?”

При голосе Св. Духа замолкают оракулы, немеют лжепророки, сокрушаются идолы, меркнут страсти, трепещут бесы.

Голос Духа Святого — это евангельская речь, это — молитва, это — дружба, это — милосердие, это — нравственная чистота, это — доброта и простота. Это — совесть. Это — Истина сама! — Если молимся, если раскаиваемся, если умиляемся до слез и как бы вдохновляемся, то все это происходит в нас по голосу Св. Духа. Он с нами беседует и умиляет; Он восторгает нас и прощает.

Можем ли мы видеть Утешителя Духа Святого? Равносильный вопрос: можем ли мы видеть солнце? Можно ли видеть солнце без солнца? И что прежде действует: солнце или глаз, видящий солнце? Так и духовное солнце — Бога Духа Святого — нельзя видеть без Бога. “В свете Твоем узрим свет; пробави милость Твою ведущим Тя!”

Приемлющие и ведущие Св. Духа вмещают в себе, по учению св. апостола, храм Живого Бога. Над ними часто хвалится человеческая неправда, над ними слуги дьявола блистают ложным светом, пред ними беспрерывно западня и оковы дьявола, но они уподобляются тем простым душою ученикам Иисуса Христа, о которых Он в Своей молитве вещал:

“Благодарю Тебя, Господи, скрыл Ты великие тайны от надменных, знатных и мудрых, а открыл их во всем блеске разума младенцам” (см. Лк. 10; 21).

Если мало для утешения учеников Утешителя Св. Духа, то Спаситель изрек им, а в лице их и всем нам:

“Вот Мое обетование: к любящему Меня и соблюдающему заповеди Мои Я приду и явлюсь ему Сам: прежде Второго Моего пришествия в мир приду и обитель у Него сотворю”.

Что мы скажем Господу в ответ на это благостное обетование? Готовы, Господи, готовы соблюдать Твои заповеди, но Сам нас научи оправданиям Твоим, Сам научи честно творить волю Твою, чтобы удостоиться нам вожделенного посещения.

Это посещение внесет восторг и радость в наши сердца; душа найдет подкрепление, Дух Святой сойдет в сердца наши и воспламенит их Своим святым огнем. Сомнения рассыплются при свете Божественного Откровения, как утренние пары пред восходящим солнцем; мы все познаем свои места в бесчисленности существ. И когда посетит обитель и души наши Спаситель, то скажет Он Свои заветные слова, столь часто слышанные Всеми нами и повторяемые как благожелание единодушия от священников при совершении ими богослужений: “Мир всем”.

СЛОВО ДЕСЯТОЕ

Из уст евангелистов и пророков мы удостоились узнать ход и подробности событий, соединенных с поучительной историей Животворящего Креста Господня, воздвигнутого на Голгофе, на котором Он пострадал “нас ради человек и нашего ради спасения”. Мы остановились на пред-

смертных советах Господа Своим ученикам, а в их лице — всем нам.

Ученики знали и ведали предстоявший замысел богоубийства и богоотступничества Израиля. Они ведали, что если так дерзко поступали с Учителем, то еще ужаснее будет поступлено с Его учениками, — если хотят убить Отца, то помилует ли ненависть человеческая детей?! — И, подобно послушным детям, они спрашивали у Иисуса:

— Что нам делать, когда против нас восстанет мир, когда нас постигнут бедствия, бедность, одиночество, гонение, страдание?

Иисус говорил им:

— *Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте* (Ин. 14; 1).

В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир (Ин. 16; 33).

Первое оружие, самое верное и надежное, против злости людской, это — исполнение заповедей и учения Иисус Христа: *Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди* (Ин. 14; 15).

Заповеди широки по смыслу, но не многочисленны. Они в исполнении требуют только внимания к себе и вокруг себя, внимания к настоящему, прошедшему и будущему. Они должны быть написаны на скрижалях сердца нашего, на всей глубине и широте существа нашего. “Будьте деятельны и устойчивы в добре; носите доброе и прекрасное везде с собою, как носите свои глаза и уши. Пусть доброе и благородное будет в устах, во взоре вашем. Будьте честными всегда и во всем”. Если же не будете как дети, то и не отворят пред вами дверей царствия

небесного. Будьте целомудренными и нераздражительно-ми, — и “огонь соблазна не опалит вас”. Целость внутреннего святого огня, который носите вы, сожжет, испепелит всякую пыль страстей, всякую скверну вожделений, рожденную похотью и животною кровью. Еще совет Иисуса Христа: “Будьте во Мне, и Я буду в вас!” (см. Ин. 14; 20).

Это заповедь великая, отеческая, любящая! Спаситель, умирая, не захотел перейти в загробный мир в забвении о нем; Он не захотел порвать сношений и общения с теми, кто Его любит, кто Его признает своим Спасителем, отцом и благодетелем. Спаситель заповедует пребывать нам в единении нашего ума с Его Божественным Умом, нашего бедного сжимаемого горем и страстями сердца с Его Сердцем. Без Него — мы ничто, а с Ним — все. Без Него мы — гробы раскрашенные, в которых лежит смрад-ный или готовый к разложению труп, с Ним — *малым чем Ты умалил его пред Ангелами* (Пс. 8; 6): светносные Павлы, девственные Иоанны, благообразные Иосифы, венценосные Екатерины, мудрые Варвары, смиренные Параскевы, царственные Елены. Без единения с нашим Спасителем общество людей — декорированные маски, у которых подкрашены волосы, подрумянено лицо, вставлены для прелести других искусственные зубы: все это напоказ, на обман, на прельщение и угождение миру. В единении со Спасителем мы — тот ряд портретов, которые видите на св. иконостасе: пророки, апостолы, богословы, страстотерпцы и девственники и преподобные и подвижницы.

Но как же пребывать в Господе? Очень просто: посредством живой и пламенной веры и любви к Нему, пламенной молитвы, доброй мысли, прекрасных желаний, безупречных действий и в особенности чрез причащение св. Тела и Крови Его.

И еще совет Иисуса Христа, данный пред Его кончиной нам, Его детям. Этот совет Он произнес троекратно:

Заповедь новую даю вам,— да любите друг друга (Ин. 13; 34).

Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас (Ин. 15; 12). Сие заповедую вам, да любите друг друга (Ин. 15; 17).

Видите, как Ему, любвеобильному, угодно, чтобы между нами была братская любовь! Если мы подлинно ученики Христовы, если мы не фальшиво называемся Его духовными чадами, то должны любить друг друга такой любовью, какой Он нас возлюбил. Ученикам Христовым неприлично ссориться и враждовать друг на друга. Неужели нужно проповеднику объяснять, как следует любить друг друга людям? Прочтем изъяснение человеколюбия одного праведника, который жил только верою в Иисуса Христа, жил во времена патриархальные, раньше Моисея, жил не в просвещенной стране, а в Аравии. Он исповедывал в тяжелой болезни и скорби дела прожитой жизни и говорил: “Я плакал о всяком печальном, я вздыхал, видя человека в бедствии, я не отказал нищим в просьбе, не томил я глаз вдовы. Я не ел мой хлеб один, а ели со мной бедняки и сироты. Немощные согревались шерстью овец моих, я помогал убогому, был оком слепому и ногой хромому, нищим был отцом или другом. Вникал в дела человека незнакомого, беззаконных

презирал, хотя бы они были богаты и славны; от-
вращался воров и желал исторгнуть из зубов их по-
хищенное, утаенное взяткой. Я не презирал дел ни
слуги моего, ни служанки моей, потому что Бог об-
разовал во чреве и слугу и служанку, как и меня.
Золота я не поставлял себе подпорой, на камни дра-
гоценные не надеялся. Не радовался я, что рука моя
получила, или могла принять большой дар.

Сердце мое не прельщалось чужой женой, я оч-
ами моими не обманывал ни девицы, ни вдовы. Я
ходил со страхом Божиим и говорил, что Божий
страх есть Премудрость. Я ничтожен, себя я срав-
ниваю с землей и пеплом!” (См. Иов. 30, 31).

Любвеобильный мудрец окончил исповедь свое-
го человеколюбия словами, которые да будут пос-
ледними и в настоящей моей беседе: “Благоговейно
полагаю руку мою на уста мои!” Аминь.

Сентябрь-ноябрь 1897 г.

Как воин без мужества, так и христианин без тер-
пения суть жалкие люди. Тот не воин, кто идет на сра-
жение с робостью и страхом; мужество и храбрость
должны одушевлять доблестного воина, и тот не после-
дователь Христа, кто идет за Ним с грустью и скорбью.
Чем более мужества в духе, тем менее тяжести в скорби.
Чем слабее терпение, тем чувствительнее страдание.

*Из проповедей прот. Валентина
Амфитеатрова*

О ТЕРПЕНИИ СКОРБЕЙ

I

*Хвалимся и скорбями, зная, что
от скорби происходит терпение, от
терпения — опытность, от опытности
надежда, а надежда не посрамит.*

Рим. 5, 3—5.

Мы повторили слова, извлеченные из апостольского чтения, определенного Церковью на настоящий воскресный день. Апостол Павел благожелал, чтобы мы не были ни нетерпеливыми, ни малодушными при скорбях и утратах семейной и общественной жизни, которые не отнимают у нас внутреннего счастья. Мы их терпим в духе учения Иисуса Христа по примеру, данному Им и Его апостолами. Скорби не должны смущать нас, потому что они учат терпению. От терпения же происходит опытность. Опытность дарит нас надеждой.

Терпение — величайшее достоинство в человеке. Научившиеся терпеть имеют характер, владеют неоценимыми качествами осмотрительности, осторожности и великодушия. Терпение приобретается скорбями. Если нет скорбей, то нет случаев приобрести терпение. Может ли богат понять бедного нуждающегося человека, когда жизнь встретила его со всеми дарами наслаждений? Разумеется, он не может знать, как горек хлеб, принимаемый от чужих людей честным

человеком, страдающим от голода, как неудобно высоко крыльцо, на которое входит человек, вынужденный бедностью и голодом просить помощи и подаяния!

Ночи бессонные от болезни и от чрезмерной работы, от мысли о несчастье друзей; тяжкие мысли о своей будущности и будущности своей семьи, своих любимых, обесцененный труд, высокомерие начальника, унижающего подчиненного, неприютность, неуспехи. Все это причиняет ужасные скорби! Скрывать нечего — многие погибают от них, не выдерживают их натиска, портят свое мировоззрение, делаются злыми, алчными, коварными, жестокими, порочными, бессовестными. По мере роста скорбей, их умственное и нравственное падение увеличивается. Привычка к попрошайству у знакомых и незнаемых, стремление к захвату чужого, допущение себя до бесстыдства опьянения и публичного разврата суть следствия неспособности выдержать напор жизненных неудач. Душа, созданная по подобию Божию, имеющая назначение быть бессмертной, растрачена: образ Божий в человеке стирается, стыд исчезает. В человеке умирает человек, и остается носитель лишь внешней формы человеческого существа, наполненной жаждой гнусных страстей.

Чтобы не охватила человека такая беда, чтобы не жали напасти, ап. Павел положительно указывает приятную сторону скорбей по воззрению нашей религии. Он ставит нам в пример образ Спасителя, Который претерпел за наши грехи бедность, осуждение, горе, бездомность, тяжелые страдания, чтобы показать всем верующим, что душа больше тела, что терпение составляет истинную честь и славу для христианина, что всякому человеку необходим подвиг.

Когда Иисус Христос видел страдальцев неповинных, ненавидимых, гонимых, обманутых, покинутых, не имеющих крова, Он говорил им в утешение одно: *В терпении вашем стяжите души ваши* (Лк. 21; 19). Те, которые вдумывались в Его слова, видели в них великую отраду, несли иго жизни благодушно. У них все брали, что имели они, неблагодарно брали. Их гнали, они подвергались презрению, нищете. Им грозили доносами, отнимали у них семейные радости, лишали их честного имени, — но они в своих страданиях радовались, потому что научились терпению, при всякой неправде, опускавшейся на них гнетом лишений. Они вспоминали слова дорогого Небесного Учителя: *И будете ненавидимы всеми за Имя Мое* (Мф. 10, 22), — *всеми*, ибо, будет скорбь вам и от детей, и от друзей, и от родных, и от соседей, и в городе, и в селе куда ни пойдете, — *но претерпевший до конца, спасется* (Мф. 10, 22).

Венец спасения, в который пламенно веровали апостолы, умиротворял их. Их всегда и в храме на молитве, и на улицах, и в домах, и в темницах видели одинаково благодушными, строгими только по отношению к неправде, добрыми, жизнерадостными среди слушателей, хранящих слово Божие и поступающих согласно ему.

Говорили ап. Павлу римские христиане: «За что ты терпишь? Ты учен, ты имеешь все достоинства, ты мог бы быть в больших, иметь и славу, и деньги, и богатства, жить и веселиться». Апостол Павел отвечал: *Скорбим ли мы, скорбим для вашего утешения и спасения, которое совершается перенесением тех же страданий, какие и мы терпим* (2 Кор. 1, 6).

Итак, ап. Павел видел в перенесении скорбей отраду быть полезным примером для других, окружающих и слушающих его. Что же произошло потом? Многогтерпеливый подвижник ап. Павел умер мучеником. Меч палача снес его честную, многодумную голову. Но прошли годы, и вот ап. Павел стал нашим первоверховным учителем. Нет дня, когда бы не поминала его св. Церковь, когда бы не поучала своих богомольцев его учением и наставлением. Проповедник ищет у ап. Павла любимый текст для своих слушателей, трудящийся христианин утешает и развивает его словами свой ум, свое сердце, укрепляет свою волю.

Еще пример: современнику св. Павла, ап. Петру жаловались его ученики на людскую неправду. Они говорили, что ведут себя хорошо, а о них идет дурная молва; трудятся, а их называют тунеядцами; молятся, а их приравнивают к безбожникам; они любят, а их ненавидят; они помогают нуждающимся, а их помощь считают как бы подкупом. На все эти сеготования св. ап. Петр в своем первом послании (любознательные могут прочесть в первом послании Петра во 2-ой главе) дал ответ в таких словах: *То угодно Богу, если кто помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки? Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу (1 Петр. 2, 19–20).* Далее вслушайтесь в слова первоверховного пастыря Церкви: *Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его (1 Петр. 2, 21).*

Советы благовестников не устарели, как не стареет и не умирает истина. Возьмем их себе в сердце.

Сложим их бережно, как молитву, как завещание любимых родителей, и последуем им. В наше время скорби многих угнетают. От них нигде не упасешься, не убережешься. Они проникают в бедную хижину и врываются в чертоги, роскошью создаваемые. Слезы невольные льются, вопли сердечные слышатся со всех сторон. Но не будем ни роптать, ни злиться, ни впадать в пороки; не уступим ни одной пяди своих христианских убеждений, не падем при искушениях, но скажем словами апостола: «Мы, ученики и последователи Христа, хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение (Рим. 5, 3)». Что происходит от терпения?

Если благоугодно Господу, в следующий раз будем беседовать об этом, руководствуясь постановлениями св. апостола. Аминь.

II

Внимая учению апостольскому, мы в прошедшее воскресенье старались уяснить себе мысль, что не следует смущаться скорбями, встречающимися в жизни на пути спасения, не должно малодушествовать, испытывая скорби и бедствия, потому что от скорбей, по выражению ап. Павла, *происходит терпение, а от терпения опытность* (Рим. 5, 3—4).

Поистине опытность можно назвать дочерью терпения. Тот человек, которого жизнь дарит достатком материальных благ и телесным здоровьем, обыкновенно не вникает глубоко в себя. И нынче, и завтра, как всегда, пред ним есть все, в чем чувственная его природа имеет потребность. Он идет куда хочет, у него свой дом, на улице — почет, в теле — крепость здоровья, в расположении людей,

в развлечениях — нет отказа. Предаваясь чувству довольства, счастливец забывает о своем бессилии: ему кажется, что он все может, что невозможность существует для других, а не для него. Он забывает о своей зависимости от Господа Бога. Кому же неизвестно, что сытые, веселые и здоровые посещают храм Божий реже, нежели убогие и нуждой гнетомые? “Пока гром не грянет над головой, беспечный не осенит себя знаменем креста” — верное присловье нашего народа, взятое из опыта и наблюдений.

Человек, жизнь которого идет без скорби, мало думает о краткости земного существования. Всем известно, какие чертоги себе строит богач прихотливый. Эти дворцы напоминают собой храмы. Кому не известно, что люди без скорби себя считают умней, нежели они на самом деле. Под влиянием самозабвения, они легко забывают о высших потребностях своей бессмертной души, о небесных благах. Их религия — очень часто сброд странных соображений, плод несообразных увлечений. Таковы все, не испытавшие скорби.

Терпение же скорбей не дает человеку возможности самозабвения. Он и вчера, и сегодня, и всегда на страже, недремлющий и чутко прислушивающийся к голосу своей совести. На каждом шагу и в каждый час он сознает себя бессильным. Самым опытом он приходит к убеждению в непостоянстве и суетности земных благ. Он видит, как меркнет величие, как надувается и распадается спесь, как безнадежна крепость богатства, как скоропроходящи молодость и красота. Терпение скорбей научает усерднее молиться Богу и у Него искать помощи

и подкрепления, на Него надеяться среди всяких бедствий настоящей жизни.

Христианин, ревностно подвигающийся на пути спасения, чем более испытывает печалей, тем более совершенствуется в духовной жизни. Страсть над ним бессильна. На горне терпеливого перенесения скорбей, под молотом горестной доли перековываются люди в тех сильных духом личностей, которые дорожат честным словом, пренебрегают щедрыми подачками лиц, ими не уважаемых, стоят за правду до потери всего своего состояния, даже жизни, плачут с плачущими и веселятся радостями других, которые сочувствуют горячо и всем сердцем благополучию других. На скорбном пути спасения человек-христианин усматривает и на себе самом испытывает, как Божия сила совершается в его немощах (2 Кор. 12, 9). Любящие ученики ап. Павла, добрые его знакомые сетовали и болели за него, зная о том, как много он терпит от лукавых людей. Апостол Павел, как подвижник Христов, слыша об этом сочувствии к нему, писал: *Отец Милосердия и Бог всяческого утешения утешает нас во всякой скорби. Мы утешаемся, зная, что вы участвуете, как в страданиях наших, так и в утешении* (2 Кор. 1, 3—4, 7). Вот, братия и сестры, что необходимо страдальцу: дружеское сочувствие.

Всегда бывает грустно, когда видим, как от человека, впадшего в несчастье, отворачиваются приятели, до той поры окружавшие его похвалами. Но подвижник Христов радуется, сознавая, что они отошли от него не потому, что он изменил добру, но по собственному малодушию и самолюбию. Мишуря отпала от золота: золото становится еще светлее и драгоценнее.

Достигший опытности в христианских подвигах, св. ап. Павел писал своим друзьям: *Я научился быть довольным тем, что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии, и в недостатке. Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе»* (Флп. 4, 11–13). Так приобретает, братия и сестры, опытность в терпении.

Опытность окрыляет благочестивого христианина надеждой. Благодушно переносящий скорби скоро из собственного опыта узнает справедливость слов пророка Давида в 117 псалме: «Господь за меня — не усташусь: что сделает мне человек? Господь мне помощник; буду смотреть на врагов моих. Лучше уповать на Господа, нежели надеяться на человека. Лучше уповать на Господа, нежели надеяться на князей и сильных мира» (Пс. 117, 6–10).

В высшей степени утешительно для честного человека это назидание великого, боговдохновенного певца. Честный человек пробивает себе путь жизни трудом, скорбями, лишениями. Ему не нужны покровители земные, они — смертные люди, они любят своих присных, они являются пред облагодетельствованным подобно языческим идолам.

Человек, привыкший путем покровительства сильных получать отличия, чины и титулы, возносится над своей средой, забывает Господа Бога и впадает в идолопоклонство, хотя в этом и не сознается. Такой человек не поймет слов апостола Павла: *Хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения — опытность, от опытности — надежда, а надежда не постыдит* (Рим. 5, 3–5).

Истинный подвижник ободряется надеждой даже и в такое время, когда, по-видимому, все против него: и люди, и земля, и воздух, и вода. Почему же ободряется? Потому что внемлет он приятнейшему голосу: *Блаженны вы, когда будут поносить вас, и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня* (т. е. за правду, за любовь, за добро). *Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах* (Мф. 5, 11–12).

Но справедливо ли чувство надежды у христианина, не обман ли она, не мечта ли, навеянная недомыслием, гордостью и отчаянием? *Надежда не постыдит*, — уверенно говорит св. ап. Павел.

В следующей беседе еще раз вникнем благочестивым вниманием в эти слова ап. Павла: *Хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыдит!* Аминь.

III

Этими словами св. ап. Павла в два минувшие воскресные дня, с этого священного места, по милости Божией, на основании святоотеческого толкования, мы укрепляли свой христианский дух. И ныне, призвав Спасителя нашего в помощь, в простоте сердца последуем наставлению св. ап. Павла; откроем сердца наши к слушанию и уразумению утешительных его слов. Надежда христианина не постыдит. Надежда на Господа составляет для нас радость, свет и силу, она не обманывает. *Люди нередко обещают и не исполняют; Господь же верен в своих словах!* — восклицал в боговдохновенном псалме св. Давид.

Грустно, что многие люди не знают слов Божиих или не узнают в них голоса самого дорогого, родного, близкого их душе. У многих чувство надежды на других людей, или на земные блага, или же лично на себя кажется более возжеланным нежели счастье, обетованное словом Божиим.

Надеющийся на Господа, по словам святого пророка Давида, уподобляется горе Сиону (Пс. 124, 1). Он живет исключительно под покровительством не сильных людей, которые смертны, не богатства, которое скоропреходяще, не почестей, которые исчезают, как дым, — но под охраной Божией.

Надежда христианина не постыдит! Святой апостол указывает несомненное достоинство этой истины, потому что, по его словам, любовь Божия — *верующих любит Бог, — излилась в сердца наши Духом Святым* (Рим. 5, 5). Есть ли признаки того, что любовь Божия к нам раскрылась чрез изливание даров Святого Духа в наши сердца? Такое изливание в сердца верующих сперва торжественно совершилось в день Пятидесятницы, когда Дух Святой сошел на апостолов, и с того времени продолжается доньше. Благодать Его изливается в сердца верующих чрез слово Божие и спасительные Таинства и всегда пребывает с ними, возрождая, укрепляя и совершенствуя их в духовной жизни. Дух Святой усыновляет верующих Богу. Пред Ним нет различия между знатными и незнатными, богатыми и бедными, многоучеными и неучеными, между полом женским и мужским, между старцем и юношей. Иисус Христос для всех равно доступен. Все могут уповать на Него и любить Его всем сердцем и всею душою, Он никого не отвергает и всем раздает Свои

благодатные, спасительные дары по нужде и по достоинству каждого.

Надежда не постыдит, потому что она у всех общая. Иисус Христос соделал спасение для всех и призывает ко спасению всех. Он со Своими спасительными дарами доступен и близок всем.

Внимая апостольскому учению о скорбях, терпении и надежде, возьмем из него для себя руководительные правила. Апостол Павел желал, чтобы последователи Иисуса Христа хвалились скорбями. Но мы, если не имеем столько великодушия и мужества, чтобы терпение скорбей почитать за счастьем, то, по крайней мере, свои скорби, неизбежные на пути спасения, будем встречать без смущения, с благодушием, с искренней готовностью переносить их, ради Христа, нашего Спасителя.

Находясь под бременем болезней, убожества или тяжких обстоятельств, будем убеждены, что настоящие временные страдания ничего не стоят в сравнении со славой, которая откроется в нас, если, по благодати Христа Спасителя, удостоимся быть участниками Его царства. Будем смиренно просить помощи у Господа, чтобы не изнемочь под бременем печали и со спокойствием духа преодолевать всякие несчастья, непоколебимо уповая на благость и человеколюбие Господа Спасителя. Он — Помощник несчастным, Он — Утешитель скорбящим, Он — Врач больным, Он — Покровитель вдовиц, девственников и девственниц, Он — Отец сирот, Он — надежда безнадежных.

Перенося скорби, будем, братья и сестры, заботиться о том, чтобы не быть виновными перед Господом за тяжелую участь наших ближних. Кому

не известно, что о перенесении скорбей легче рассуждать и проповедовать, нежели их переносить? Святой апостол Петр в первом послании, в четвертой главе, упрасивал о сочувствии ближним, *чтобы*, как он говорит, кто из нас не пострадал (1 Петр. 4, 15), утратив христианское и человеческое достоинство, не сделался вором или злодеем, или завистником, или посягающим на чужое, или распутным, или ленивым, или пошлым, или грубым. Вот скорби истине ужасные, вот клейма трудно смываемые, вот позор семьи, вот неутешные скорби мужа, жены, детей, отца, матери и всех, нежно любящих и любимых. “А если,— говорит ап. Петр,— страдает каждый из нас, как христианин, то не стыдись, брат мой или сестра моя, или дочь моя, но прославляй Бога за такую участь” (1 Петр. 4, 16).

Как бы тяжела ни была наша скорбь, не будем колебаться в уповании на Господа. Будем помнить апостольское слово: *“надежда не постыдит*, потому что любовь Божия излилась в сердца наши”.

С какого времени наши сердца восприняли ее? С самого св. Крещения. Она продолжает изливаться в спасительных Таинствах исповеди и св. причащения Тела и Крови Христовой, дающих нам права, подобно ап. Павлу, взывать к Спасителю: “Авва Отче! Господи, Иисусе Христе! Пошли Ангела Хранителя нам, рабам, Тебе верным до конца жизни, да поможет он нам идти без ропота, страха и пороков, среди соблазнов и среди всех скорбей, всегда соблюдая заповеди Божии и прославляя всесвятое имя Твое, Спасителя нашего, со Отцем и Святым Духом, ныне и во веки. Аминь».

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

ПОУЧЕНИЕ В НЕДЕЛЮ ПО ПРОСВЕЩЕНИИ*	3
ПОУЧЕНИЕ В НЕДЕЛЮ О СТРАШНОМ СУДЕ*	6
ПОУЧЕНИЯ ПЕРЕД НАЧАЛОМ ВЕЛИКОГО ПОСТА	
Почтение первое.....	10
Почтение второе	15
ПОУЧЕНИЕ В СРЕДУ ПЕРВОЙ СЕДМИЦЫ	
ВЕЛИКОГО ПОСТА	18
ПОУЧЕНИЕ О ЗНАЧЕНИИ ЕФИМОНОВ	20
ПОУЧЕНИЯ	
В НЕДЕЛЮ ТОРЖЕСТВА ПРАВОСЛАВИЯ	
Почтение первое.....	23
Почтение второе*	28
ПОУЧЕНИЯ ВО ВТОРУЮ НЕДЕЛЮ	
ВЕЛИКОГО ПОСТА	
Почтение первое.....	31
Почтение второе (О значении покаяния	
в жизни христианина	34
Почтение третье*	39
ПОУЧЕНИЯ В НЕДЕЛЮ КРЕСТОПОКЛОННУЮ	
Почтение первое.....	42
Почтение второе.....	46
Почтение третье*	50
Почтение четвертое*	54
Почтение пятое*.....	57
Почтение шестое.....	59
ПОУЧЕНИЕ О КРЕСТОНОШЕНИИ	63
ПОУЧЕНИЯ В ЧЕТВЕРТУЮ НЕДЕЛЮ	
ВЕЛИКОГО ПОСТА* (О значении Великого поста)	
Почтение первое.....	67
Почтение второе.....	72
ПОУЧЕНИЕ В СРЕДУ ПЯТОЙ СЕДМИЦЫ	
ВЕЛИКОГО ПОСТА	75

* Звездочками отмечены проповеди, собранные А. И. Зерцаловой и ранее не опубликованные.

ПОУЧЕНИЕ В ПЯТНИЦУ ПЯТОЙ СЕДМИЦЫ	
ВЕЛИКОГО ПОСТА (Скорбь Иисуса Христа	
перед началом страданий)	75
ПОУЧЕНИЯ В ПЯТУЮ НЕДЕЛЮ ВЕЛИКОГО ПОСТА	
Поучение первое*	81
Поучение второе (Крестный путь Спасителя)	84
ПОУЧЕНИЕ В ПЕРВЫЕ ДНИ ШЕСТОЙ СЕДМИЦЫ	
ВЕЛИКОГО ПОСТА	88
ПОУЧЕНИЕ В ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ	92
ПОУЧЕНИЯ НАКАНУНЕ СТРАСТНОЙ СЕДМИЦЫ	
Поучение первое (За всеношной в воскресенье)	97
Поучение второе*	101
НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК	
I	102
II*	104
НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ВЕЛИКИЙ ВТОРНИК	105
ПОУЧЕНИЕ В ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ (Перед чтением	
о Страстях Христовых)	109
ПОУЧЕНИЯ	
ПЕРЕД ПЛАЩАНИЦЕЙ В ВЕЛИКУЮ ПЯТНИЦУ	
Поучение первое	111
Поучение второе	115
Поучение третье	119
Поучение четвертое	124
Поучение пятое	127
Поучение шестое	130
Поучение седьмое	133
Поучение восьмое*	135
Поучение девятое*	138
Поучение десятое*	143
ПОУЧЕНИЕ ПЕРЕД ПЛАЩАНИЦЕЙ	
В ВЕЛИКУЮ СУББОТУ	147
КРАТКИЕ ПОУЧЕНИЯ ПРИЧАСТНИКАМ	
Поучение первое	150
Поучение второе	153
Поучение третье	154
Поучение четвертое	156
Поучение пятое	159
Поучение шестое	160

Поучение седьмое	161
Поучение восьмое	163
Поучение девятое.....	164
Поучение десятое.....	165
Поучение одиннадцатое	166
Поучение двенадцатое.....	167
Поучение тринадцатое	169
Поучение четырнадцатое.....	171
Поучение пятнадцатое.....	172

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ

БЕСЕДА ПЕРВАЯ (Мк. 2; 6; 7).....	174
БЕСЕДА ВТОРАЯ (Лк. 10; 38–42; 18; 31–33, Ин. 11, 12; 1–8)	192
БЕСЕДА ТРЕТЬЯ (Мф. 5; 33–45, Лк. 19; 27–36).....	206
БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ (Мф. 18; 21–35)	227
БЕСЕДА ПЯТАЯ (Мф. 25; 14–30)	249
БЕСЕДА ШЕСТАЯ (Мк. 1; 21–28, Мф. 15; 21–28, 17; 14–21)	262
БЕСЕДА СЕДЬМАЯ (О проклятой смоковнице (Мк. 11; 12–23)).....	283

ДЕСЯТЬ СЛОВ О КРЕСТОНОШЕНИИ

СЛОВО ПЕРВОЕ	300
СЛОВО ВТОРОЕ	304
СЛОВО ТРЕТЬЕ	308
СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ	312
СЛОВО ПЯТОЕ	314
СЛОВО ШЕСТОЕ	319
СЛОВО СЕДЬМОЕ	322
СЛОВО ВОСЬМОЕ	326
СЛОВО ДЕВЯТОЕ	330
СЛОВО ДЕСЯТОЕ	333

О ТЕРПЕНИИ СКОРБЕЙ	338
---------------------------------	-----